

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА  
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

*На правах рукописи*

Астанков Василий Александрович

Государственная деятельность цесаревича Александра Александровича  
и его восприятие правительственной политики в 1865 – 1881 гг.

Научный руководитель:  
доктор исторических наук  
профессор Л.Г. Захарова

Диссертация на соискание  
учёной степени  
кандидата исторических наук

Раздел 07.00.00 – Исторические науки  
Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Москва – 2014

## Оглавление

Стр.

|                                                                                                                                 |            |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|------------|
| <b>Введение .....</b>                                                                                                           | <b>3</b>   |
| <br><b>Глава 1. Цесаревич во внутренней политике второй половины 60-х – середины 70-х гг. XIX в. ....</b>                       | <b>16</b>  |
| §1. Вел. кн. Александр Александрович и его окружение .....                                                                      | 16         |
| §2. Военная служба наследника до середины 70-х гг. Участие в реформировании армии и взаимоотношения с военным ведомством .....  | 34         |
| §3. Цесаревич и борьба правительственных группировок во второй половине 60-х – середине 70-х гг. ....                           | 53         |
| <br><b>Глава 2. Внешняя политика России в восприятии наследника престола .....</b>                                              | <b>99</b>  |
| §1. Европейская сфера внешней политики .....                                                                                    | 99         |
| §2. Восточный кризис середины 1870-х гг. ....                                                                                   | 109        |
| §3. Цесаревич на Русско-турецкой войне 1877 – 1878 гг. ....                                                                     | 125        |
| <br><b>Глава 3. Наследник накануне вступления на престол .....</b>                                                              | <b>147</b> |
| §1. Проблема развития военно-морского флота в конце 70-х – начале 80-х гг. ....                                                 | 147        |
| §2. Борьба с революционным движением в конце 70-х – начале 80-х гг. ....                                                        | 155        |
| §3. Цесаревич, граф М.Т. Лорис-Меликов и взаимоотношения в императорской семье в последний год царствования Александра II ..... | 164        |
| <br><b>Заключение .....</b>                                                                                                     | <b>180</b> |
| <br><b>Источники и литература .....</b>                                                                                         | <b>182</b> |

## Введение

**Актуальность темы исследования.** Политическая история российского самодержавия во второй половине XIX в., в годы «Великих реформ», в последние 20 лет стабильно пользуется высоким интересом в отечественной историографии. Кроме того, в исторической литературе существенно возросло внимание к изучению роли личности в истории, к её значению в принятии и реализации политических решений и влиянию на жизнь государства, наметилась устойчивая тенденция к углубленной проработке биографий государственных деятелей. При достаточно хорошей изученности политической истории России времён царствований Александра II и Александра III и отдельных представителей бюрократической элиты тех эпох, личность и деятельность императора Александра III в качестве наследника престола, его взаимоотношения с отцом изучены далеко не достаточно и зачастую неверно трактуются в связи с дальнейшей политикой «контрреформ», проводимой Александром III.

**Объект исследования.** Объектом исследования является личность наследника русского престола цесаревича Александра Александровича, будущего императора Александра III.

**Предмет исследования.** Предметом исследования является государственная деятельность цесаревича Александра Александровича, его взгляды на ключевые вопросы внутренней и внешней политики России и процесс формирования этих взглядов, деловые и личные взаимоотношения с императором, представителями «верхов» и общественными деятелями в 1865 – 1881 гг.

**Цели и задачи исследования.** Целью работы является возможно более полная реконструкция государственной деятельности цесаревича Александра Александровича в качестве престолонаследника. Предполагается изучить разнообразные аспекты данной деятельности и политических взглядов вел. кн. Александра Александровича в непосредственном восприятии самого цесаревича и его современников через источники личного происхождения, принадлежащие наследнику, его родным, ближайшему окружению, а также представителям «верхов» и общественности. Также необходимо выявить, каким образом разнообразные стороны деловой и личной жизни наследника престола могли, в конечном счёте, оказать влияние на формирование будущего государя и политики его царствования. В соответствии с этим ставятся следующие конкретно-исторические задачи:

– проанализировать основные стороны личности вел. кн. Александра Александровича на тот момент, когда он сделался цесаревичем, рассмотреть ближайшее окружение нового наследника и степень его влияния на великого князя;

– определить взгляды наследника на основные вопросы внутренней политики в гражданской и военной сферах и то, как они складывались, выявить степень его участия в решении этих

вопросов, рассмотреть взаимоотношения цесаревича с императором Александром II, представителями правящей бюрократии и общества;

– изучить восприятие цесаревичем внешнеполитического курса правительства в европейской и азиатской сферах, его участие в событиях, связанных с Восточным кризисом середины 1870-х гг., и Русско-турецкой войне 1877 – 1878 гг.;

– рассмотреть государственную деятельность цесаревича Александра Александровича в последние годы царствования Александра II: его роль в разногласиях, возникших вокруг определения стратегии развития русского военно-морского флота, участие наследника в борьбе с революционным движением и попытках преодолеть кризис во внутренней политике, взаимоотношения цесаревича с графом М.Т. Лорис-Меликовым и с императором накануне 1 марта 1881 г.

**Хронологические рамки исследования** определяются временем, когда вел. кн. Александр Александрович был наследником престола. Таким образом, нижняя хронологическая граница работы – 12 апреля 1865 г., когда после смерти вел. кн. Николая Александровича цесаревичем стал его брат Александр Александрович, верхняя граница – 1 марта 1881 г., день смерти императора Александра II и вступления на престол его преемника. Разумеется, что для характеристики личности вел. кн. Александра Александровича необходимо обратиться к сюжетам, произошедшим ранее 1865 г.

**Методологическую основу исследования** составляют классические методы исторической науки – принцип историзма, диалектики, системности, дающие возможность изучать явления в процессе формирования, становления и развития, в органической связи с породившими их условиями, духом времени. Исследование будет вестись с учётом единства внутренних и внешних, субъективных и объективных факторов исторического процесса. Заключение и выводы предполагается сделать на основе анализа всего комплекса использованных источников, с учётом существующих научно-исследовательских традиций.

**Степень изученности темы.** В исторической литературе существует немало исследований, посвящённых отдельным проблемам внутренней и внешней политики царствований Александра II и Александра III, но лишь в немногих из них авторы связывали их непосредственно с деятельностью наследника престола.

Начать обзор историографии проблемы следует с работы дореволюционного исследователя, дипломата, публициста и историка, С.С. Татищева. Он первым предпринял попытку создать жизнеописание Александра III вскоре после его смерти. Книга «Император Александр III, его жизнь и царствование» должна была стать естественным продолжением исторического исследования Татищева об императоре Александре II. Разумеется, издание не могло не быть апологетическим, но это не мешало Татищеву опереться на ряд подлинных источников личного

происхождения, принадлежавшие членам Императорской фамилии. Автор не успел завершить своего труда, полностью были подготовлены главы о детстве и юности вел. кн. Александра Александровича до смерти старшего брата, о действиях Руцукского отряда во время Русско-турецкой войны, и частично о вступлении Александра III на престол. В настоящее время часть труда Татищева о детстве и юности Александра III опубликована<sup>1</sup>. Все остальные подготовительные и черновые материалы хранятся в фонде рода Татищевых в РГИА (Ф. 878) и насчитывают 22 единицы хранения. В ГА РФ в коллекции рукописей Царскосельского дворца имеется отпечатанная типографским способом глава о восшествии Александра III на престол, представленная автором на прочтение Николаю II, а также машинописный план книги Татищева<sup>2</sup>.

Также в апологетическом духе были написаны и статьи Е.С. Каменского<sup>3</sup>. В частности, деятельность наследника представлена чуть ли не как основополагающая в деле перевооружения армии в конце 1860-х гг. Источники цитировались автором не только с текстовыми ошибками, но и таким образом, что совершенно выпадал ряд действующих лиц и сюжетов.

В советской историографии первым, кто обратился к изучению ставших доступными личных бумаг Александра III, по-видимому, был Н.Н. Фирсов, который попытался нарисовать психологический портрет цесаревича и государя Александра Александровича опираясь на его дневник. Правда, работа скорее иллюстрирует заведомо сложившееся у историка упрощённое представление об Александре III как о «медведе», большом, неповоротливом гиганте, слабо развитом, недалёком в своих душевных запросах человеке, оказавшемся на русском престоле. Тем не менее, исследователь сделал ряд довольно верных суждений о психологической стороне взаимоотношений цесаревича с отцом, с графом М.Т. Лорис-Меликовым, показал значимость для Александра Александровича семейных ценностей, попробовал дать оценку роли К.П. Победоносцева в формировании взглядов будущего императора<sup>4</sup>.

После того как появилась первая значительная публикация эпистолярного наследия Александра III, его переписки с К.П. Победоносцевым, на её основе была написана работа Ю.В. Готьё<sup>5</sup>. Статья, появившаяся под свежим впечатлением от большого и разнообразного материала, освещала многие стороны взаимоотношений цесаревича и Победоносцева в вопросах внутренней политики и личной жизни Императорской фамилии. Исследователем привлекались со-

---

<sup>1</sup> *Татищев С.С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002.

<sup>2</sup> ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 649. Л. 24 об. – 25.

<sup>3</sup> *Каменский Е.* Заботы цесаревича Александра Александровича о перевооружении русской армии и о помощи голодающим в 67-ом году // Русский архив. 1915. № 9-10. С. 159 – 180; *Он же.* Наследник цесаревич Александр Александрович // Исторический вестник. 1917. №1, 2, 3.

<sup>4</sup> *Фирсов Н.Н.* Александр III. Личная характеристика частью по его неизданным дневникам // Былое. 1925 №1(29). С. 85 – 108.

<sup>5</sup> *Готьё Ю.В.* К.П. Победоносцев и наследник Александр Александрович, 1865 – 1881 гг. // Публичная библиотека СССР им. Ленина. Т. II. М., 1928. С. 107 – 134. Статья переиздана: К.П. Победоносцев: pro et contra. СПб., 1996. С. 451 – 486.

проводительные архивные документы, как например переписка Победоносцева с Е.Ф. Тютчевой. Ю.В. Готье показывает, как Победоносцев своими письмами оказывал на цесаревича нравственное влияние, давал необходимые со своей точки зрения советы, по возможности старался компенсировать если не пробелы в образовании, то хотя бы отсутствие у наследника целостного взгляда на те или иные вопросы. Победоносцев представлен в работе как умелый психолог, умеющий придать своим письмам нужный тон, знающий точки воздействия на своего адресата. Тем не менее, представляется, что в работе Готье несколько смещены акценты именно вследствие того, что предметом анализа была лишь некоторая часть переписки цесаревича, хотя и весьма значительная. Из-за этого личность наследника затушёвывается, упрощается, а фигура Победоносцева вследствие характера переписки выглядит чересчур крупно.

Изучение личности и деятельности вел. кн. Александра Александровича продолжилось в исследованиях ученика Ю.В. Готье П.А. Зайончковского. В монографии, посвящённой военным реформам Д.А. Милютина<sup>6</sup>, было уделено значительное внимание перевооружению русской армии и её реорганизации. Привлекая дневниковые записи наследника Зайончковский показывает его по преимуществу отрицательную роль в деле военных реформ, по сути противником курса Д.А. Милютина и сторонником противоположной стороны, во главе которой находился князь А.И. Барятинский. Но участие цесаревича в реформах было, по мнению историка, скорее эпизодическим, и не оно оказывало принципиальное влияние в высоких сферах. В другой своей работе о кризисе власти в последние годы правления Александра II и после восшествия на престол Александра III<sup>7</sup> П.А. Зайончковский уделил значительно больше места наследнику Александру Александровичу. Показана его роль в попытках правительства выйти из кризиса, участие в секретных совещаниях в январе 1880 г. и в создании Верховной распорядительной комиссии, отношения с графом М.Т. Лорис-Меликовым. В работе, посвящённой непосредственно царствованию Александра III<sup>8</sup>, П.А. Зайончковский впервые в советской историографии специально в отдельной главе рассмотрел личность монарха и его ближайшего окружения. Следует, однако, признать, что характеристика самого самодержца как человека и правителя получилась несколько односторонней, поскольку Зайончковский основывался на мемуарных свидетельствах лишь нескольких современников, не использовал письма и дневник Александра III для анализа его личных качеств.

В советской историографии к изучению роли вел. кн. Александра Александровича эпизодически обращались также исследователи истории международных отношений.

---

<sup>6</sup> Зайончковский П.А. Военные реформы 1860 – 1870 гг. в России. М., 1952.

<sup>7</sup> Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х гг. М., 1964.

<sup>8</sup> Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М., 1970. С. 35 – 46.

С.Д. Куниский в своей работе<sup>9</sup> пришёл к выводу о том, что центром внимания была цесаревича в течение 1870 – 1871 гг. были война и дипломатия, а вовсе не парижские коммунары. В исследовании А.З. Манфреда отмечены антипрусские настроения наследника, однако автор подчёркивает, что Александр Александрович был прежде всего «почтительным и смиренным сыном» и не позволил бы себе идти против линии отца, направленной на дружественные отношения с Пруссией, а затем и объединённой Германией. Одновременно Манфред указано на то, что французские политические деятели, в частности, А. Тьер, возлагали в то время неоправданно преувеличенные надежды на наследника, считая его откровенным франкофилом. По мнению автора, этой же ошибки не избежал даже К. Маркс, который полагал, что наследник русского престола является главой некой сильной «старомосковской антинемецкой партии»<sup>10</sup>. Эта же проблема была затронута С.В. Оболенской в её работе об общественном мнении Германии и России в период Франко-прусской войны<sup>11</sup>. Автор пришла к выводу о достаточно жёсткой антипрусской позиции цесаревича. В глазах Александра II наследник становился если не главой, то ярким знаменем оппозиционно настроенных кругов, что не могло не раздражать императора. В действительности же, по мнению Оболенской, цесаревич не оказывал какого-либо серьёзного влияния вследствие его почти полной незаинтересованности в политических делах. О влиянии князя В.П. Мещерского на наследника в то время во внешнеполитической сфере писал также В.М. Далин<sup>12</sup>.

В ряде исследований советских историков рассматриваются сюжеты внутренней политики и деятельность представителей правящей бюрократии и общества, к которым имела непосредственное касательство и деятельность наследника престола. И хотя вел. кн. Александр Александрович зачастую в них даже не упоминается, данные работы имеют большое значение для настоящей диссертации. Таковы монографии В.Г. Чернухи<sup>13</sup>, Н.И. Цимбаева<sup>14</sup>, А.П. Шевырёва<sup>15</sup>.

В современной российской историографии продолжилось активное изучение различных аспектов внутренней и внешней в царствование Александра II, борьбы в «верхах», а также отдельных представителей правительственной администрации. Хотя в них деятельность наследника не рассматривается вовсе или затронута лишь вскользь, исследованные в этих работах

---

<sup>9</sup> Куниский С.Д. Русское общество и Парижская коммуна: отклики в России на Франко-прусскую войну и Парижскую коммуны. М., 1962.

<sup>10</sup> Манфред А.З. Традиции дружбы и сотрудничества. Из истории русско-французских и советско-французских связей. М., 1967. С. 37 – 38.

<sup>11</sup> Оболенская С.В. Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России. М., 1977.

<sup>12</sup> Далин В.М. Последние Романовы и князь Мещерский // Вопросы истории внешней политики СССР и международных отношений. М., 1976.

<sup>13</sup> Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978; Она же. Правительственная политика в отношении печати. 60 – 70-е гг. XIX в. Л., 1989.

<sup>14</sup> Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978.

<sup>15</sup> Шевырёв А.П. Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. М., 1990.

сюжеты имеют самую тесную связь с цесаревичем Александром Александровичем. Следует назвать статью<sup>16</sup> Л.Г. Захаровой о складывании внешнеполитического курса Александра II, монографии<sup>17</sup> В.Е. Воронина, посвященные государственной деятельности вел. кн. Константина Николаевича, работу И.А. Христофорова об «аристократической оппозиции» в эпоху Великих реформ<sup>18</sup>, исследование А.А. Комзоловой о политике самодержавия в Северо-Западном крае<sup>19</sup>, работы А.В. Мамонова, посвященные деятельности правящей бюрократии в конце царствования Александра II<sup>20</sup>. К ним примыкают научные биографии Р.А. Фадеева<sup>21</sup>, князя А.И. Барятинского<sup>22</sup>, графа И.И. Воронцова-Дашкова<sup>23</sup>.

В ряде работ роль наследника престола в вопросах внутренней и внешней политики, а также деятельность окружения цесаревича рассматривается подробнее.

Б.С. Итенберг и В.А. Твардовская в биографическом исследовании, посвященном графу М.Т. Лорис-Меликову<sup>24</sup> высказывают мысль, что успешные взаимоотношения цесаревича и Лорис-Меликова были возможны лишь благодаря «лукавству» графа, который умело прикрывал свои либеральные намерения и только так мог заслужить доверие якобы насквозь консервативного по своим взглядам наследника.

Проблема враждебного отношения наследника к «шуваловской партии» и его так называемой «оппозиции» правительственному курсу в конце 1860-х – начале 1870-х гг. затронута в монографии И.Е. Дронова, посвященной князю В.П. Мещерскому, а также в специальной статье о влиянии Мещерского на взгляды вел. кн. Александра Александровича<sup>25</sup>. По мнению автора, цесаревич разделял господствовавшее в «кружке Мещерского» критическое отношение к «владычеству» графа П.А. Шувалова и этим невольно вызывал у императора подозрения в «оппозиционности». Впрочем, центром «оппозиции» наследник стать не мог в силу своего зависимого положения и незрелости. Те же сюжеты затронуты и в работе А.С. Карцова, который приходит к выводу о том, что «особый политический образ мыслей» цесаревича превратно истол-

<sup>16</sup> Захарова Л.Г. Александр II и место России в мире // Новая и новейшая история. 2005, №2, 4.

<sup>17</sup> Воронин В.Е. Русские правительственные либералы в борьбе против «аристократической партии» (середина 60-х – середина 70-х гг. XIX в.). М., 2009; *Он же*. Русская самодержавная власть и либеральная правительственная группировка в условиях политического кризиса (конец 70-х – середина 80-х гг. XIX в.). М., 2010.

<sup>18</sup> Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850-х — середина 1870-х гг.). М., 2002.

<sup>19</sup> Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005.

<sup>20</sup> Мамонов А.В. Граф М.Т. Лорис-Меликов: к характеристике взглядов и государственной деятельности // Отечественная история. 2001. № 5. С. 32 – 50; *Он же*. Правящая бюрократия и формирование внутренней политики самодержавия в конце царствования Александра II. Дисс. ... к.и.н. М., 2002; *Он же*. Самодержавие и «славянское движение» в России в 1875 – 1877 гг. // Отечественная история. 2004. №3. С. 60 – 77.

<sup>21</sup> Кузнецов О.В. Р.А. Фадеев: генерал и публицист. Волгоград, 1998.

<sup>22</sup> Муханов В.М. Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М., 2007.

<sup>23</sup> Исмаил-Заде Д.И. Граф И.И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. М., 2005.

<sup>24</sup> Итенберг Б.С., Твардовская В.А. Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники. М., 2004.

<sup>25</sup> Дронов И.Е. Консервативный проект для России: общественно-политические идеи князя В.П. Мещерского. М., 2009; *Он же*. Дронов И.Е. Кружок князя В.П. Мещерского 1865 – 1871 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8 «История». 2001. №3.

ковывался «шуваловской партией», в то время как «Александр II ревниво оберегал свои prerogatives от покушений, мерещившихся ему со стороны престолонаследника»<sup>26</sup>.

В монографии А.Ю. Полунова, рассматривающей общественно-политическую деятельность и взгляды К.П. Победоносцева<sup>27</sup>, значительное место уделено взаимоотношениям Победоносцева и наследника престола, влияние будущего обер-прокурора на воспитание и образование вел. кн. Александра Александровича, а также на формирование критического взгляда цесаревича на политику правительства в 1860-х – 1870-х гг.

В ряде работ, посвящённых императору Александру III, также высказывается мнение об «оппозиции» наследника Великим реформам отца и ему лично. В.Г. Чернуха полагает, что уже во второй половине 1860-х гг. вел. кн. Александр Александрович представлял некую «оппозицию справа», которая, в отличие от «аристократической партии», имела сугубо идеологический и националистический характер. Конечно, открыто спорить с Александром II или противодействовать ему в тех или иных вопросах наследник не мог, однако «уж слишком часто они оказывались в противоположных лагерях»<sup>28</sup>. Критическое отношение наследника престола к реформам 1860 – 1870-х гг. В.А. Твардовская связывает, прежде всего, с влиянием на него К.П. Победоносцева и статей М.Н. Каткова. В то же время, исследовательница полагает, что, несмотря на политические расхождения и семейные неурядицы, «воспитанный в патриархальном духе» цесаревич «читил отца, не смея осуждать его открыто», и в целом их личные отношения оставались доброжелательными<sup>29</sup>. Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин также полагают, что именно влияние Победоносцева и разлады в семье будили в наследнике критическое чувство к отцу и его управлению<sup>30</sup>. При этом авторы работ в основном опираются на опубликованные источники и практически не привлекают дневник и переписку самого цесаревича.

За последнее время появилось несколько биографических работ об императоре Александре III. Однако такие работы, несмотря на использование значительного количества неопубликованных ранее материалов, имеют скорее популярный и публицистический, чем научный характер. Особенно заметно в них тенденциозное стремление излишне укрупнить фигуру Александра Александровича по сравнению с его отцом, тот или иной эпизод, связанный с Александром II и наследником, обычно преувеличенно истолковывается в пользу последнего. Среди

---

<sup>26</sup> Карцов А.С. Русский консерватизм второй половины XIX – начала XX в. (князь В.П. Мещерский). СПб., 2004. С. 334 – 335.

<sup>27</sup> Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010.

<sup>28</sup> Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 296 – 297; Чернуха В.Г. Александр III // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 14 – 15.

<sup>29</sup> Твардовская В.А. Александр III // Российские самодержцы. М., 1993. С. 220, 226–227, 229.

<sup>30</sup> Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Александр II и наследник накануне 1 марта 1881 г. // Исторический опыт русского народа и современность. Кн. 2: Дом Романовых в истории России. СПб., 1995.

подобных работ можно назвать книги А.Н. Боханова<sup>31</sup>, О.И. Барковец и А.Н. Крылова-Толстикевича<sup>32</sup>, И.Е. Дронова<sup>33</sup>, Е.П. Толмачёва<sup>34</sup>.

Среди работ иностранных исследователей особого упоминания заслуживает работа американского историка Р.С. Уортмана, в которой автор рассматривает сложную систему репрезентации монархической власти, последовательно создаваемую каждым из российских государей от Петра I и до Николая II, которая складывалась из множества факторов: политических решений, придворного церемониала, обращения к тем или иным нравственным ценностям. Это не в коем случае не сборник биографий монархов, но анализ их «сценария власти», их роли как исполнителей этого сценария и оценка актуальности и возможности реализации того или иного сценария в конкретный период и конкретным правителем. Рассматривая «сценарий власти» Александра III и уделяя большое внимание «формированию русского царя», Уортман констатирует как значение семейных ценностей и религиозной веры в жизни цесаревича, так и его «чувство враждебности к отцу с его западной фривольностью». Особое значение он придаёт разногласиям между императором и наследником престола в вопросах национальной и внешней политики<sup>35</sup>.

Крайне важной для освещения взаимоотношений цесаревича Александра Александровича с Морским министерством и вел. кн. Константином Николаевичем представляется работа Дж.В. Киппа о спорах вокруг путей стратегического развития военно-морского флота в конце 1870-х – начале 1880-х гг., связанных с новой строительной программой морского ведомства и созданием Добровольного флота<sup>36</sup>.

Таким образом, видно, что хотя государственная деятельность цесаревича Александра Александровича и его политические взгляды и нашли определённое отражение в отечественной и зарубежной исторической литературе, обобщающие научные работы о его взглядах и деятельности в бытность наследником престола отсутствуют. Поэтому настоящая диссертация, учитывая достижения предшествующей историографии, является следующим шагом в разработке данной проблемы.

**Источниковая база исследования.** Диссертация написана на обширной источниковой базе, в основе которой лежат материалы личного происхождения как самого цесаревича Александра Александровича, так и его окружения, ближайших родственников, а также государств-

---

<sup>31</sup> Боханов А.Н. Император Александр III. М., 2006.

<sup>32</sup> Барковец О.И., Крылов-Толстикевич А.Н. Александр III – Царь-Миротворец. СПб., 2007.

<sup>33</sup> Дронов И.Е. Сильный, державный: жизнь и царствование Александра III. М., 2006.

<sup>34</sup> Толмачёв Е.П. Александр III и его время. М., 2007.

<sup>35</sup> Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. М., 2004. С. 249 – 250, 268.

<sup>36</sup> Kipp J.W. Tsarist politics and the Naval Ministry, 1876 – 81: Balanced fleet or cruiser navy? // Canadian-American Slavic Studies. 1983, Vol. 17, No. 2.

венных и общественных деятелей того времени. Кроме того, использовалась делопроизводственная документация и публицистика.

Обзор материалов, принадлежащих непосредственно наследнику престола, следует начать с дневника, который он вёл в 1865 – 1881 гг. Вел. кн. Александр Александрович стал вести полноценный дневник (не считая небольших неумелых детских и юношеских записей) вскоре после того, как сделался наследником. Этому начинанию непосредственно способствовал близкий к нему в ту пору князь В.П. Мещерский, буквально обучивший наследника умению писать дневник. Поначалу в записях преобладали однообразные сведения о прогулках, приёмах, обедах, балах, охоте, визитах. Однако уже вскоре цесаревич научился анализировать свои поступки и мысли. На страницах дневника появляются рассуждения о любви, о вере, долге и обязанностях. Наследник стал заносить свои впечатления от занятий государственными делами, встречах с людьми, давал критические отзывы о министрах и высших чиновниках и о их деятельности, о своих родственниках в России и за границей. Записи о том, что действительно вызывало интерес вел. кн. Александра Александровича, отличается яркость, сильная эмоциональность, зачастую он не стесняется резких выражений. Подчас автору нельзя отказать в образности сравнений и некоторых публицистических способностях. В то же время, он не всегда считал нужным «распространяться» о том или ином сюжете подробно, ленился писать слишком много. Дневник вёлся ежедневно почти до самого дня вступления Александра Александровича на престол, прерываясь лишь на время Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. и, по не вполне ясной причине, на несколько месяцев в 1878 и 1879 г. Записи велись чётким, очень разборчивым почерком, часто довольно мелко, исключительно по-русски (на языке оригинала, чаще всего французском, приводились названия прочитанных книг, газет и журналов). 11 книг дневника хранятся в личном фонде императора Александра III в ГА РФ<sup>37</sup>. Незначительные фрагменты из дневника цесаревича опубликованы<sup>38</sup>.

По сравнению с дневником, ещё большей подробностью, откровенностью и эмоциональностью отличается богатое эпистолярное наследие наследника престола. Наиболее информативными и доверительными являются письма цесаревича к жене, вел. кн. Марии Фёдоровне<sup>39</sup>, к матери<sup>40</sup>, императрице Марии Александровне, братьям – великим князьям Владимиру<sup>41</sup>,

<sup>37</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 298 – 308.

<sup>38</sup> Дневник наследника цесаревича великого князя Александра Александровича. 1880 г. // Российский архив. Вып. VI. М., 1995. С. 344 – 357.

<sup>39</sup> ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 699 – 708. Незначительная часть писем наследника к цесаревне опубликована: Из переписки Александра Александровича Романова и его супруги Марии Фёдоровны // Вопросы истории. 2000. №4-5. С. 111 – 135. Полностью опубликована их переписка за период правления Александра III: Император Александр III и императрица Мария Фёдоровна. Переписка. 1884 – 1894 гг. М., 2001.

<sup>40</sup> ГА РФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 115.

<sup>41</sup> Там же. Ф. 652. Оп. 1. Д. 378.

Алексею<sup>42</sup> и Сергею<sup>43</sup> Александровичам, к дяде вел. кн. Михаилу Николаевичу<sup>44</sup>. Переписка с отцом<sup>45</sup>, императором Александром II отличается меньшей откровенностью со стороны обоих корреспондентов, однако также чрезвычайно важна для рассмотрения взаимоотношений государя и наследника и их взглядов на государственные дела. Интересна опубликованная переписка наследника с вел. кн. Николаем Николаевичем Старшим в период Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг.<sup>46</sup> Как правило, высокой информативностью и откровенностью отличаются письма наследника к лицам из своего ближайшего окружения. Таковы ставшие уже хрестоматийным источником изданные впервые ещё в 1920-х гг. письма Александра Александровича к К.П. Победоносцеву<sup>47</sup>, менее известные письма к князю В.П. Мещерскому<sup>48</sup> и к графу И.И. Воронцову-Дашкову<sup>49</sup>. Наряду с письмами наследника к Мещерскому, известны также «журналы» с вопросами, которые князь составлял для цесаревича, чтобы выяснить его взгляды на те или иные явления в государственной жизни, а также на себя самого, с ответами Александра Александровича на полях<sup>50</sup>. Большое значение имеет переписка цесаревича с графом М.Т. Лорис-Меликовым в период нахождения последнего у власти<sup>51</sup>. Также использованы письма наследника к А.Ф. Аксаковой (Тютчевой)<sup>52</sup>, Д.А. Милютину<sup>53</sup>, А.П. Боголюбову<sup>54</sup>.

Другую группу источников личного происхождения составляют воспоминания, дневники и переписка окружения наследника престола, его родственников, государственных и общественных деятелей той эпохи

Огромный интерес представляют письма приближённых цесаревича к нему самому, при анализе которых вместе с другими источниками можно непосредственно судить о степени влияния окружения на великого князя. Среди них весьма значительные по объёму письма к

<sup>42</sup> Там же. Ф. 681. Оп. 1. Д. 30, 31.

<sup>43</sup> Там же. Ф. 648. Оп. 1. Д. 52. С купюрами и некоторыми ошибками часть писем наследника к вел. кн. Сергею Александровичу опубликована: Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2: 1877 – 1880; М., 2007; Кн. 3: 1880 – 1884. М., 2009.

<sup>44</sup> ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2743а. Значительная часть переписки цесаревича Александра Александровича с вел. кн. Михаилом Николаевичем опубликована автором диссертации: «Любящий тебя племянник Саша»: Переписка цесаревича Александра Александровича и великого князя Михаила Николаевича. 1874–1878 гг. // Исторический архив. 2012. №5. С. 152 – 178; 2013, №1. С. 107 – 150.

<sup>45</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 641, 669; Ф. 678. Оп. 1. Д. 729, 732.

<sup>46</sup> «Буду свято исполнять свой долг»: переписка наследника цесаревича Александра Александровича с великим князем Николаем Николаевичем // Источник. 1993. №1. С. 39 – 50.

<sup>47</sup> В работе использовано издание: К.П. Победоносцев и его корреспонденты. В 2 т. Мн., 2003.

<sup>48</sup> Some Russian Imperial Letters to Prince V.P. Meshchersky (1839 – 1914) // Oxford Slavonic Papers. Vol. 10. 1962. P. 105 – 158. Частично переизданы в издании: *Мещерский В.П.* Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863 – 1868. М., 2011.

<sup>49</sup> Переписка И.И. Воронцова-Дашкова и императора Александра III // *Исмаил-Заде Д.И.* Указ. соч. С. 201 – 256.

<sup>50</sup> Further Russian Imperial correspondence with Prince V.P. Meshchersky // Oxford Slavonic Papers. Vol. 11. 1964. P. 101 – 111.

<sup>51</sup> Переписка Александра III с графом М.Т. Лорис-Меликовым // Красный архив. 1925. №1(8). С. 101 – 131.

<sup>52</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 638.

<sup>53</sup> ОР РГБ. Ф. 169. К. 56. Д. 36.

<sup>54</sup> РГАЛИ. Ф. 705. Оп. 1. Д. 4.

Александру Александровичу К.П. Победоносцева<sup>55</sup>, князя В.П. Мещерского<sup>56</sup>, графа И.И. Воронцова-Дашкова<sup>57</sup>, князя Н.А. Орлова<sup>58</sup>, одного из преподавателей цесаревича И.К. Бабста<sup>59</sup>, его адъютанта П.А. Козлова<sup>60</sup>, Н.М. Баранова<sup>61</sup>, генерала Р.А. Фадеева<sup>62</sup>. Из переписки окружения наследника привлечены письма К.П. Победоносцева к А.Ф. Аксаковой (Тютчевой) и её сестре Е.Ф. Тютчевой<sup>63</sup>, к графу С.Д. Шереметеву<sup>64</sup>, письма Р.А. Фадеева к Н.П. Игнатьеву<sup>65</sup>.

Из документов личного происхождения, принадлежащих родственникам цесаревича Александра Александровича, использованы письма к нему императрицы<sup>66</sup>, вел. кн. Владимира Александровича<sup>67</sup>, вел. кн. Михаила Николаевича<sup>68</sup>. Для понимания личных и деловых взаимоотношений наследника с отцом, Александром II, и дядей, вел. кн. Константином Николаевичем, важны письма императора к императрице Марии Александровне<sup>69</sup>, княжне Е.М. Долгоруковой<sup>70</sup>, вел. кн. Николаю Николаевичу Старшему<sup>71</sup>, дневник вел. кн. Константина Николаевича и его письма к А.В. Головнину<sup>72</sup>.

Большое значение для характеристики личных качеств и государственной деятельности наследника имеют воспоминания его приближённых – графа С.Д. Шереметева<sup>73</sup>, князя В.П. Мещерского<sup>74</sup>, фрейлины цесаревны графини А.А. Толстой<sup>75</sup>, лейб-хирурга Н.А. Вельяминова<sup>76</sup>.

---

<sup>55</sup> Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1. М., 1925.

<sup>56</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 894 – 897. Значительная часть писем князя Мещерского к наследнику опубликована: *Мещерский В.П.* Указ. соч.; «Моя преданность Вам имеет одну основу: национальную политику»: Письма князя В.П. Мещерского цесаревичу Александру Александровичу. 1871 г. // Исторический архив. 2000. №3. С. 137 – 169.

<sup>57</sup> Переписка И.И. Воронцова-Дашкова и императора Александра III.

<sup>58</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 944 – 947. Письма Александра Александровича к Орлову, несомненно имевшиеся, как и основная часть архива князя, остаются неразысканными.

<sup>59</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 499.

<sup>60</sup> Там же. Д. 829.

<sup>61</sup> Там же. Д. 698.

<sup>62</sup> Там же. Д. 1023.

<sup>63</sup> ОР РГБ. Ф. 230. К. 4408. Д. 11; К. 4409. Д. 1, 2; К. 4410. Д. 1; К. 5273. Д. 4, 5; «...Пишу я только для Вас...»: Письма К.П. Победоносцева к сёстрам Тютчевым // Новый мир. 1994. №3. С. 195 – 223.

<sup>64</sup> РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 1335.

<sup>65</sup> ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4050.

<sup>66</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 877.

<sup>67</sup> Там же. Д. 737.

<sup>68</sup> Там же. Д. 902. См. также указанную публикацию переписки цесаревича с дядей.

<sup>69</sup> Там же. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2475. Ч. VI.

<sup>70</sup> Там же. Ф. 678. Оп. 2. Д. 107, 116.

<sup>71</sup> Там же. Ф. 646. Оп. 1. Д. 128.

<sup>72</sup> Там же. Ф. 722. Оп. 1. Д. 105, 112, 1119, 1164, 1165.

<sup>73</sup> Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. Варианты фрагментов воспоминаний графа, существенно отличающиеся от основного текста: «Критик он блестящий, но не созидатель»: Воспоминания графа С.Д. Шереметева об обер-прокуроре Св. синода К.П. Победоносцеве. Апрель 1891 г. // Отечественные архивы. 2013. №4. С. 81 – 89; РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5253.

<sup>74</sup> *Мещерский В.П.* Мои воспоминания. М., 2003.

<sup>75</sup> *Толстая А.А.* Печальный эпизод из моей жизни при дворе. Записки фрейлины // Октябрь. 1993, №5, 6.

<sup>76</sup> Воспоминания Н.А. Вельяминова об императоре Александре III // Российский архив. Вып. V. М., 1994. С. 249 – 313.

Очень широко в работе использованы дневники и воспоминания государственных и общественных деятелей того времени, имевших регулярные деловые и личные контакты с наследником престола. Это воспоминания и дневник военного министра графа Д.А. Милютина<sup>77</sup>, дневники графа П.А. Валуева<sup>78</sup>, сенатора А.А. Половцова<sup>79</sup>, князя Д.А. Оболенского<sup>80</sup>, государственного секретаря Е.А. Перетца<sup>81</sup>, дневник, воспоминания и переписка прусского военного агента, а затем германского посла генерала Г.Л. Швейница<sup>82</sup>, воспоминания М.Х. Рейтерна<sup>83</sup>, А.Н. Куломзина<sup>84</sup>, А.В. Головнина<sup>85</sup>, барона А.И. Дельвига<sup>86</sup>, А.А. Бобринского<sup>87</sup>, В.С. Кривенко<sup>88</sup>, адмирала И.А. Шестакова<sup>89</sup>, Б.Н. Чичерина<sup>90</sup>, Е.М. Феокистова<sup>91</sup>, Н.А. Качалова<sup>92</sup>, Н.Н. Фирсова<sup>93</sup>, графа С.Ю. Витте<sup>94</sup>, генералов Н.А. Епанчина<sup>95</sup>, А.Ф. Забелина<sup>96</sup>, князя Д.Д. Оболенского<sup>97</sup>, военные дневники М.А. Газенкампа<sup>98</sup> и П.Д. Зотова<sup>99</sup>.

Третью группу источников составляет публицистика. Сюда следует отнести материалы эмигрантской газеты «Колокол»<sup>100</sup>, в которой обсуждались вопросы внутриполитического развития России и которую активно читал цесаревич Александр Александрович, а также передовицы М.Н. Каткова в газете «Московские ведомости»<sup>101</sup>.

<sup>77</sup> Милютин Д.А. Воспоминания. 1865 – 1867. М., 2005; *Он же*. Воспоминания. 1868 – 1873. М., 2006; *Он же*. Дневник. 1873 – 1875. М., 2008; *Он же*. Дневник. 1876 – 1878. М., 2009; *Он же*. Дневник. 1879 – 1881. М., 2010.

<sup>78</sup> Валуев П.А. Дневник. 1877 – 1884. Пг., 1919; Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. 1865 – 1876. М., 1961.

<sup>79</sup> ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 4, 7, 9, 11 – 13, 15, 18; Из дневника А.А. Половцова (1877 – 1878 гг.) // Красный архив. 1929. №2(33); Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. В 2 т. М., 2005.

<sup>80</sup> Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005.

<sup>81</sup> Дневник Е.А. Перетца (1880 – 1883). М. – Л., 1927; ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 134.

<sup>82</sup> Briefwechsel des Botschafters General v. Schweinitz. Berlin, 1928; Denkwürdigkeiten des Botschafters General v. Schweinitz. Bd. II. Berlin, 1927.

<sup>83</sup> Куломзин А.Н., Рейтерн-Нолькен В.Г. М.Х. Рейтерн: Биографический очерк (с приложениями из посмертных записок М.Х. Рейтерна). СПб., 1910.

<sup>84</sup> ОР РГБ. Ф. 178. К. 9803. Д. 4 – 6.

<sup>85</sup> Головнин А.В. Записки для немногих. СПб., 2004.

<sup>86</sup> Дельвиг А.И. Мои воспоминания. Т. IV. М., 1913; *Он же*. Полвека русской жизни. Т. II. М. – Л., 1930.

<sup>87</sup> Воспоминания А.А. Бобринского (1880 – 1881 годы) // Каторга и ссылка. 1931. №3(76).

<sup>88</sup> Кривенко В.С. В Министерстве двора. Воспоминания. СПб., 2006.

<sup>89</sup> Шестаков И.А. Полвека обыкновенной жизни. Воспоминания (1838 – 1881 гг.). СПб., 2006.

<sup>90</sup> Чичерин Б.Н. Воспоминания. Т. II. М., 2010.

<sup>91</sup> Феокистов Е.М. За кулисами политики и литературы. 1848 – 1896. Л., 1929.

<sup>92</sup> Качалов Н.А. Записки тайного советника. М., 2012.

<sup>93</sup> Фирсов Н.Н. Воспоминания о цесаревиче Николае Александровиче и императоре Александре III в юности // Исторический вестник. 1909. Т. 115.

<sup>94</sup> Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1: Рассказы в стенографической записи. Кн. 1. СПб., 2003.

<sup>95</sup> Епанчин Н.А. На службе трёх императоров. Воспоминания. М., 1996.

<sup>96</sup> Забелин А.Ф. Воспоминания об императоре Александре III // Военно-исторический вестник. 1958. №11.

<sup>97</sup> 1-го марта 1881 г. (Отрывки из воспоминаний князя Д.Д. Оболенского.) // Возрождение. №1515. 26 июля 1929 г.

<sup>98</sup> Газенкамп М.А. Мой дневник. 1877 – 78 гг. СПб., 1908.

<sup>99</sup> Зотов П.Д. Дневник // Русско-турската война 1877 – 1878 г. Дневники, спомени, записки, кореспонденция. София, 1998.

<sup>100</sup> Колокол. №235-236. 1 марта 1867 г.; №237. 15 марта 1867 г.

<sup>101</sup> Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1865 – 1881 гг. М., 1897 – 1898.

Последнюю группу источников составляют делопроизводственные материалы, к которым можно отнести документы, отразившие работу комиссий, в которых участвовал цесаревич Александр Александрович, подготовительные материалы к ним, а также многочисленные записки, проекты и предложения, подававшиеся наследнику престола Н.М. Барановым, Р.А. Фадеевым, П.А. Козловым, А.А. Баранцовым, заводчиком Н.И. Путиловым и неустановленными лицами<sup>102</sup>. Также использовано агентурное донесение в III Отделение о деятельности князя В.П. Мещерского<sup>103</sup>.

**Научная новизна исследования.** Несмотря на достаточную изученность в литературе царствования императора Александра II, эпохи «Великих реформ», а также наличие ряда биографических работ об императоре Александре III, комплексное исследование жизнедеятельности цесаревича Александра Александровича и его участия в государственных делах, которое бы основывалось на широком привлечении, в первую очередь, материалов личного происхождения, отсутствует. В данной диссертации предпринята первая попытка такого исследования благодаря использованию не только давно опубликованных и широко известных в литературе источников, но и введению в научный оборот по данной проблематике значительного количество неопубликованных и малоизученных архивных материалов (переписка, дневники, воспоминания). Особое значение в таком случае приобретают выявление, комплексная проработка и сравнительный анализ всего массива источников личного происхождения, принадлежавших цесаревичу Александру Александровичу.

**Практическая значимость исследования.** Материалы и выводы диссертации могут быть использованы для дальнейшего исследования личности и государственной деятельности императора Александра III и правящей элиты Российской империи, а также при создании обобщающих работ по истории системы российского самодержавия, при разработке общих и специальных лекционных курсов и учебных программ.

**Структура работы.** Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка источников и литературы.

---

<sup>102</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 329, 331, 338, 355, 365, 425, 460, 614.

<sup>103</sup> Там же. Ф. 109. Оп. 1а. Д. 2181.

## Глава 1. Цесаревич во внутренней политике второй половины 60-х – середины 70-х гг. XIX в.

### *§1. Вел. кн. Александр Александрович и его окружение*

Прежде чем перейти к рассмотрению личности вел. кн. Александра Александровича после того, как он сделался наследником престола и его отношения к своим новым обязанностям, необходимо кратко остановиться на его окружении. В течение почти 16 лет, пока Александр Александрович был цесаревичем, наиболее близкими людьми к нему были князь В.П. Мещерский, К.П. Победоносцев, граф И.И. Воронцов-Дашков, в меньшей степени – князь Н.А. Орлов. Именно их влияние было наиболее значительным в тех или иных аспектах государственной деятельности наследника и его взаимоотношений с Александром II и представителями правящей бюрократии. Разумеется, в разное время к цесаревичу были вхожи и так или иначе вращались вокруг него и многие другие лица, однако их близость и отношения к наследнику так или иначе находились в зависимости от его непосредственного окружения.

Центральной и ближайшей фигурой в окружении цесаревича Александра Александровича в первые годы после того, как он стал наследником, являлся князь В.П. Мещерский, издатель «Гражданина», человек с весьма противоречивой личной и общественной репутацией. Правда, уже одно то, что именно он научил цесаревича вести «полноценный» дневник, имевший значение как для формирования личности великого князя, так и ставший важным источником для изучения жизни наследника и его государственной деятельности, дало Мещерскому право, чтобы исследователи обратили внимание на эту по-своему замечательную личность. Гораздо важнее, однако то, что на протяжении ряда лет Мещерский без преувеличения был личным другом вел. кн. Александра Александровича, и мнение князя имело для него немалый вес<sup>104</sup>. Если верить самому Мещерскому, то его желание сблизиться с молодым цесаревичем было обусловлено исключительно бескорыстным стремлением помочь тому после кончины Николая Александровича освоиться на новом поприще и лучше подготовиться к престолу. «Наше отношения, доселе дружеские и интимные, – писал Мещерский наследнику 28 апреля 1865 г., – должны уступить место другим, не менее, надеюсь, дружеским, но другого свойства, основанным на бла-

---

<sup>104</sup> Подробнее об истории отношений Мещерского с цесаревичем см.: Черникова Н.В. Князь В.П. Мещерский и его эпистолярное наследие // *Мещерский В.П. Письма*. С. 7 – 26

гоговении к Вашему положению! Если суждено им быть неприкосновенными, то, кажется мне, мы поймём друг друга, ибо над нами и между нами будет всегда присуща возлюбленная и дорогая память Вашего брата, который сказал мне однажды: «Будьте другом моему Саше»<sup>105</sup>. Впрочем, современники относились к усилиям князя стать на доверительную ногу с цесаревичем, мягко говоря, скептически. Близкий к покойному наследнику Б.Н. Чичерин вспоминал, что с Николаем Александровичем Мещерского старались сблизить «вследствие того, что из всех петербургских молодых людей высшего общества он один имел некоторые умственные и литературные интересы. Действительно, он был внук Карамзина и хранил в себе литературные предания семьи»<sup>106</sup>. Но рядом с этим у него была прирождённая склонность к самому утонченному искательству и раболепству. [...] Заветною его мечтою сделалось сближение с наследником русского престола. Он всячески подольщался к Николаю Александровичу, но вследствие ранней смерти последнего хлопоты его пропали даром. Тогда он обратился к новому цесаревичу. Однако, тут его искательство было до такой степени беззастенчиво и назойливо, что он наконец совершенно подорвал свой кредит»<sup>107</sup>. О том, что Мещерский, не имея никакого официального положения при наследнике и занимая скромную должность чиновника особых поручений при министре внутренних дел, стремился играть роль и придавать себе непомерно большое значение, свидетельствовал и граф С.Д. Шереметев, вошедший начиная с 1868 г. в окружение цесаревича. По его словам, «Мещерский уже тогда изрекал, как Пифия, и на себя смотрел очень серьёзно». Александр Александрович же отзывался о Мещерском, с одной стороны, «довольно небрежно», с другой – «без малейшего раздражения, скорее с чувством жалости и легкой иронии»<sup>108</sup>.

Высокопарно именуя себя в одном из писем к великому князю министром «дружбы и Ваших интересов»<sup>109</sup>, Мещерский ставил своей целью сделать из Александра Александровича «великого государя», который должен уметь «соединять в себе в меру, всегда справедливую, звание государя с званием человека-семьянина». «Как семьянин, муж и отец, он должен быть до конца жизни примером самой строгой и самой безусловной нравственности», – полагал Мещерский, «но в то же время он государь, и государь прежде, чем быть семьянином». «Государь или

<sup>105</sup> Мещерский В.П. Письма. С. 104.

<sup>106</sup> Мещерский не раз использовал имя своего деда, в частности, как доказательство собственной искренности и честности. После одной из первых серьёзных размолвок с цесаревичем, он восклицал в письме лета 1866 г.: «Пусть вся жизнь моя докажет Вам, что внук Карамзина у подножия царского престола говорит правду, когда просит вернуть ему дружбу и признаёт себя в силах её оправдать делами!» (Там же. С. 168.) «Вы можете заставить меня замолчать, но не иначе как немилостью Вашею, – писал он два года спустя, излагая своё «крело» в отношениях с Александром Александровичем, – но пока я друг Ваш, не замолкну никогда и в том вижу и воспринимаю своё призвание, чтобы неуклонно и неослабно помогать Вам там, где Ваша мысль и Ваше сердце призваны устанавливать равновесие между обязанностями человека и семьянина и призванием будущего монарха. Правильно ли мыслю, дорогой друг? как русский, как внук Карамзина?» (Там же. С. 485.)

<sup>107</sup> Чичерин Б.Н. Воспоминания. Т. II. М., 2010. С. 103 – 104.

<sup>108</sup> Мемуары графа Шереметева. С. 426 – 428.

<sup>109</sup> Мещерский В.П. Письма. С. 475.

наследник призван к этой жертве с минуты, когда он сознаёт своё положение. [...] Если государь не вносит в своё призвание, в свой ежедневный круг обязанностей всю свою мысль и всё своё чувство, он на каждом шагу может встречать искушения изменять этим обязанностям, неизбежно поддаётся им и, переставая быть великим государем, сколько, того не замечая, приносит вреда везде, где от этого самого лёгкого отступления от своих обязанностей страдает человек, страдают люди, страдает целое государство»<sup>110</sup>. Значительная часть писем Мещерского к наследнику, в том числе с подробным описанием впечатлений от поездок по России, его «журналы» с вопросами, наконец, умение вести дневник – всё это было составляющей «программы» князя для достижения поставленной цели. Однако чрезмерная настойчивость, превращавшаяся часто в бестактную назойливость, желание постоянно быть ментором и наставником великого князя, психологическое неумение выстроить отношения со своим августейшим другом, а то и просто непорядочность в средствах (к которой примешалось ещё и крайне двусмысленное поведение Мещерского с женой наследника престола) постепенно отдалили его от Александра Александровича к началу 70-х гг.<sup>111</sup> Умалчивая о некоторых совсем неудобных для себя подробностях взаимоотношений с цесаревичем и его супругой, Владимир Петрович впоследствии в воспоминаниях всё же довольно честно осветил причины своего «краха» в придворных сферах, который он якобы тогда уже «предчувствовал как неизбежное роковое последствие, с одной стороны, моего скверного характера, а с другой стороны – того полного неумения ориентироваться в придворном мире». «Если в чём-либо я мог быть ему полезным, – писал князь об отношениях с Александром Александровичем, – я заставлял цесаревича дорого за это платить кротостью и терпеливостью к моему всегда придирчивому, всегда подозрительному и всегда неуживчивому характеру. Сколько раз вследствие этого в наших отношениях наступали шквалы. [...] С тою или другою политическою или общественною заботою минуты в душе, я продолжал разные идеальные желания предъявлять к цесаревичу, конечно, недостаточно соображая, что в его положении многое, что мне могло казаться ожиданием от него естественным, должно было быть подчинено тысячам условий такта, политики и т.д., и вот откуда исходили постоянные недоразумения; то я плакался, то вступал в самозваную роль советника, то расточал упрёки, то видел и чуял интриги и в конце концов расходился так, что один из моих шквалов превратился в ураган и мой одинокий челн разбился о камни, которые я сам себе на своём узком и скалистом фарватере громоздил»<sup>112</sup>.

К.П. Победоносцев – по-видимому, наиболее известная личность из окружения вел. кн. Александра Александровича и, впоследствии, императора Александра III, неизменно привле-

---

<sup>110</sup> Там же. 479 – 480.

<sup>111</sup> Подробнее об этом см. также: *Черникова Н.В.* Указ. соч.; Мемуары графа Шереметева. С. 427 – 428; *Чичерин Б.Н.* Указ. соч. С. 104 – 105.

<sup>112</sup> *Мещерский В.П.* Мои воспоминания. С. 409 – 410.

кающая внимание историков, чьи вес и влияние порой преувеличиваются. В целом логика и характер взаимоотношений Константина Петровича с наследником престола, сначала как преподавателя, а затем близкого советчика, и их значение достаточно исследованы в литературе, прежде всего, в работах Ю.В. Готье и А.Ю. Полунова<sup>113</sup>. Справедливо отмечается, что влияние Победоносцева особенно вырастает к середине 70-х гг. (очевидно и в связи с тем, что цесаревич окончательно отдаляется от князя Мещерского, чьим «соперником» в известной мере был Победоносцев) и ещё усиливается в период Восточного кризиса. Это заметно и по растущему объёму их переписки (прежде всего, писем Победоносцева). Отмечая «значительную роль» Победоносцева при наследнике, граф С.Д. Шереметев писал, что «при относительной бедности обстановки цесаревича Победоносцев своим присутствием оживлял, придавая беседе известное направление. Укладистый, простой и приветливый, он привлекал своим несомненно выдающимся умом, оригинальностью речи, истинным юмором и меткостью суждений. Его критический склад и его особые изложения блистали остроумием. [...] Нет сомнения, что цесаревич оценил в нём положительные его качества, его выдающиеся дарования, и считал его человеком, себе, безусловно, верным. Он знал, что Победоносцев вообще не пользовался сочувствием многих, но в характере его был некоторый дух противоречия, и он, быть может, оттого ещё более приблизил к себе человека, многим неугодного»<sup>114</sup>. Действительно, как неоднократно указывалось, Победоносцев в беседах с наследником и в письмах к нему очень часто выступает критиком и обличителем тех или иных неустройств в администрации и государственной жизни. По-видимому, современниками в это время он воспринимается как наиболее серьёзная фигура вблизи великого князя. 11 апреля 1876 г. А.А. Половцов отметил в дневнике, что в разговоре с баронессой Э.Ф. Раден и Победоносцевым сделал «внушение ему о том, что на нём лежит обязанность готовить цесаревича к будущему. Всё хорошее для России сделано всегда вскоре после вступления на престол»<sup>115</sup>. Впрочем, сам Константин Петрович порой критически воспринимал степень своего влияния и близости к семье наследника. «Хозяева аничковские теперь в Дании, – писал он 27 августа 1879 г. Е.Ф. Тютчевой, – и, конечно, блаженствуют без забот. В последнее время отношения мои к ним как-то распались. Мне даже кажется, что Александра Александровича как будто отшатнуло – причины тому, по-видимому, никакой не было, но чувствуется охлаждение или усиление равнодушия. Вы знаете, впрочем, что в придворных сферах

---

<sup>113</sup> Готье Ю.В. К.П. Победоносцев и наследник Александр Александрович, 1865 – 1881 гг. // К.П. Победоносцев: pro et contra. СПб., 1996. С. 451 – 476; Полунов А.Ю. Указ. соч. С. 144 – 158.

<sup>114</sup> Мемуары графа Шереметева. С. 430 – 431. «Настроение ума Победоносцева чисто критическое, он никогда ничего не создал и не создаст, но очень хорошо разберёт всё по косточкам», – писал о нём в 1878 г. А.А. Половцов. (ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 13. С. 210.)

<sup>115</sup> ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 11. Л. 25 об.

это явление обыкновенное, и лично я нисколько им не смущаюсь. Я знаю давно: «не надейтесь на князи»<sup>116</sup>.

Ещё одним близким к наследнику человеком был граф И.И. Воронцов-Дашков, представитель богатой аристократической фамилии, гвардейский офицер, в 1867 – 1874 гг. командир лейб-гвардии Гусарского полка, затем до 1878 г. – начальник штаба Гвардейского корпуса, которым командовал цесаревич, а с 1881 г. – министр Императорского двора Александра III. Граф Шереметев писал, что помимо «унаследованных» от брата лиц (помимо Мещерского имелись в виду некоторые преподаватели, в том числе Победоносцев, адъютанты, чины двора наследника), «к цесаревичу всех ближе стоял человек, не связанный ничем с покойным Николаем Александровичем. То был флигель-адъютант граф Воронцов-Дашков. По типу своему он (хотя лично и приятный государю) вовсе не принадлежал к категории приближённых этого царствования. Человек независимый по характеру, он был представителем тех военных преданий, которым не сочувствовало господствующее направление 60-х годов. Появление Воронцова в близком кругу цесаревича внушало многим скорее неудовольствие, и злоречие не щадило его. Его мерили на свой аршин и сильно ошибались. Несомненно, однако же, что сближение между цесаревичем и Воронцовым установилось раз навсегда и уже не подвергалось колебаниям. Настоящий характер этого сближения не мог быть доступен и даже понятен большинству. С годами ревнивый оттенок известной категории лиц всё более отражался на Воронцове и в то же время неизбежно усилился прилив ласкателей и лиц, втирающихся в доверие»<sup>117</sup>. Действительно, Воронцов станет ближайшим советником цесаревича по военным вопросам, посредником между ним и представителями «оппозиции» реформам, проводимым военным министром Д.А. Милютиным и инициатором вмешательства наследника в дела армии и военного ведомства. Сильно сказавшееся при этом отрицательное свойство Воронцова метко подметил генерал Швейниц: «Слабая сторона этого человека, к которому расположен наследник, та, что он, сизмальства привыкший доминировать среди друзей и товарищей, любит лести, и поэтому в его доме вокруг него вечно вращаются паразиты и втеревшиеся в доверие авантюристы; этих-то людей он затем рекомендует на службу, и его слово, благодаря близости к наследнику, имеет вес»<sup>118</sup>. «Говорят, что цесаревич был на «ты» с графом Воронцовым, – вспоминал Шереметев. – Это весьма вероятно по действительной их близости, но никто никогда этого не слышал»<sup>119</sup>. Нет подобной близости и в их переписке, однако Воронцов, уже будучи министром, мог обратиться к Александру III «дорогой мой государь»<sup>120</sup>. В дневнике цесаревича есть эпизод, когда наслед-

<sup>116</sup> ОР РГБ. Ф. 230. К. 4409. Д. 1. Л. 40.

<sup>117</sup> Мемуары графа Шереметева. С. 420.

<sup>118</sup> Briefwechsel. S. 170.

<sup>119</sup> Мемуары графа Шереметева. С. 450.

<sup>120</sup> Переписка И.И. Воронцова-Дашкова. С. 241.

ник одолжил графу по его просьбе собственный гусарский мундир<sup>121</sup>, и ещё в 1864 г. в письме к вел. кн. Николаю Александровичу просил брата передать фотографии «моему милому другу Иллариону Ивановичу»<sup>122</sup>.

Помимо Мещерского, Победоносцева и Воронцова-Дашкова, в значительной мере влиявших на Александра Александровича через непосредственное (временами ежедневное) общение с ним и помогавших ему в государственных делах, необходимо указать и на князя Н.А. Орлова, которого цесаревичу приходилось видеть нечасто, но чьё влияние через переписку с наследником, особенно по внешнеполитическим вопросам не стоит преуменьшать. Новому цесаревичу Орлов также как бы достался «по наследству» от старшего брата, с которым в течение ряд поддерживал активную переписку<sup>123</sup>. «Это была одна из самых странных личностей, каких мне доводилось встретить, – писал о князе Б.Н. Чичерин. – Сын первого любимца императора Николая, воспитанный в придворной сфере, близкий к великим князьям, он был совершенно чужд господствовавшим в этом круге понятий, а, напротив, питал в себе неодолимое стремление к просвещению, при ярко либеральном образе мыслей». Отзываясь об Орлове, как о человеке, «витающем в облаках», Чичерин вспоминал о встрече с ним в Брюсселе во время заграничного путешествия цесаревича Николая Александровича: «С летами его яркий либерализм несколько угомонился; но в то время, о котором идёт речь, он выражался иногда в весьма резкой форме. После довольно продолжительной беседы, прощаясь с наследником и со мною, он меня обнял и сказал: «До свидания, надеюсь, в русском парламенте, хотя мы с вами, по всей вероятности, будем сидеть на разных скамьях, ибо я, наверное, буду сидеть налево». Эта странная выходка, не вызванная даже предшествующим разговором, поразила как меня, так и великого князя, который очень любил князя Орлова»<sup>124</sup>. По словам Е.М. Феофистова, в характере Николая Алексеевича «было много привлекательных черт. Никому не приходило в голову отрицать, что это был человек в высшей степени честный, чуждый каких бы то ни было низких и корыстных побуждений. В нём не проглядывало и тени кичливости своею знатностью и богатством; всегда приветливый, отличавшийся крайнею простотой в обращении, он готов был каждому оказать услугу. При всём том, странностями своих поступков и своего образа мыслей он приводил многих в изумление. Не давала ему покоя какая-то ненасытная жажда популярности; расположить в свою пользу всех и каждого – поляков, немцев, нигилистов и консерваторов, высших и низших – вот чего никогда не упускал он из виду». По свидетельству Н.А. Милютин, Александр II не жаловал Орлова и «не считал возможным» «беседовать с ним о серьёзных

<sup>121</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 302. С. 319.

<sup>122</sup> Там же. Ф. 665. Оп. 1. Д. 22. Л. 15.

<sup>123</sup> *Нифонтов А.С.* Письма русского посла Н.А. Орлова 1859 – 1865 гг. // *Революционеры и либералы России.* М., 1990. С. 220 – 238.

<sup>124</sup> *Чичерин Б.Н.* Указ. соч. С. 97 – 98.

вопросах. Известно также о «безграничной преданности» Орлова вел. кн. Константину Николаевичу<sup>125</sup>.

Князь Орлов не только посылал вел. кн. Николаю Александровичу номера «Колокола» и «Полярной звезды», но и обсуждал с юным наследником такие вопросы как возможность отделения Царства Польского «под монархию Константина Николаевича», превращение России в федеративное государство с устройством «местных парламентов» и национальную политику на окраинах. Несмотря на то, что письма Николая Александровича к Орлову также остаются неразъясненными, очевидно, что взгляды корреспондентов во многом сходились<sup>126</sup>. Вот с таким-то незаурядным человеком цесаревич Александр Александрович поддерживал отношения и переписку на протяжении многих лет, в том числе когда уже сделался императором. Судя по письмам Орлова, с наследником престола он был так же прост в обращении, как и с прочими, называл его не иначе как «мой милый» или «мой добрый друг», хотя никогда не сбивался на фамильярность или элементарную бестактность, нередко присущие князю В.П. Мещерскому. Часто Орлов апеллировал к дружбе с покойным цесаревичем и на его отношения с Александром Александровичем, порой это звучало весьма наивно и непосредственно. Так, в декабре 1865 г. князь в следующих выражениях убеждал нового наследника жениться на принцессе Дагмаре: «Теперь, мой добрый друг, делаю Вам вопрос чисто душевный. Думаете ли Вы жениться? Вы вправе мне не отвечать, но думать Вам об этом должно. Моё желание было бы, чтобы Вы сделали мужем той, которую избрал Ваш брат, если Вы чувствуете, что можете её любить и сделать её счастье. Брату Вашему, который нас видит свыше, это было бы приятно, ибо он обоих Вас нежно любил»<sup>127</sup>. В то же время, наряду с различными насущными вопросами внутренней и внешней политики, которые Орлов столь же откровенно обсуждал с Александром Александровичем, многие его настойчивые предложения подчас и вправду отдавали прожектерством. Например, в письме к наследнику 15 ноября 1865 г. он в деталях разбирал «вопрос о соединении с Восточной церковью церкви англиканской», считая это, кроме того, важным для дина-

---

<sup>125</sup> Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. 1848 – 1896. Л., 1929. С. 52 – 54. Интересно, как уже в царствование Александра III Орлов хлопотал о примирении императора с вел. кн. Константином Николаевичем. «В Вашем отношении сознаюсь, что я мог Вам надоесть, говоря часто о Вашем дяде и споря с Вами о нём, почти так же, как с ним спорю о Вас. Простите меня. Я люблю Вас и его, и всё моё желание было бы восстановить согласие между Вами, так чтобы дети Ваши не замечали, что между их отцом и его дядею существовала когда-нибудь раз-молвка», – писал князь государю 29 декабря 1882 г. (ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 947. Л. 63 об. – 64.)

<sup>126</sup> Нифонтов А.С. Указ. соч. С. 227 – 236. «Я нашёл в бумагах, любезный друг, ещё одно письмо нашего незабвенного друга и столь нежно любившего Вас брата, – писал Орлов вел. кн. Александру Александровичу в одном из своих первых писем к нему 21 июля 1865 г. – В нём Николай Александрович высказал некоторые политические убеждения, которые не согласны с нынешним образом мнений двора и правительства. Поэтому я бы желал, чтобы кроме Вас, Владимира Александровича и Вашей матушки никто бы не читал этого письма, которое, когда Вы мне его возвратите, будет храниться с прочими письмами. Не буду Вам проповедовать в пользу мнений покойного друга. Я их разделял во всём и потому могу быть пристрастен к ним. Опыт, может быть, приведёт Вас к тем же убеждениям, и Вы тогда сами увидите, сколь справедливо и верно покойник оценивал людей и положение Отечества, в будущее которого он всегда верил, и которому он был бы готов пожертвовать всем». (ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 944. Л. 6 – 7.)

<sup>127</sup> Там же. Л. 30 об. – 31.

стического и политического сближения России и Великобритании<sup>128</sup>. В разгар Восточного кризиса в январе 1877 г. убеждал цесаревича в том, что «мы страдаем, прежде всего, недостатком золота и серебра. Между тем, они у нас есть, но не в обращении, а в недрах земли». «Несколько миллиардов рублей, извлечённых из недр земли, – утверждал Орлов, – поставили бы наши финансы на ноги, подати можно бы уменьшить, и труд мог бы развиваться свободно и успешно. Вот почему я более желаю геологических изысканий, чем разных несвоевременных военных предприятий. Когда у нас будет самородный металл, то мы скоро станем на такую ногу, что не повторится того, что видим теперь»<sup>129</sup>. Тем не менее, Александр Александрович прислушивался к мнению Орлова и, по-видимому, с удовольствием поддерживал с ним переписку, хотя нет каких-либо прямых свидетельств того, как он относился к князю.

Став цесаревичем после смерти старшего брата, вел. кн. Александр Александрович вполне сознавал, что к этой стезе он совершенно не готов, более того, она страшила его. Двадцатилетнему молодому человеку, до того не обременённого никакими серьёзными занятиями, кроме прохождения военной службы в лагере в Красном Селе, непросто было свыкнуться также с мыслью об ожидающих его государственных и публичных обязанностях наследника престола, он терялся при мысли об их обширности. По словам князя В.П. Мещерского, вскоре после возвращения из Ниццы Александр Александрович заметил в разговоре с ним: «Я всегда на всё глядел философом. А теперь нельзя быть философом. Прожил я себе до 20-ти лет спокойным и беззаботным, и вдруг сваливается на плечи такая ноша. Вы говорите: люди; да, я знаю, что есть и хорошие и честные люди, но и немало дурных, а как разбираться, а как я с своим временем управлюсь? Строевая служба, придётся командовать, учиться надо, читать надо, людей видеть надо, а где же на всё это время?..»<sup>130</sup> «Я не готовился к той роли, которую мне дала неожиданная смерть моего старшего брата, – говорил цесаревич в 1868 г. Н.А. Качалову, – и я вполне бы счёл себя счастливым быть первым слугой моего отца, а потом брата. Я сознаю, что я не приготовлен к моим будущим обязанностям; садиться на учебную скамейку уже поздно, и потому мне приходится дополнять свое воспитание практическими сведениями»<sup>131</sup>. «Я его любил, как редко кого любят, он был моим первым братом и другом, – писал Александр Александрович в марте 1866 г. о покойном наследнике. – Со смертью брата я потерял половину того, что имел прежде на земле. Как бы счастливы мы были вместе. Я был бы его первым другом и помощни-

<sup>128</sup> Там же. Л. 17 – 24 об.

<sup>129</sup> Там же. Д. 946. Л. 48 об. – 51.

<sup>130</sup> Мещерский В.П. Мои воспоминания. С. 277. В письмах того времени к наследнику Мещерский как раз и призывал его преодолеть в себе «решимость не рассуждать ни о чём» и «перестать быть философом школы равнодушных». (Мещерский В.П. Письма. С. 114, 118.)

<sup>131</sup> Качалов Н.А. Указ. соч. С. 393 – 394. В июле 1865 г. Мещерский справедливо писал Александру Александровичу, что «Вам уже невозможно пройти полный курс теоретических подготовлений: вся Ваша задача есть учение, главным образом у людей, которое может Вас значительно обогатить нужными Вам сведениями и дать Вам постепенно правильные воззрения на русскую государственную и общественную жизнь. Но для этого нужно привлекать к себе людей приёмом и обращением». (Мещерский В.П. Письма. С. 134.)

ком. От меня он узнавал бы многое, что от других он не узнал бы. Но не суждено было нам жить вместе и помогать друг другу»<sup>132</sup>. К.П. Победоносцев, начавший преподавать новому цесаревичу, с сожалением отмечал, что тот отличается от умершего брата, преподавателем которого также был Константин Петрович, в невыгодную сторону. «Бедность сведений, или, лучше сказать, бедность идей удивительная», – отмечал он в дневнике в начале 1866 г. после одного из занятий с Александром Александровичем. «Все сообщённые мной реальные сведения прошли мимо, понятия не уложились в голове... Ответы его были вовсе детские», – констатировал Победоносцев<sup>133</sup>.

Современники вообще без энтузиазма и с опасением восприняли кончину цесаревича Николая Александровича и появление нового наследника, не подготовленного к своим обязанностям. «Все, с кем мне пришлось говорить в этот день, находили, что смерть наследника несомненна и составляет огромное несчастье не только семейное, но политическое, – писал в дневнике А.А. Половцов 6 апреля 1865 г., ещё до кончины Николая Александровича. – Его природные способности, умственное развитие, тщательное образование и сложившееся согласно с ним направление давали право надеяться, что со временем он сделается чрезвычайно полезным государем. Великий князь Александр Александрович, которому теперь достаётся наследие, несколько не приготовлен к ожидающим его великим занятиям. Он очень добрый, весёлый юноша, но без всякого расположения к серьёзным трудам»<sup>134</sup>. Позднее он отмечал, что «при жизни старшего его брата покойного великого князя Николая Александровича воспитание Александра Александровича было очень пренебрежено; его считали менее одарённым и, имея пред глазами опыт великого князя Константина Николаевича, считающего себя умнее и образованнее царствующего брата, направили занятия великого князя Александра Александровича преимущественно на военное дело»<sup>135</sup>. Половцову вторил граф С.Д. Шереметев, писавший в воспоминаниях, что об Александре Александровиче «тогда говорили немало и далеко не сочувственно. Цесаревич Николай – любимец матери, личность обаятельная, мог считаться тогда общим любимцем. На нём сосредоточились все надежды, а о втором брате не думали и не говорили. Он был совершенно заслонён и по чувству своему к брату вполне довольствовался этим затемнением.

<sup>132</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 298. Л. 188.

<sup>133</sup> Цит. по: *Полунов А.Ю.* Указ. соч. С. 145. Об особенностях воспитания вел. кн. Александра Александровича до 1865 г. см.: Из дневника Н.П. Литвинова 1861 – 1862 гг. // Великий князь Александр Александрович. С. 445–536; *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 269 – 277, 293 – 297, 304 – 307, 386 – 388. В одном из писем к сыну в 1861 г. Александр II сетовал на ребячливое отношение 16-летнего великого князя к учебным занятиям и напоминал ему о долге «быть со временем полезным дорожному нашему Отечеству и истинным другом и помощником старшего твоего брата. Надеюсь, что ты не забудешь того, что ты мне обещал при моём отъезде, т.е. с охотой, усердием и прилежанием приняться за занятия и стараться сколько возможно вознаградить потерянное время». При этом отец с огорчением упоминал о «глупых и детских отговорках» Александра Александровича, которые «только доказывают, что с тобою ещё нельзя обращаться как со всяким другим юношею в твои лета». (ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 669. Л. 26, 33 – 33 об.)

<sup>134</sup> Там же. Ф. 583. Оп. 1. Д. 4. Л. 79.

<sup>135</sup> Там же. Д. 7. Л. 24 об.

Им вообще мало занимались и, к удивлению, это не было случайностью. Императрица Мария Александровна хорошо знала, какое значение в жизни Александра Николаевича имело развитие второго его брата – Константина. Она опасалась возможности повторения того же в своих детях. Тщательно занимаясь старшим сыном, она с некоторую ревностью относилась ко второму, словно опасаясь вреда от сравнений при одинаковой подготовке обоих братьев. При дворе вообще сложилось скорее неблагоприятное понятие об Александре Александровиче. Его считали неразвитым, неударённым, неутончённым, упрямым и непокладистым»<sup>136</sup>.

Сохранились сведения о ревливой предвзятости императрицы Марии Александровны ко второму сыну в то время; в узком кругу великие князья Александр и Владимир Александровичи впоследствии делились довольно безрадостными воспоминаниями о своих детских годах и равнодушии родителей<sup>137</sup>. В то же время отмечалось, что Александр Александрович пользовался даже бóльшим «сочувствием» отца, чем старший брат, который был любимцем матери<sup>138</sup>. «Государь чрезвычайно его любит и даже балует, – писал а апреле 1865 г. Половцов. – На днях граф Перовский, заведывающий воспитанием великого князя Александра Александровича, жаловался государю на то, что воспитанник его груб с своими преподавателями. Государь шутиливо взял его за ухо и поцеловал, сказав: «Ах ты мой повеса!»<sup>139</sup> Много позднее, император Александр III в годовщину смерти матери писал жене, что «если есть что доброе, хорошее и честное во мне, то этим я обязан единственно нашей дорогой милой мама. [...] Благодаря мама мы, все братья и Мари, сделались и остались истинными христианами и полюбили и веру, и церковь. Сколько бывало разговоров самых разнообразных, задушевных; всегда мама выслушивала спокойно, давала время всё высказать и всегда находила что ответить, успокоить, побранить, одобрить, и всегда с возвышенной христианской точки зрения». «Папа мы очень любили и уважали, – отмечал Александр Александрович, – но он по роду своих занятий и заваленный работой не мог нами столько заниматься как милая, дорогая мама. Ещё раз повторяю: всем, всем я обязан мама – и моим характером, и тем, что есть! Никогда и никто не имел на меня влияния, кроме двух дорогих существ: Мама и Никсы»<sup>140</sup>.

Князь В.П. Мещерский в письме к наследнику 4 июля 1865 г. вдумчиво анализировал отрицательные черты в характере нового цесаревича: «Слишком больно любящему Вас слышать, как в общественном мнении Вас строго осуждают за такие проявления, которые не суть вовсе дурные стороны Вашей природы, а суть лишь привычки, приобретённые издавна, от которых Вы для собственного блага должны отделаться. Например, Вы не хотите говорить, Вас считают

<sup>136</sup> Мемуары графа Шереметева. С. 417 – 418.

<sup>137</sup> Из дневника А.А. Половцова (1877 – 1878 гг.) // Красный архив. 1929. №2(33). С. 187.

<sup>138</sup> Там же. С. 418; Мещерский В.П. Мои воспоминания. С. 214.

<sup>139</sup> ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 4. Л. 79.

<sup>140</sup> Император Александр III и императрица Мария Фёдоровна. С. 102.

неспособным к уразумению Вашего положения и т.п., Вы в обращении отрывисты, резки, Вас называют дерзким и невежливым, Вы не делаете различия в обхождении с людьми, Вас обвиняют в бесчувственности и отсутствии сердца. Я твёрдо верю, что все эти обвинения несправедливы в том смысле, что всё то, что, кажется, в Вас недостаёт, всё то есть у Вас, но закрыто. Помните, что судят Вас не за то, что в Вас, но за то, что Вы являете наружу»<sup>141</sup>.

«Задумывались Вы иногда над тем, что так недавно случилось, и задавали ли Вы себе иногда вопрос: откуда такое всеобщее уныние, всеобщее горе, когда Россия узнала, что Вашего брата не стало: не поразили ли Вас слова, которые повторялись всеми: 20-летнего наследника престола оплакивают и будут оплакивать, как никогда не оплакивали ни одного государя?» – спрашивал Мещерский у цесаревича в том же письме от 4 июля. «В этом суждении Вам, дорогой Александр Александрович, – резюмировал князь, – предстоит быть постоянно сравниваемым с покойным братом, и, к сожалению, как всякое сравнение, оно в настоящее время для Вас невыгодно, ибо, как я уже говорил Вам, Вы дали себя узнать тогда, когда Вы нисколько не заботились о себе, ещё менее о России, но жили только для брата и друга»<sup>142</sup>. «Читал письмо князя Владимира Петровича, – отметил наследник в дневнике в тот же день, – которое заставило меня много подумать о себе. Много правды он пишет, но не всё. Мне надо переменить свои отношения к окружающим меня, я это сам чувствую, но трудно переломить себя»<sup>143</sup>.

Очевидно, что при непосредственном влиянии Мещерского цесаревич стал чаще (особенно в памятные для себя дни) заниматься в дневнике самоанализом (впрочем, в равной степени и самооправданием), обдумыванием своего нового положения. В этом отношении хорошо заметны искренность и непосредственность Александра Александровича, его искренняя христианская вера, но в то же время почти детская наивность. «Все сожалели и сожалеют отца и мать, – писал он в первую годовщину смерти брата, – но они лишились только сына, правда, любимого матерью больше других, но обо мне никто не подумал, чего я лишился: брата, друга, и что всего ужаснее – это его наследство, которое он мне передал. Я думал в те минуты, что я не переживу брата, что я буду постоянно плакать только при одной мысли, что нет больше у меня брата и друга. Но Бог подкрепил меня и дал силы приняться за новое моё назначение. Может быть, я часто забывал в глазах других моё назначение, но в душе моей всегда было это чувство, что я не для себя должен жить, а для других; тяжёлая и трудная обязанность. Но: *«Да будет воля Твоя, Боже»*. Эти слова я твержу постоянно, и они меня утешают и поддерживают всегда, по-

<sup>141</sup> Мещерский В.П. Письма. С. 123.

<sup>142</sup> Там же. С. 124. Мещерский весьма верно подметил умонастроение вел. кн. Александра Александровича при жизни старшего брата, которое впоследствии ему нелегко было побороть в себе. В день рождения, 26 февраля 1866 г., цесаревич, вспоминая в дневнике о Николае Александровиче, писал, что ему «я был бы верен всю мою жизнь и готов был сделать для него всё, что он желал. Но вот его не стало, и он оставил мне своё место, которое для меня было всегда ужасно, и я только одного и желал, чтобы брат мой был женат скорей и имел сына, тогда только, говорил я себе, я буду спокоен. Но этому не суждено было исполниться». (ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 298. Л. 171.)

<sup>143</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 298. Л. 32 об.

тому что всё, что с нами ни случается, всё это воля Божия, и поэтому я спокоен и *уповаю на Господа!*»<sup>144</sup>. «Не беспокойтесь о мнении посторонних, – писал наследнику князь Н.А. Орлов 17 февраля 1866 г., сравнивая его с вел. кн. Николаем Александровичем. – Прямо скажу, что Вас мало знают, но не имеют о Вас дурного мнения. Вам будет легче, чем покойному, возлюбленному нашему другу. От него ожидали очень многого, и потому каждая ошибка пошла бы в строку. От Вас, по естественной склонности людей вдаваться в крайности, ждут немного, и поэтому Вам легко превзойти ожидания. Не теряйте только доверия к себе. Молитесь, и Господь пошлёт Вам и силу, и дар узнавать людей. В этом последнем вся задача успеха в свете, и в особенности в Вашем положении. Будьте непоколебимо честны и добры, старайтесь учиться, не перемогая сил, и если Бог научит Вас распознавать людей и читать в их сердцах (чему профессора выучить не могут), то Вам более ничего не нужно»<sup>145</sup>.

Между тем, первые полтора года после кончины старшего брата и до женитьбы осенью 1866 г. действительно стали для вел. кн. Александра Александровича временем борьбы с самим собой, с упорным нежеланием примириться с обстоятельствами. «Случалось ли Вам строго поверять себя и спрашивать: достаточно ли Вы отдаёте себе отчёт в Вашем нынешнем положении? – писал В.П. Мещерский 11 февраля 1866 г. – Помните ли Вы не раз сказанные Вами слова: «Я всё был бы готов сделать, чтобы меня сослали бы куда-нибудь, только чтобы избавиться бы мне от моего нынешнего положения». [...] Вы заняты только мыслию о себе и о всём, чем Ваша жизнь стала тяжелее и заботнее прежнего, а Россия для Вас не существует как живое лицо, достойное беспредельной любви и ежеминутного участия. Если бы Вы думали о ней, а не о себе, то Вы бы в отчаяние не приходили бы, ибо некогда было бы отчаиваться – так много пришлось бы любить и изучать с любовью». Мещерский упрекал цесаревича в «двух важных грехах Вашей жизни»: *«эгоизм и равнодушие к людям*. И то и другое в Вас доходят иногда до ужасающих размеров. Оттенки бесконечно разнообразны. Главная Ваша забота теперь – устройство штата и конюшни. Перед нею забота о России – мыльный пузырь, – один вид эгоизма. Много причин побуждало Вас на нынешней масленице не предаваться безграничному веселью, начиная от грустного одиночества Вашей матери и кончая необходимостью Вам каждую минуту посвящать занятиям – всё это Вы принесли в жертву – желанию позабавиться, – другой вид эгоизма»<sup>146</sup>. [...] Что же касается равнодушия, то, увы! доселе Вы равнодушны к всему, что до Вас не касается. После присяги первые слова Ваши были: «Слава Богу, что всё кончилось, так на-

<sup>144</sup> Там же. Д. 299. С. 27 – 28.

<sup>145</sup> Там же. Д. 944. Л. 36 – 37.

<sup>146</sup> «В 8 был у меня Победоносцев и читал, принёс записки для повторения и многое просил прочесть из Свода законов, – писал наследник 3 февраля в дневнике, – но я ему сказал, что это я всё сделаю, только не на масленице, потому что теперь я веселюсь и ничего не делаю, а Великим постом буду работать». (Там же. Д. 298. Л. 158 об. – 159.) В сентябре 1867 г. Победоносцев писал А.Ф. Аксаковой о цесаревиче, что ему «бывает как будто совестно и неловко меня видеть, покуда не начались ещё занятия. Должно быть, мой вид напоминает ему, что пора, а ему ещё не хочется». (ОР РГБ. Ф. 230. К. 5273. Д. 4. Л. 9)

доело»<sup>147</sup>. Юношескую любовь цесаревича к фрейлине княжне М.Э. Мещерской Владимир Петрович также считал одним из проявлений эгоизма (говоря в письме как бы от имени наследника): «Натыкаешься на следующее явление в Вашей жизни: ни испытанное горе, ни святость моего положения, ни любовь к России, ни нравственный мир с его обязанностями, ни духовный мир с его уделом надежды и веры, ничто меня настолько не затрагивает, чтобы побудить меня исполнить своей долг и дать мне опору и утешение: одна осень в Царском Селе с её таинственными встречами в аллеях парка, с её прогулками, беспечностью и любовными волнениями – вот что было для меня исключительным утешением и счастьем»<sup>148</sup>. Действительно, когда в мае 1866 г. вплотную встал вопрос о поездке великого князя в Данию для сватовства к принцессе Дагмаре, Александр Александрович всерьёз надумал «отказаться от моего тяжёлого положения и, если будет возможно, жениться на милой М.Э. Я хочу отказаться от свадьбы с Dagmar, которую я не могу любить и не хочу. Ах, если б всё, о чём я теперь так много думаю, могло бы осуществиться!? Я не смею надеяться на Бога в этом деле, но, может быть, и удастся. Может быть, оно будет лучше, если я откажусь от престола. Я чувствую себя неспособным быть на этом месте, я слишком мало ценю людей, мне страшно надоедает всё, что относится до моего положения»<sup>149</sup>. Попытку сына настоять на этих замыслах Александр II воспринял с возмущением, у императора вырвалась фраза: «Что ж ты думаешь, что я по своей охоте на этом месте, разве так ты должен смотреть на своё призвание?»<sup>150</sup> В итоге цесаревич подчинился и поехал в Данию.

Что касается любви к Мещерской, то от неё наследник вполне «излечился» после сватовства и женитьбы. «Это была временная борьба между долгом и страстью, и слава Богу, что так кончилось!»<sup>151</sup> – подытоживал он в дневнике, а позднее писал Мещерскому, что «Вы видели, я совершенно уверен, всю страшную борьбу, которая происходила в моей душе, и всю эту бурю страстей, которая одно время овладела мною совершенно, но Господь помог вырваться из неё, и я постоянно благодарю Его за эту помощь, в которой я очень нуждался»<sup>152</sup>. Современники отмечали, что, женившись, цесаревич переменялся в лучшую сторону. «Сделавшись наследником престола, он почувствовал недостатки своего воспитания и во многом изменился, особенно со времени своей женитьбы. Близко его знающий, достопочтенный товарищ мой Победоносцев с чрезвычайною похвалою отзывается о его сердце», – писал об Александре Александровиче А.А. Половцов<sup>153</sup>. «Александр Александрович со времени своей женитьбы много переменялся, на мой взгляд, к лучшему, – писал К.П. Победоносцев А.Ф. Аксаковой 2 февраля 1867 г. – Он

<sup>147</sup> Мещерский В.П. Письма. С. 154 – 155.

<sup>148</sup> Там же. С. 155.

<sup>149</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 299. С. 71.

<sup>150</sup> Там же. С. 80.

<sup>151</sup> Там же. С. 330.

<sup>152</sup> Мещерский В.П. Письма. С. 686.

<sup>153</sup> ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 7. Л.

стал спокойнее, веселее, живее, свободнее. Когда он чувствует себя свободно, Вы знаете, какое у него бывает доброе, ясное выражение во взгляде и в чертах лица. Кажется, когда бы мать могла свободно взглянуть ему в глаза в такую минуту, она полюбила бы его...» «Оба они, по-видимому, доверяют мне, и я *люблю* их обоих, – писал он 21 марта о цесаревиче с женой. – Не поверите, как много успел Александр Александрович с тех пор, как стал сам по себе. Сравнивая прежнее время, до жениховства, я его не узнаю. Он стал яснее, свободнее, и душа у него поистине прямая и честная. По нему проверяться можно. Сердце у него русское»<sup>154</sup>. Интересно мнение прусского военного агента Г. Швейница, писавшего Вильгельму I после торжественного въезда в Петербург принцессы Дагмары в сентябре 1866 г., что «жених, которому не достаёт воспитания и образования, но у которого есть качества и предубеждения настоящего молодого русского человека, несмотря на это – открытая и честная натура, с добрым сердцем и верными взглядами на жизнь. Многое будет зависеть от того влияния, которое юная принцесса сможет оказывать на него». Обращал Швейниц внимание короля и на «основанное лишь на невежестве и на непонятных эмоциях» нерасположение наследника ко всем немцам<sup>155</sup>.

После двух покушений на отца великому князю приходилось считаться с тем, что он может в любой момент взойти на престол. После покушения в Париже 25 мая 1867 г. он доверительно сообщал о своих переживаниях матери: «Прошлогоднее 4-го апреля и этот день никогда не выйдут у меня из памяти, это были ужасные испытания для моего бедного сердца. Уже 2 раза висела над моей головой страшная обязанность, и можешь себе представить, милая ма, что я должен был перечувствовать в эти минуты. [...] Папа говорил несколько раз, что если ему суждено предстать перед Господом, он готов, а я получаю всю ужасную обузу, которую хотел бы отдалить, сколько возможно, от меня»<sup>156</sup>. Мещерскому он писал о Париже, что «если теперь я вспоминаю наше пребывание там, у меня делается лихорадка, и если бы ещё неделю мы остались в Париже, то, наверное, я бы заболел от постоянного страха за жизнь государя»<sup>157</sup>. Трудно сказать, читал ли Александр II письмо сына к императрице, но спустя несколько месяцев, в

<sup>154</sup> ОР РГБ. Ф. 230. К. 5273. Д. 4. Л. 2, 5 об.

<sup>155</sup> Briefwechsel. S. 29. Неприязнь к немцам действительно зародилась у вел. кн. Александра Александровича ещё с детских лет. По собственному признанию, он даже одного из своих воспитателей, Оттона Борисовича Рихтера с детства называл Дмитрием Борисовичем, объясняя это тем, что «мы с братьями очень не любили немцев и были недовольны назначением его нашим воспитателем и не хотели называть его Оттон». (Воспоминания Н.А. Вельяминова об императоре Александре III // Российский архив. Вып. V. М., 1994. С. 272.) Очевидно, что это было обусловлено средой, в которой воспитывался и рос будущий наследник. Князь Мещерский, в одном из писем противопоставляя «космополитический» Петербург национальной России, писал цесаревичу: «Счастливы Вы, что спаслись от его ужасного влияния благодаря брату Вашему, потом русскому благородному человеку Б.А. Перовскому (воспитателю Александра Александровича. – В.А.), потом московским профессорам, немного благодаря и мне, не лично мне, но моему званию, которым я вправе гордиться, – внука Карамзина, завещавшего нам быть прежде всего русскими слугами, а не наёмными царю и России!» (*Мещерский В.П.* Письма. С. 441.) Сказывалось, видимо, и влияние матери, желающей «совершенно искренно и сознательно быть русской» и окружённой «славянофильским кольцом». (Мемуары графа Шереметева. С. 116.)

<sup>156</sup> ГА РФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 115. Л. 78 – 78 об.

<sup>157</sup> *Мещерский В.П.* Письма. С. 665.

конце августа 1867 г., он писал наследнику, отдыхавшему с женой в Дании: «Желаю только, чтобы ты почаще и серьезнее думал о твоём будущем призвании и готовил себя меня заступить ежеминутно, не забывая *4-ое апреля* и *25-ое мая*, где рука Всевышнего отстранила ещё на время от тебя ту страшную обузу, которая тебя ожидает, и на которую и я иначе не смотрю, как на крест, который по воле Божией нам суждено носить на этом свете». Соглашаясь продлить отдых наследника престола в Дании, император «предварял» сына и невестку: «подобные долгие пребывания ваши за границею *не должны впредь часто повторяться*; в России оно крепко не нравится, *а вы оба принадлежите ей* и должны помнить, что вся жизнь ваша должна быть посвящена вашему долгу, т.е. службе России»<sup>158</sup>. Однако несмотря на это цесаревич не желал подчинять свою личную жизнь общественному мнению. «Я думаю, милый па, – писал он в ответ, – что ты будешь совершенно согласен со мною, что жена должна мне быть так же дорога, как и матушка Россия, которую я люблю всею душою, и постараюсь ей служить, сколько у меня хватит силы и разума. Поэтому, милый па, я решился, несмотря на то, что в России этого не любят, просить тебя позволить нам остаться здесь дольше только для моей душки жены, о которой я больше всего думаю на свете, и для которой я должен делать всё, что могу, чтобы она была здорова. Может быть, я и ошибаюсь, но это мой собственный взгляд»<sup>159</sup>.

В июле 1868 г. кн. В.П. Мещерский упрекнул цесаревича: «Я слышал от многих, что 3-месячное пребывание в Дании наследника в первый же год его свадьбы оскорбило Россию. Казалось бы, что тут дурного, отдаться семейной радости и простому удовольствию семейной жизни; а между тем дурное то, что он совсем позабыл о себе как о наследнике и, следовательно, позабыл о России»<sup>160</sup>. Подобные недоразумения возникали и впоследствии. Император требовал подчинения частной жизни цесаревича государственным интересам и служебному долгу. Летом 1871 г. цесаревна попросила у Александра II, находившегося в Германии, позволить её мужу подольше остаться в остзейском курортном городке Гапсале и не ехать на военные учения в Красное Село. Императору пришлось подробно объяснять сыну причину своего отказа: «Наш долг есть *служба России*, и потому я не мог согласиться на её (цесаревны. – В.А.) желание продлить твоё пребывание с нею до 15-го июля. В 1852 г. я пробыл с Ма и с вами не две недели, как ты, в Гапсале, но всего, в два приёма, *6 дней*, и должен был, как мне ни было тяжело, воротиться тоже один в лагерь к своему месту. На тебя все смотрят, как на меня тогда, и потому долг твой требует, чтобы ты служил примером для других, и зная тебя, я уверен, что ты это поймёшь, хотя вполне понимаю, что тебе должно быть и пусто, и скучно в Красном»<sup>161</sup>. Почти

<sup>158</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 669. Л. 87 – 87 об.

<sup>159</sup> Там же. Ф. 678. Оп. 1. Д. 729. Л. 155 об. – 156.

<sup>160</sup> Мещерский В.П. Письма. С. 481.

<sup>161</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 669. Л. 123.

аналогичная ситуация повторилась год спустя, и тогда Александр Александрович всё-таки ухитрился не потерять ни одного дня, который можно было бы провести с женой и детьми<sup>162</sup>.

Кавказский наместник вел. кн. Михаил Николаевич, призывая племянника серьёзнее относиться к делам, напоминал ему слова своего отца о том, что великие князья должны стараться «оправдывать своё происхождение»<sup>163</sup>. «Жду с нетерпением той минуты, – писал Михаил Николаевич 26 сентября 1867 г., – когда ты в состоянии будешь облегчать труды твоего отца, как он это делал в отношении Ан-Папа (императора Николая I. – *В.А.*); это и для тебя самого будет в высшей степени полезно, ибо исподволь подготовит тебя к огромному труду и ответственности, которые тебе суждено когда-нибудь принять на твои собственные плечи! Но для того чтобы быть в состоянии исполнить это важнейшее назначение твоей жизни, надо тебе самому, Саша, много ещё работать, готовиться, думать и стараться и не терять ни минуты, ибо время дорого»<sup>164</sup>. Ответ цесаревича выдавал его растерянность и непривычку к систематическим занятиям: «То, что ты пишешь о моей помощи в работах папа, я сам этого желаю очень и конечно же с удовольствием принялся бы работать для него, если бы знал наверно, что могу ему помогать. Но вопрос в том, в чём именно я могу помочь папа, так как я уверен, что если я буду заниматься частью дел, всё-таки у папа работы не уменьшится, и поэтому я боюсь, что всё равно папа не будет легче от этого»<sup>165</sup>.

«Прежде всех других занятий Вы должны обратить всю свою деятельность, все свои силы на познание России в повседневных государственных заботах, подходя к ним не академически, но на основе действительной будничной жизни во всех её разнообразных проявлениях», – наставлял Мещерский в журнале-«вопроснике» лета 1868 г. наследника. «Однако учёба и подготовка себя к будущему, – продолжал он там же, – должны направляться строгими правилами и не могут быть оставлены на волю случая. Раз решившись на это, не может быть колебаний или сомнений, неуверенности в себе или уступчивости другим». Наследник как будто соглашался со всем этим, отвечая на последние замечания князя, что «в этом случае ничего не может меня поколебать, и Вы можете быть уверены, что за что я взялся, я не отступлюсь ни за что»<sup>166</sup>. Впрочем, неустойчивое отношение наследника к своим обязанностям нельзя объяснить только его неподготовленностью и ленью, склонностью к тихой семейной жизни<sup>167</sup>, оно было обусловлено также традициями и обстановкой придворной жизни. «Жаль, что нет около них, особенно

<sup>162</sup> Там же. Д. 305. С. 131, 150 – 152.

<sup>163</sup> Там же. Д. 902. Л. 28 об. – 29.

<sup>164</sup> Там же. Л. 23 об. – 24.

<sup>165</sup> Там же. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2743а. Л. 24 – 24 об.

<sup>166</sup> Oxford Slavonic Papers. 1964. P. 110. В другом, недатированном подобном же журнале, Александр Александрович также одобрял мысль о необходимости борьбы с «некоторыми» своими «привычками, взглядами и т.д.» с целью сделаться при всецелой помощи Мещерского «великим государем». (ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 897. Л. 11 – 12.)

<sup>167</sup> «У Вас есть врождённая струна для эксплуатирования, – писал В.П. Мещерский наследнику в одном из писем, – это любовь к Петербургу, любовь к сидячей, спокойной жизни, к тихим наслаждениям частного человека». (Мещерский В.П. Письма. С. 456 – 457.)

около неё, такого человека, кому бы они верили и кто мог бы людей приводить к ним и помогать им в приёме и в знакомстве с людьми», – писал Победоносцев А.Ф. Аксаковой в марте 1867 г. о наследнике и цесаревне. «Боже мой, – восклицал он в декабре 1868 г. в письме к ней же, – как дети в пустыне живут они, как овцы, бродящие без пастыря, и иногда сердцу бывает больно смотреть на них. [...] Сколько ни уговариваю, сколько ни убеждаю, не могут они найти времени и людей для постоянного, непрерывного упражнения. Вы знаете, до какой степени они рабы привычки, правила, распределения часов, и в какую лень и бездейственность при этом впадают. Но всё ждут они внушения свыше, а родители молчат, ворчат – и сами бездействуют по роковому закону придворного быта»<sup>168</sup>.

Одним из факторов подготовки наследника к престолу должно было стать его постоянное непосредственное знакомство с Россией, на чём особенно настаивал В.П. Мещерский. «Петербург, – писал он в апреле 1868 г., – когда в нём жизнь человека пустила глубокие корни, мешает любить и понимать Россию. Он искусственный, а не природный центр государства; оттого все проявления его так часто ложны и так часто вредны для России»<sup>169</sup>. «Вы очень ошибаетесь, – отвечал ему наследник, – если думаете, что я отказался от мысли поездок по России, я больше чем когда-либо стою за это и решительно нахожу это самым необходимым для всех великих князей, а в особенности для меня. Я, кажется, достаточно говорил с Вами об этом, и Вы могли увидеть из моих слов, что я всегда желал этого»<sup>170</sup>. Летом того же года Мещерский снова пишет об этом: «Меня уверяют, что наследник часто говорит о своём желании ездить по России, но меня уверили также, что он не поедет и нынешнее лето по случаю приезда королевы Датской. Другие уверяли меня, что он вообще не хочет ездить по России без жены своей и что так как ему будет без неё всё время скучно в дороге, то он лучше предпочитает не ездить вовсе». По мнению князя, «путешествие по России есть для наследника престола единственное средство быть великим государем. Оно – всё для него, сущность всей его жизни. Это целый курс великой науки познания своего государства и приготовления себя к престолу»<sup>171</sup>. Цесаревич вскоре вновь подтвердил неизменность своего взгляда о необходимости путешествий, отметив после присутствия на докладе министра юстиции графа К.И. Палена, вернувшегося из поездки, что «вообще видно, что Пален дельно и с пользой делает свои поездки и хорошо знакомится с Россиею и своим делом, – он сам признаётся теперь, что как часто петербургские воззрения на дело бывают фальшивы, и что иначе, как самому ездить и самому видеть всё, нельзя узнать Россию»<sup>172</sup>. В 1869 г. Александр Александрович с женой совершил поездку по Волге и Дону, но,

<sup>168</sup> Цит. по: *Готье Ю.В.* Указ. соч. С. 458.

<sup>169</sup> *Мещерский В.П.* Письма. С. 455.

<sup>170</sup> Там же. С. 685.

<sup>171</sup> Там же. С. 481.

<sup>172</sup> Там же. С. 699.

но, как сам признавался потом матери, «это путешествие было очень утомительно, и под конец становишься равнодушен, и всё начинает невыносимо надоедать»<sup>173</sup>. Помимо этого, как вспоминал Н.А. Качалов, Александр II требовал от путешественников точного исполнения маршрута, «на этом основании цесаревич мог останавливаться только в пунктах, назначенных по маршруту, а между тем во многих не только попутных городах, но в больших селах тысячные толпы ожидали цесаревича с хлебом-солью, украшенными пристанями и подарками. Толпа кричала ура и жестами приглашала остановиться, но злосчастный маршрут не позволял утешить приглашающих и приходилось откланиваться и проходить мимо». На настоятельные просьбы участников путешествия остановиться в одном из городов, не предусмотренном в плане, «цесаревич с раздражением отвечал, что вы очень хорошо знаете, почему я не могу остановиться, зачем же вы меня мучаете?»<sup>174</sup>

«До 1871 г., – вспоминал граф С.Д. Шереметев о наследнике, – он сильно мечтал о путешествии по России, и его тянуло на север, в Архангельск, к Белому морю. Об этой поездке уже начинали серьёзно говорить. Ещё во время пребывания в Гапсале в 1871 году планы этой поездки не покидали. Не забыть мне, как однажды в Гапсале стоял я около цесаревича у окна, когда прибыл из Петербурга фельдъегерь и передал ему письмо от государя. Цесаревич прочёл его и изменился в лице. Его назначили командующим первою гвардейскою пехотною дивизией с приказанием немедленно ехать в Красное и принять эту дивизию! Цесаревич не скрывал своего неудовольствия, громко высказываясь, что его приковывают к Красному как раз в то время, когда поездка по Северу России стала возможна и желательна. Позднее не раз приходилось мне слышать упрёки цесаревичу, почему он так мало путешествовал по России? Я свидетель, что такое путешествие было когда-то его заветною мечтой, но оно не сходилось со взглядами императора Александра II»<sup>175</sup>. В марте 1872 г. наследник обмолвился в письме к вел. кн. Алексею Александровичу, который должен был возвращаться в Россию из кругосветного плавания через Сибирь, что «у меня в голове мысль, если возможно будет и папа отпустит меня, то съездить на Амур, когда ты будешь уже там, и я постоянно думаю об этом, но ещё никому никогда не говорил»<sup>176</sup>. Однако поездка эта не состоялась.

Осенью 1875 г. уже сама императрица Мария Александровна писала сыну, отдыхавшему с женой в Дании: «Ты знаешь моё мнение: долгие и частые посещения заграницы, в том случае, если они не являются необходимыми по состоянию здоровья, нехороши. Я хочу, чтобы вы, Минни и ты, прониклись этой истиной. Вы обязаны России (а не только Петербургу), и чем чаще вас будут видеть здесь, тем лучше. Я желаю, чтобы в следующем году вы совершили пу-

<sup>173</sup> ГА РФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 115. Л. 219.

<sup>174</sup> Качалов Н.А. Указ. соч. С. 416 – 417.

<sup>175</sup> Мемуары графа Шереметева. С. 434.

<sup>176</sup> ГА РФ. Ф. 681. Оп. 1. Д. 30. Л. 13 об.

тешество по стране, с твердым намерением произвести наилучшее впечатление. Ты знаешь враждебную силу, стремящуюся нас опрокинуть; так кому же бороться с ней, как не нам и, особенно, вам, на кого однажды ляжет весь груз ответственности?»<sup>177</sup> В ответ цесаревич писал матери: «Ты знаешь, милая ма, что я и сам не люблю долго оставаться за границей, и люблю, собственно, моё пребывание в Дании, потому что здесь я чувствую себя совершенно дома и живу тихо и спокойно, что совершенно необходимо после суеты и дела». «О путешествиях и поездках по России я сам часто думал и говорил со многими и, конечно, с радостью поеду, когда только представится случай. Но я совершенно против долгих, официальных путешествий, потому что они ни к чему не ведут, и кроме утомления ничего не остаётся». Из письма Александра Александровича видно, что препятствиями для поездок служили не только нежелание наследника пожертвовать семейным отдыхом, но и его обязанности командира гвардейской дивизии. «Если бы я мог располагать моим летом, то конечно бы я каждый год куда-нибудь отправлялся бы по России, – продолжал он, – но так как летом я всегда занят в лагере, то остаётся только осень, а это единственное время, где можно пожить поспокойнее и отдохнуть на свободе, а это положительно необходимо при нашей обстановке жизни. Что мне хотелось бы всего больше – это путешествие в Сибирь, на Амур и Сахалин, места совершенно новые и где почти никто из нас не был, кроме Алексея, который проехал из Владивостока через всю Сибирь в Петербург. На Кавказ тоже нас звал сколько раз дядя Миша, и всё не удаётся, но теперь с железной дорогой это путешествие будет уже гораздо удобнее и скорее»<sup>178</sup>. Тем не менее, в связи с обострением в следующем году внешнеполитической ситуации и этим планом не суждено было осуществиться.

*§2. Военная служба наследника до середины 1870-х гг. Участие в реформировании армии и взаимоотношения с военным ведомством.*

Поскольку традиционно все мужчины в императорской семье находились на военной службе с самого рождения, вел. кн. Александр Александрович являлся шефом и числился в ряде полков, батальонов, батарей и эскадронов русской гвардии и армии. Став цесаревичем, он получил шефство над новыми частями, звание атамана всех казачьих войск империи, а затем и настоящие командные должности. С 1870 г. цесаревич занимал пост начальника 1-й Гвардейской пе-

<sup>177</sup> Там же. Ф. 677. Оп. 1. Д. 877. Л. 104 – 104 об. (подлинник на французском языке).

<sup>178</sup> Там же. Ф. 641. Оп. 1. Д. 115. Л. 218 – 220. В одном из писем князя Н.А. Орлова к наследнику есть сведения о том, что ещё в 1866 г. высказывалась мысль о путешествии цесаревича даже в Америку, о чём сам Александр Александрович писал ему, впрочем, не проявляя, по-видимому, особенного энтузиазма. «Мысль тётушки Вашей (вел. кн. Елены Павловны? – В.А.) о пребывании в Америке не дурна, но в Европе можно научиться всему более, чем в Америке. Трёх месяцев в Соединённых Штатах, кажется, было бы довольно. Вы совершенно правы, предоставляя воле Господа устройство обстоятельств», – отвечал Орлов. (Там же. Ф. 677. Оп. 1. Д. 944. Л. 37 – 37 об.)

хотной дивизии, с 1875 – командира Гвардейского корпуса, во время Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. был командиром Рущукского отряда, в 1880 г. назначен командующим войсками гвардии и Петербургского военного округа. Помимо этого, будучи членом Государственного совета и Комитета министров, членом различных рабочих комиссий и комитетов<sup>179</sup>, наследник должен был принимать участие в разработке вопросов, связанных с преобразованиями в армии и флоте.

Вел. кн. Александр Александрович не получил специального военного образования (как например его двоюродный брат вел. кн. Николай Николаевич Младший, окончивший Николаевское инженерное училище и Николаевскую академию Генерального штаба), хотя ему и читались отдельные военные дисциплины. Впрочем, судя по записям в дневнике наследника, особенного интереса они ему, за редким исключением, не доставляли (например, внимание цесаревича привлекла лекция об осаде Севастополя<sup>180</sup>). Интересно, что добрый знакомый Александра Александровича князь Н.А. Орлов с беспокойством писал ему летом 1865 г.: «Не скрою от Вас, что все реакционеры возлагают на Вас большие надежды. Думают, что Вы страшный охотник до разводов и учений, и что поэтому Вы бросите всё остальное. Вы, может быть, разочаруете тех, которые имеют это мнение. Душевно желаю того, хотя на опыте испытал, сколь может быть сильна марсомания. Я был военным от души, и страсть осталась ещё не совсем побеждённой. Но сознаюсь, что эта страсть опасна, и особенно в Вашем положении»<sup>181</sup>. Однако «марсоманией» новый наследник престола как раз явно не страдал. Граф С.Д. Шереметев вспоминал, что великий князь в военной службе «не любил показной стороны, парадов, разводов, смотров, церемониальных маршей, на которых многие прежде собаку съели»<sup>182</sup>. И в дневнике цесаревича встречается явное недовольство тем, что приходится тратить время на парады и разводы: «Отправился на развод и проскучал порядочно, смотря на эту комедию», – отзывался он в марте 1867 г. об одном из обязательных еженедельных разводов в Михайловском манеже<sup>183</sup>. К строевой службе Александр Александрович, по-видимому, тоже не очень стремился. Состоя без постоянной должности при Гвардейском корпусе и посещая время от времени смотры и учения, он писал 4 марта 1868 г. вел. кн. Михаилу Николаевичу, что «до сих пор мне ничего не давали в командование, и я этому очень рад, потому что и без этого мне много занятий различного рода»<sup>184</sup>.

---

<sup>179</sup> Полный послужной список наследника цесаревича Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. С. 543 – 566.

<sup>180</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 298. Л. 78.

<sup>181</sup> Там же. Д. 944. Л. 7 об. – 8.

<sup>182</sup> Мемуары графа Шереметева. С. 448 – 449.

<sup>183</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 300. С. 139.

<sup>184</sup> Там же. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2743а. Л. 27.

Командуя, начиная с 1870 г., 1-й Гвардейской пехотной дивизией, цесаревич, судя по всему, относился к своим обязанностям весьма неоднозначно. Его дневник наполнен многочисленными, подробными и однообразными описаниями ежегодных летних манёвров гвардии в Красном Селе. В лагере проходили лучшие летние месяцы, когда он подолгу вынужден был оставаться один и поступаться семейными радостями ради службы. И хотя с одной стороны великий князь понимал, что «приходится терпеть, и долг выше всего», и что ему самому «необходимо быть иногда и даже чаще с войском», пребывание в лагере, где он якобы не приносил «особенной пользы», вызывало протест и раздражение<sup>185</sup>. После уже упоминавшегося отказа Александра II продлить отдых наследника с семьёй в Гапсале летом 1871 г., цесаревич, покорился внешне и отправился в лагерь, но не уставал сетовать на «судьбу» и необходимость «жить в этом противном Красном», «где ничего меня не притягивает, не интересует, и я никого не люблю и не хочу никого видеть!»<sup>186</sup> В то же время граф Шереметев, ежегодно в качестве адъютанта бывший с наследником в Красном Селе, писал, что, находясь в лагере в отрыве от семьи, Александр Александрович «считал эти дни, которые приближали его к свиданию, терпеливо, с удивительною выдержкою, добросовестно исполняя свои обязанности»<sup>187</sup>. Тот же Шереметев подчёркивал «сноровку» и спокойствие цесаревича в обращении с войсками, его заботу о бивуаках и размещении частей, по словам графа, «пехотную службу он знал и входил в подробности»<sup>188</sup>. (Однако при этом не стоит забывать о довольно заметной апологетичности в суждениях Сергея Дмитриевича в его воспоминаниях об Александре III.) Военный министр Д.А. Милютин, вообще настроенный к вел. кн. Александру Александровичу гораздо более критично, о чём речь впереди, отмечал во время манёвров 1875 г., где двумя противными сторонами командовали наследник и его брат вел. кн. Владимир Александрович, что «с обеих сторон не заметно было ни уменья, ни охоты к военному делу»<sup>189</sup>. Во всяком случае, и впоследствии (даже после положительного опыта службы в армии во время Русско-турецкой войны) красносельские манёвры оставались для наследника камнем преткновения, в одном из писем 1879 г. он жаловался жене, что вместо летнего отдыха должен «сидеть и гнить в Красном Селе»<sup>190</sup>.

Гораздо более интересно и содержательно (и гораздо лучше отражено в источниках) участие наследника престола в проводимых в то время военных реформах и реорганизациях и его личное взаимодействие с военным ведомством и его главой Д.А. Милютиным. Более того, во многих отношениях представляется вполне обоснованным рассматривать эту сферу деятельности цесаревича именно через призму его личных отношений с военным министром и его ближай-

<sup>185</sup> Там же. Ф. 677. Оп. 1. Д. 303. С. 333; Д. 304. С. 247.

<sup>186</sup> Там же. Д. 304. С. 257 – 258.

<sup>187</sup> Мемуары графа Шереметева. С. 438.

<sup>188</sup> Там же. С. 448 – 450.

<sup>189</sup> Милютин Д.А. Дневник. 1873 – 1875. С. 192.

<sup>190</sup> ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 708. Л. 90 об.

шими сотрудниками. Известно, что наследник через своё окружение был тесно связан с главными противниками Милютина – фельдмаршалом князем А.И. Барятинским и генерал-майором Р.А. Фадеевым. (Чрезвычайно близкий к Александру Александровичу граф И.И. Воронцов-Дашков, разделявший их взгляды, был бывшим адъютантом и командиром конвоя Барятинского и хорошим знакомым Фадеева, гофмаршал цесаревича В.В. Зиновьев управлял в своё время хозяйством князя<sup>191</sup>.) Более того, с Барятинским у него непосредственно сложились хорошие личные отношения, фельдмаршал быстро приобрёл авторитет в военных вопросах у молодого великого князя. После смерти Александра Ивановича в 1879 г. наследник дал ему такую характеристику в дневнике: «Жаль его очень, это был человек из ряду вон, по его положению, характеру и военной деятельности. К сожалению, в последнее время о нём забыли, и уже мало кто знал его, кроме прежде служивших под его начальством на Кавказе, которые его уважали и любили искренно. Я лично любил очень покойного фельдмаршала и уважал его. С ним можно было говорить обо всём и самым приятным образом. Это была *честная, прямая и широкая русская натура!* Дай Бог побольше таких людей!»<sup>192</sup> В один из дней лета 1868 г., посетив князя, Александр Александрович беседовал с ним «о теперешнем общественном направлении, и много говорили о войске и в особенности армии. Фельдмаршал очень здраво смотрит на всё это и в особенности на войско, потому что это часть ему очень близко знакома. Очень интересный разговор был вообще»<sup>193</sup>.

Однако до поры до времени контакты наследника престола с Милютиным были нечастыми и не позволяли определённо судить об их отношениях. Впрочем, для лучшего понимания этих взаимоотношений в дальнейшем (особенно того, чем именно руководствовался цесаревич в подобных случаях), довольно показательна история, произошедшая весной 1867 г. Тогда по почину графа Воронцова-Дашкова и соответственно настроенного им наследника возникла, как назвал её бывший военный министр в своих воспоминаниях, «жалкая интрига» против начальника Туркестанской области генерала Д.И. Романовского. Воронцов, ранее бывший во время службы в Средней Азии помощником Романовского, неожиданно, по малопонятным причинам, выступил против него, обвинив в административных злоупотреблениях. В свою очередь он действовал вместе с предшественником Романовского генералом М.Г. Черняевым, оставшимся без должности и занимавшимся всяческими интригами<sup>194</sup>. Кроме того, в Петербург из Ташкента прибыла делегация местных жителей, принятая при содействии Воронцова наследником, от которой последний услышал, что «они были так довольны генералом Черняевым, что он понял их нужды, знал их обычаи, и что с ним они были очень довольны и только и желают, чтобы воз-

<sup>191</sup> Исмаил-Заде Д.И. Указ. соч. С. 34 – 38; Христофоров И.А. Указ. соч. С. 261.

<sup>192</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 307. С. 226.

<sup>193</sup> Там же. Д. 301. С. 362.

<sup>194</sup> Исмаил-Заде Д.И. Указ. соч. С. 41 – 42; Милютин Д.А. Воспоминания. 1865 – 1867. С. 441 – 442.

вратили им назад Черняева. Против Романовского у них ненависть страшная, и они его терпеть не могут». Вооружившись этими сведениями, советами Воронцова, а также письмом Черняева, написанным к графу, цесаревич обратился к Александру II с просьбой помочь «скучающему своим бездействием» генералу<sup>195</sup>. «Я не смею, конечно, делать предложение, – писал Александр Александрович отцу, – но Воронцов и многие, которые возвратились из Туркестанской области, уверяют, что Черняев был бы самым полезным человеком, если его снова пошлют в Ташкент». «Меня просил об этом Воронцов, – объяснял далее наследник, – а если этот человек и решился просить, то, конечно, это дело заслуживает внимания. Потому что Воронцова я люблю и уважаю, и знаю, что из пустяков он никогда не будет хлопотать. Если я слишком резко или слишком настойчиво пишу об этом, то это оттого, что я уверен в справедливости письма Черняева и словах Воронцова»<sup>196</sup>. Одновременно цесаревич заметил Иллариону Ивановичу, что «кажется, что Милютин имеет влияние в этом деле на государя, и это очень жаль»<sup>197</sup>. Тем не менее, великий князь и сам обратился к военному министру. «Воспользовался удобной минутой, чтобы поговорить с Милутиным об истории депутатов из Ташкента. Милютин видимо был смущён этой историей, он уже слышал про неё и ждал, что я буду говорить об этом», – записал он в дневнике 2 апреля<sup>198</sup>. Впрочем, сам Дмитрий Алексеевич, весьма недовольный происходящим, впоследствии отмечал, что цесаревич говорил с ним «в самых общих, неопределённых выражениях». Что же до Черняева, то когда ему, согласно желанию императора, была предложена вакансия начальника дивизии, тот решительно воспротивился этому и подал в отставку, демонстративно бравидуя при этом своим «неприглядным» положением<sup>199</sup>.

Одно из писем князя В.П. Мещерского к наследнику того времени подтверждает, что реформы в армии и личность военного министра пользовались вниманием вел. кн. Александра Александровича. «Не раз говорили мы с Вами об этой бесспорно способной, но весьма загадочной и таинственной государственной личности, таинственной по целям, к которым ведут его реформы», – писал Мещерский 10 октября 1868 г. о Милутине. И далее князь называл министра не иначе как «роковым начертателем опасных судеб для нашей великой армии и [...] весьма сомнительным в искренности своих преобразовательных намерений». Следуя за противниками реформаторской деятельности Дмитрия Алексеевича, Мещерский отмечал, что «добра от этой новизны мало», зато она якобы приносит «вред, зло, зло разрушения дисциплины, зло растления лучших сторон нравственности военного быта, зло постепенно увеличивающегося различия

<sup>195</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 300. С. 143 – 146.

<sup>196</sup> Там же. Ф. 678. Оп. 1. Д. 729. Л. 160 – 161.

<sup>197</sup> Переписка И.И. Воронцова-Дашкова и императора Александра III // *Исмаил-Заде Д.И.* Указ. соч. С. 242.

<sup>198</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 300. С. 148.

<sup>199</sup> *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1865 – 1867. С. 442 – 443.

между гвардией и армией»<sup>200</sup>. Примечательно, что в консервативных кругах деятельность военного министра вообще окружалась ореолом «рока» и «таинственности». Граф С.Д. Шереметев, вспоминая о том времени, донельзя стеснял краски: «Милютин сознательно и неуклонно шёл к ясной своей цели, его лозунг: революция сверху. Он – центр и слава всего движения (либерального. – В.А.). Он – тот паук, который расставил свою сложную сеть, [...] распуская во все стороны ту обширную паутину, нити которой терялись в преисподней». Он же писал о том, что «Милютину цесаревич не сочувствовал, упрекая его в том, что в заботах его об армии более замечалось забот министра народного просвещения, чем военного министра»<sup>201</sup>.

Вскоре цесаревич смог убедиться в «сомнительной» деятельности Милютина и Военного ведомства. Речь идёт об известном в литературе «ружейном деле». К 1869 г. завершалось перевооружение русской армии нарезными ударными ружьями, производилась переделка дульных винтовок старого образца на новые, системы Карле, игольчатые, с бумажным патроном. Вследствие быстрого технического прогресса уже требовалось решить новые задачи – ввести малокалиберные нарезные ружья, заряжающиеся с казённой части и с металлическим патроном. Хотя первоначально Военное министерство и рассчитывало устроить «фабрикацию» значительно усовершенствованной русскими конструкторами американской винтовки Бердана под металлический патрон уже к началу 1870 г., но на деле казённые заводы и частные мастерские весьма неудовлетворительно справлялись с переделкой старых ружей, будущий переход к металлическому патрону также вызывал значительные технические трудности, всё это побуждало Военное ведомство, и без того ограниченное в средствах и заваленное различными проектами, не спешить с внедрением нового типа оружия<sup>202</sup>. Между тем, в середине декабря 1868 г. вел. кн. Александр Александрович ознакомился с винтовкой системы лейтенанта Н.М. Баранова<sup>203</sup> и предложил военному министру и начальнику Главного артиллерийского управления генералу А.А. Баранцову переделывать старые ружья по этому образцу. Для этого нашёлся и предприниматель – заводчик Н.И. Путилов, обещавший сделать это гораздо быстрее и производительнее казённых мастерских. Цесаревичу «военный министр обещался помогать делу, если окажутся эти ружья хороши»<sup>204</sup>. Как отмечается в литературе, винтовка Баранова действительно обладала большими достоинствами: откидным вверх, а не вбок, затвором, заряжалась металлическим

<sup>200</sup> Мещерский В.П. Письма. С. 584 – 585.

<sup>201</sup> Мемуары графа Шереметева. С. 145, 703.

<sup>202</sup> Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 300 – 301; Зайончковский П.А. Военные реформы. С.169 – 173; Милютин Д.А. Воспоминания. 1868 – 1873. С. 130 – 134.

<sup>203</sup> Прусский военный агент генерал Швейниц в своём дневнике писал, что поскольку Баранов «доказал, что система Карле якобы является немецкой, а его собственная – национально-русской, все сомнения в преимуществе последней и возможности её быстрого введения были устранены; перед таким аргументом и наследник не мог устоять». (Briefwechsel. S. 49) Трудно судить, насколько в данном случае это утверждение соответствует действительности.

<sup>204</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 302. С. 159, 164, 167 – 168; Милютин Д.А. Воспоминания. 1868 – 1873. С. 131 – 133.

патроном, отличалась высокой скорострельностью<sup>205</sup>. Трудно сказать, насколько действительно наследник ориентировался в механизмах стрелкового оружия, но получив от Баранова образец винтовки, он лично «разбирал ружьё и откладывал все части, чтобы самому видеть, как оно делается, и ещё больше убедился в нелепости и сложности этого механизма игольчатых ружей»<sup>206</sup>. Милютин же пришёл к уверенности в невозможности быстрой переделки и не хотел производить её по случайной, неиспытанной системе, хотя скрепя сердце и поддержал просьбу наследника к государю об опытной переделке 10000 ружей и их испытании в частях<sup>207</sup>. Баранцовым в начале января 1869 г. наследнику была подана записка «О мерах, принятых для вооружения нашей армии скорострельным оружием» с обоснованием мер, принимаемых Военным ведомством<sup>208</sup>.

Страницы дневника Александра Александровича с декабря 1868 по апрель 1869 г. представляют собой буквально хронику «борьбы» с Военным министерством за «ружейное дело», и в ходе этого своеобразного противостояния цесаревич чем дальше, тем больше уверялся в том, что военный министр и Баранцов сознательно «вредят» перевооружению армии. Необычайное рвение наследника, с головой ушедшего в новое дело, с одной стороны, вполне понятно: великому князю, который ещё в начале 1868 г. писал в дневнике, что «хотелось бы мне очень показать в нынешнем году России, что я могу ей служить и могу быть полезен»<sup>209</sup>, представилась возможность поучаствовать в насущном для армии вопросе, проявить собственную инициативу и принести пользу. Тем не менее, его поступки, как человека не привыкшего к систематической деятельности, явно находились в сильной зависимости от других лиц и были окрашены повышенной эмоциональностью, только вредившей его усилиям. Генерал Швейниц метко подметил в самый разгар возникшего противостояния, что «наследник спокойно и счастливо живёт в своём Аничковом дворце; от этого честного, добродушного, немного полноватого человека исходит лишь чувство удовольствия и веселья; если он и вмешивается в дела, как в случае с винтовкой Баранова, то случается это скорее по чужой инициативе, чем по собственному помышлению»<sup>210</sup>. Это соответствовало действительности, поскольку в истории с ружьями, помимо самого Баранова, сильное влияние на цесаревича оказывали его адъютант П.А. Козлов и Путилов, при этом Козлов был наиболее деятельным помощником наследника и своего рода связующим звеном между ним, Путиловым, производимыми работами по переделке ружей, а также проведением опытной стрельбы из новой винтовки в войсках. Сохранилось большое количество писем Козлова к Александру Александровичу по поводу ружейного дела, среди прочего, в них

<sup>205</sup> Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 302.

<sup>206</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 302. С. 175.

<sup>207</sup> Милютин Д.А. Воспоминания. 1868 – 1873. С. 133 – 134.

<sup>208</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 329.

<sup>209</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 301. С. 191.

<sup>210</sup> Briefwechsel. S. 51.

имеются «доводы против системы Карля», «доводы за систему Баранова», обоснование необходимости перехода к металлическому патрону. Имеется в них и последовательная критика действий Военного министерства<sup>211</sup>. Путилов также неоднократно представлял свои доводы в пользу барановского ружья<sup>212</sup>. В дневнике наследника постоянно упоминается о встречах и переговорах с ними. Окончательно убедившись доводами Козлова и Путилова в своей правоте, цесаревич «решился теперь идти напролом и не останавливаться ни перед кем, потому что всё артиллерийское правление – мошенники и подлецы, которые желают испортить наше дело, а значит и повредить всей России; мне этого достаточно, чтобы действовать самым энергичным образом и довести моё дело до конца»<sup>213</sup>.

В таком «воинственном» духе он описал ситуацию и в письме к дяде, вел. кн. Михаилу Николаевичу, 13 января 1869 г., надеясь, что тот, как генерал-фельдцейхмейстер, окажет племяннику поддержку: «На первых же порах после того, что было разрешено государем это дело, я начал встречать сопротивление, и от кого же, от Артиллерийского управления, которое старается во что бы то ни стало испортить и помешать этому делу. [...] Это до того возмутительно – слышать все их доводы, почему они не могут работать скорее, что просто непонятно, до чего может дойти беспечность, а может быть и хуже беспечности, потому что это пахнет подкупом. Морское министерство с радостью дало сейчас же все свои средства, чтобы помочь делу, а Артиллерийское ведомство делает всё, что может, чтобы помешать и испортить; нечего сказать, очень мило, и видно, что недаром они стоят на своём, а что-нибудь да кроется в этом умышленном противодействии. Насколько я знаю и слышал, в этом деле много интриг и подлости. Ах, зачем тебя нет здесь, милейший дядя, дело, я уверен, пошло бы совершенно иначе и не было бы у нас этой междоусобной вражды, как будто я Бог знает что за человек, что стоит мне только горячо взяться за дело правдивое, как на меня поднимаются все, и кто же – те же русские. Это очень грустно и возмутительно, и приходится бороться и терпеть неприятности. Я в особенности горячо взялся за это дело, потому что Бог знает ещё, что будет у нас с весны; пожалуй, война, а ружей решительно нет (цесаревич опасался обострения нового витка Восточного кризиса в связи с греко-турецким конфликтом. – *В.А.*)». «Я положительно разочарован на счёт Милютин и Баранцова в этом деле, – продолжал Александр Александрович. – Конечно, им это очень неприятно, потому что теперь ясно видно, что они спали всё время, или что их водили за нос, но всё-таки, как не принять хотя теперь энергичные меры, чтобы помочь этому важному делу и этим самым поправить свою собственную ошибку, а они нарочно тормозят и портят всем, чем только могут. Говоря с Баранцовым о ружейном деле я вполне убедился, что он решительно

<sup>211</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 829. Л. 99 – 100 об., 111 – 130 и др.

<sup>212</sup> Там же. Д. 322. Л. 1 – 17 об.

<sup>213</sup> Там же. Д. 302. С. 201.

ничего не понимает в этом деле; прости, что я так позволяю себе говорить, но оно так, или же, что его надувают и водят за нос. Я не позволяю себе легко судить о людях гораздо старше меня и опытнее. Но в этом деле я не могу ошибаться, и даже ребёнок скорее понял, что ему говорят, нежели Баранцов. Я, может быть, и слишком рассержен, но я думаю, даже и полено пришло бы в негодование за все эти гадости, которые делаются кругом нас, и государь об этом и не подозревает»<sup>214</sup>.

Весь тон письма и даже тот факт, что цесаревич «в рассеянности» сначала подписался в конце полным именем «Александр», а не как обычно «племянник Саша», в чём извинялся перед дядей<sup>215</sup>, действительно показывают, что наследник находился в сильном эмоциональном возбуждении. Это не укрылось и от Михаила Николаевича, который в ответном письме 17 февраля «не хотел верить», что суждения наследника о Милютине и Баранцове «действительно выражали твоё искреннее убежденье», а не написаны «в минуту раздраженья и увлеченья, которые, не сомневаюсь, теперь уже давно прошли». «Поэтому надеюсь, – писал великий князь, – что ты ныне более хладнокровно относишься к этому интересующему тебя вопросу и отдаёшь должную дань уваженья и справедливости к двум столь почтенным личностям, каковы Дмитрий Алексеевич Милютин и Александр Алексеевич Баранцов. Они, как и всякие смертные, могут ошибаться, но невозможно заподозрить их в беспечном или нерадивом исполнении столь важных лежащих на них обязанностей!»<sup>216</sup> Защищая своего главного помощника и фактического заместителя по артиллерийскому ведомству от нападок Александра Александровича, Михаил Николаевич отмечал, что Баранцов «был адъютантом дяди Михаила Павловича; позже генерал-майором Свиты Ан-Папа, который неоднократно возлагал на него весьма важные и трудные порученья по артиллерийской части. Пишу это для того, чтобы ты знал, как Баранцов был ценен твоими покойными дедом и дядей и наконец и самым твоим родителем. Лично я самого высокого мнения о моём товарище как о человеке и артиллеристе; трудно найти существо более благородное, более рыцарских правил; слуга же он редкой по своей ревности и неутомимости, по своей добросовестности, и дай Бог, чтобы в будущем тебя окружали побольше таких личностей, каков генерал Баранцов»<sup>217</sup>. В итоге кавказский наместник целиком встал на сторону начальника Главного артиллерийского управления, полагая, что сотрудничество с Путиловым по переделке ружей «не только *не может ускорить заводское дело*, но *напротив затруднит* оное и *удалит* именно то, что ты желал ускорить, т.е. быстрое снабжение всей нашей пехоты скоро-

---

<sup>214</sup> ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2743а. Л. 40 – 41 об., 42.

<sup>215</sup> Там же. Л. 43.

<sup>216</sup> Там же. Ф. 677. Оп. 1. Д. 902. Л. 45.

<sup>217</sup> Там же. Л. 44 об.

стрельным оружием». Опасался Михаил Николаевич и полного хаоса в снабжении армии в случае перевооружения разными типами винтовок, о чём писал и военному министру<sup>218</sup>.

Тем временем цесаревич изо всех сил пытался настоять на своём предложении, доказывая у императора во время докладов Милютина свою правоту. «Был доклад Милютина, и здесь я воспользовался, чтобы катать военного министра что только мог, и не давал ему почти времени отвечать, потому что теперь я силен фактами и знаю дело настолько, чтобы доказать всё враньё, которым они оправдываются. К счастью, Папа очень охотно слушал и дал высказаться мне совершенно, но ещё только начало, и теперь я начну бичевать всю эту сволочь, что есть силы и разума», – записывает Александр Александрович в дневнике 6 февраля<sup>219</sup>. Однако Александр II, поначалу внимательно отнёсшийся к предложениям сына, постепенно под влиянием Милютина, столь же рьяно поднявшегося на защиту Военного министерства и своих сотрудников, стал охладевать к настойчивым попыткам цесаревича внедрить винтовку Баранова. Вследствие этого у Александра Александровича, уже не впервые, стало складываться впечатление, что император под влиянием окружения, недоброжелательно настроенного к наследнику, сознательно игнорирует его точку зрения и не даёт возможности доказать свою правоту или хотя бы обоюдно разъяснить ситуацию. Накануне своего дня рождения 26 февраля цесаревич обратился к государю с просьбой посмотреть практическую стрельбу батальона Семёновского полка, вооружённого новыми винтовками, и «если он останется доволен стрельбой, то нельзя ли решиться остановиться на этой системе и тем покончить дело», и «сделать это для меня как лучший подарок для моего рождения». Однако в конечном счёте император отказался смотреть стрельбы до завершения работы комиссий генерала О.П. Резвого и вел. кн. Николая Николаевича, назначенных для окончательного выбора винтовочной системы, наиболее соответствующей техническим и производственным условиям, что наследник воспринял как «моральную пощёчину» себе<sup>220</sup>. Испытания показали, что барановская винтовка оказалась качественно значительно лучше, чем схожая по типу винтовка системы чешского конструктора Крнка, к которой стало склоняться Военное ведомство. Несмотря на это, специальная комиссия представителей оружейных заводов под председательством генерала О.П. Резвого приняла к производству именно систему Крнка, главным образом потому, что стоимость переделки старых ружей по этому образцу составляла 6 р., вместо 7,5 р. по системе Баранова<sup>221</sup>. Переделанные Путиловым 10 тысяч винто-

<sup>218</sup> Там же. Л. 43 об. – 44.; *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868 – 1873. С. 155 – 156.

<sup>219</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 302. С. 223 – 224.

<sup>220</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 302. С. 244 – 245.

<sup>221</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 302. С. 228 – 229, 240; *Бескровный Л.Г.* Указ. соч. С. 302 – 303.

вок поступили на вооружение в Морское ведомство, управляющий которым адмирал Н.К. Краббе и генерал-адмирал вел. кн. Константин Николаевич поддерживали наследника<sup>222</sup>.

На докладах Милютина Александр Александрович больше «не хотел возражать, потому что это было бы слишком долго и к тому же совершенно лишнее, потому что мне решительно никто не верит, и говорят, что я только путаю и завёл сумбур с моим оружейным делом»<sup>223</sup>. Наконец, попытка в начале марта объясниться с отцом также ни к чему не привела: «Папа объявил мне, что я сам слишком пристрастен в этом деле [...] и прибавил, что ему теперь нет времени, и что он должен писать. Таким образом, я не успел даже ни одного слова выговорить не только в моё оправдание, но даже для разъяснения некоторых вещей и должен был выйти. Это меня страшно огорчило и даже оскорбило, потому что я могу перед Богом отвечать, что не гордость вела меня к тому, чтобы помочь бедственному положению, в котором мы находились в вооружении нашей армии. [...] Я желал пользы нашей армии, нашему отечеству, а нашлись видно люди, чтобы истолковать папа в противном действии мои желания и мои действия. Мне тем более грустно, потому что это не раз, а почти на всяком шагу оказывают полное недоверие, которое всё больше и больше мне становится тяжелее, потому что это незаслуженно с моей стороны, я могу это заявить всем и не побоюсь сказать неправды. Что ещё грустнее это то, что я мог бы всё поправить разговорами с папа, а мне это никогда не удаётся, и мне решительно не хотят дать случая оправдаться. Грустно, очень грустно и даже обидно, но меня это вовсе не останавливает на моём пути к добру, пользе и правде, авось отыщется один хоть человек на родине, который отдаст мне справедливость и не помянет меня лихом», – с отчаянием записал наследник в дневнике 10 марта<sup>224</sup>. В конце официальной докладной записки по вопросу перевооружения армии, накануне поданной цесаревичем государю, великий князь также собственноручно писал: «До меня доходят слухи, что стремление моё быть посильно полезным нашей армии толкуется превратно; в нём стараются найти желание порицать существующее и выставить свою деятельность»<sup>225</sup>. То, что наследник престола болезненно переживал чувство незаслуженного недоверия, показывает и его письмо к Мещерскому в феврале 1869 г.: «Стоит ли после этого хлопотать и из кожи лезть, – писал он по поводу ружейного дела, – когда Вам не показывают никакого доверия; вот это самое грустное»<sup>226</sup>.

Надо признать, что в определённой мере сетования наследника соответствовали действительности. В те дни А.Н. Куломзин писал неустановленному корреспонденту, что «интриги

<sup>222</sup> «Курили у дяди Кости в комнате и говорили с ним о Путилове, о Баранове и его ружьях и вообще про всё это дело, которое теперь принимает сквернейший вид, – отметил цесаревич в дневнике 31 марта. – Дядя Костя наконец убедился в справедливости нашей стороны и сам находит, что это дело – ужасная пакость со стороны Милютина». (ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 302. С. 282.)

<sup>223</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 302. С. 249.

<sup>224</sup> Там же. С. 259 – 260.

<sup>225</sup> Там же. Д. 331. Л. 4 об.

<sup>226</sup> Oxford Slavonic Papers. 1962. P. 116.

против Милютин продолжались. C'est à present la fabrication des fusils qui est sur le tapis<sup>227</sup>. Хотят доказать, что Милютин не довольно скоро переделал ружья на новый образец, выбрал дурную систему. Чтобы доказать это, заказали помимо его, на счёт наследника, 10000 ружей по другой, чем выбранная Милютиным система. Но эта новая система по словам знающих людей ещё в 10 раз опаснее<sup>228</sup>. Действительно, Милютин с самого начала воспринял инициативу цесаревича крайне ревниво и болезненно, видя в этом интригу «подбившихся» к нему «выскочки» Баранова и «проныры» Путилова. Хотя Дмитрий Алексеевич был куда более выдержанным человеком, чем вел. кн. Александр Александрович, в его воспоминаниях, написанных годы спустя после произошедшего, задетое самолюбие и резкое недовольство деятельностью наследника и его окружения, о котором он отзывался с особенной неприязнью, очень ощутимы. Милютин не уставал подчёркивать якобы полную некомпетентность цесаревича и тот вред, который он наносил перевооружению армии. Доходило, по-видимому, чуть ли не до стычек между министром и наследником на докладах у Александра II. «Был за докладом военного министра, – записывает Александр Александрович в дневнике 1 апреля, – и сильно спорили с ним из-за Путилова, но конечно мне не верят, а Милютин этим пользовался и врал страшнейшим образом, и сегодня он в особенности был раздражён и поэтому беспощадно сочинял всё, что ему приходило в голову, и конечно Папа находил всё совершенно справедливым, и я же получил вроде выговора, а именно: что Папа желает, чтобы я больше не вмешивался бы в ружейное дело, потому что этим только я мешаю Артиллерийскому ведомству успешно действовать. Как ни больно и ни тяжело было получить такой выговор, но отвечать нельзя было и не стоило, раз что так поставили это дело на эту ногу»<sup>229</sup>.

Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что в восприятии военного министра вмешательство наследника и его возможный успех были (или могли стать) не меньшей «моральной пощёчиной», чем для цесаревича его поражение в «ружейном деле», поэтому-то Милютин и стремился как можно скорее покончить с этим вопросом и во что бы то ни стало «вывести дело на правильный путь» в пику наследнику, заручившись «более вескими авторитетами»<sup>230</sup>. «Дмитрий Алексеевич не выносил возражений, – вспоминал Е.М. Феоктистов о военном министре, – если возражения эти касались чего-то, что он принимал особенно близко к сердцу, то проникался даже, можно сказать, ненавистью к человеку, который до тех пор пользовался его расположением»<sup>231</sup>. Конечно, Милютин и его сотрудники, учитывая их заслуги в реформировании армии, имели право настаивать на своём при решении столь важного вопроса, однако, как

<sup>227</sup> Вот теперь самый актуальный вопрос – производство ружей (*фр.*).

<sup>228</sup> ОР РГБ. Ф. 178. К. 9803. Д. 4. Л. 24.

<sup>229</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 302. С. 283.

<sup>230</sup> Милютин Д.А. Воспоминания. 1868 – 1873. С. 156 – 164.

<sup>231</sup> Феоктистов Е.М. Указ. соч. С. 330.

представляется, цесаревич со своей стороны не делал ничего вопиющего и, движимый искренним желанием помочь делу, отстаивал действительно неплохой и перспективный проект винтовки. Слабым местом Александра Александровича были сильная зависимость от чужого мнения, легковёрность и несдержанность в оценках. Суждения наследника в техническом отношении также явно грешили поверхностностью, что показывает хотя бы упоминавшаяся докладная записка<sup>232</sup>. Вероятно, всё это, а также молодость цесаревича не прибавляли веса его словам в глазах императора, настраиваемого к тому же в соответствующем духе Милютиним. При этом сам наследник справедливо отмечал, что несмотря ни на что, его старания принесли значительную пользу в том, что «уничтожена игольчатая система, уничтожен бумажный патрон и доказано на фактах, что система Карля (так в тексте. – В.А.) негодная и скверная»<sup>233</sup>. Нехотя с этим соглашался и военный министр, которого именно деятельность наследника и вызванные ею толки в обществе заставили ускорить переход к более совершенным образцам вооружения: «Всё приводило нас к тому заключению, – вспоминал он, – что не было уже возможности отстаивать начатую так неудачно переделку наших ружей по системе Карле. При всех невыгодах всякого изменения раз принятого образца мы были приведены к необходимости во всяком случае перейти к другому образцу и к металлическому патрону»<sup>234</sup>.

Неудача в истории с ружьями и «разочарование» в Милютине и Баранцове<sup>235</sup> могла только способствовать солидарности цесаревича с противниками реформ военного министра и усилению его контактов с ними в лице, прежде всего, Воронцова-Дашкова и всё того же Козлова. В самый разгар «ружейного дела» в марте-апреле 1869 г. на вечерах у наследника с участием гофмаршала В.В. Зиновьева, Воронцова, Козлова, адмирала Краббе и других «всего больше говорили о военном министре Милютине, о всех его действиях и в какое положение он поставил нашу армию, вооружение, крепости и вообще – в каком печальном виде теперь наше войско», и «все решительно в негодовании на военного министра, и в особенности Воронцов, [...] разговаривали много о Милютине, Кавказе, князе Барятинском-фельдмаршале и его записке, которую он теперь представил государю»<sup>236</sup>. Тогда же через Воронцова Александр Александрович непосредственно ознакомился с запиской Барятинского с возражениями на Положение о полевом

<sup>232</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 331. Л. 1 – 4.

<sup>233</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 302. С. 255. «Знамя Вашего Высочества – ударная система и металлический патрон победоносно развеивается на развалинах трёхлетней деятельности артиллерийского учёного мира», – писал Александру Александровичу П.А. Козлов. (Там же. Д. 829. Л. 101.)

<sup>234</sup> Милютин Д.А. Воспоминания. 1868 – 1873. С. 156 – 157.

<sup>235</sup> Впрочем, следует признать, что несколько лет спустя отношение вел. кн. Александра Александровича к начальнику Главного артиллерийского управления стало вполне благожелательным. Накануне Русско-турецкой войны в марте 1877 г. он так же через посредство Баранцова устроил опыты над новым типом винтовки, а кроме того, участвовал в праздновании 50-летия пребывания Александра Алексеевича в офицерских чинах. О всём этом с явной симпатией к юбиляру наследник писал вел. кн. Михаилу Николаевичу. («Любящий тебя племянник Саша...» Переписка цесаревича Александра Александровича и великого князя Михаила Николаевича. 1874–1878 гг. // Исторический архив. 2013. №1. С. 138.)

<sup>236</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 302. С. 274, 284 – 285.

управлении армией в военное время, «антимилютинской работой» в полном смысле слова, как выразился её непосредственный автор генерал Р.А. Фадеев<sup>237</sup>. Вскоре, несмотря на поражение в «борьбе» с Военным ведомством, наследник и его окружение вновь выступили с инициативой, на сей раз касавшейся строительства казарм для полевых войск, половина из которых всё ещё была расположена по квартирам. Соответствующую записку, предусматривающую постройку казарм для всей армии по округам при поддержке частного капитала, для государя по просьбе Александра Александровича составил граф Воронцов. Милютин, который так и не узнал, кто был автором записки, на это раз признал, что вмешательство цесаревича «было более кстати» и позволило сдвинуть с мёртвой точки давно назревший вопрос<sup>238</sup>.

Франко-прусская война 1870 – 1871 гг. дала наследнику, поубавившему свою активность, очередной повод высказаться против Военного ведомства. Толчком к этому послужило письмо Мещерского от 3 августа 1870 г., в котором князь в связи с победами Пруссии и якобы создающейся тем самым угрозой восхвалял её военную систему и критиковал реформы и неустройства в русской армии: «Кого же винить? – вопрошал Владимир Петрович. – Военный министр – умный и честный человек, это бесспорно! Кто же изменник? Допустим, что изменников нет, хотя, несомненно, они есть (в Артиллерийском управлении в особенности). Предателем является та система, которая уже раз нас кроваво предала в Крымскую войну, и она-то осталась всё та же!» В духе сторонников Барятинского Мещерский полагал, что военный министр должен быть устранён «вовсе от подробностей в управлении округами, которые в мирное время, как армии в военное, прежде всего должны быть самостоятельны и нести ответственность за себя в своих действиях». Имея в виду милютинские преобразования, князь писал, что «от этого убийственного порядка вещей, обращающего в мёртвое тело нашу великолепную силу русского солдата, переход к однообразному порядку вещей в других частях управления делается сам собою»<sup>239</sup>. «Объяви завтра Россия войну Пруссии, – писал Мещерский в другом письме от 14 августа, – государю пришлось бы со дня на день убедиться в том, что он был обманут, что сил у нас нет, и ему пришлось бы искать спасения России не в правительственной силе – армии, а в народной – в повторении 12-го года! И обманут он, точно так же, как Наполеон Лебёфом (французский военный министр в 1869 – 1870 гг. – В.А.), честным военным министром – Милютиным. Помните,

---

<sup>237</sup> Там же. С. 304. Экземпляр записки Барятинского сохранился в личном фонде Александра III (Там же. Д. 338.), подробнее о ней см.: *Зайончковский П.А.* Военные реформы. С. 129 – 133; *Кузнецов О.И.* Указ. соч. С. 35 – 38; *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868 – 1873. С. 177 – 178; *Муханов В.М.* Указ. соч. С. 199 – 205.

<sup>238</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 302. С. 315 – 316, 323; Там же. Д. 729. Л. 189; *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868 – 1873. С. 225 – 226. О важности, которое окружение наследника придавало этому проекту в противовес Военному министерству см. также письмо П.А. Козлова от 23 мая 1869 г.: ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 829. Л. 97 – 98.

<sup>239</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 895. Л. 179 – 182 об. Интересно, однако, как при этом Мещерский выделял патриотизм Милютина: «Обойдите поочерёдно всякого нашего военного сановника, кроме Милютина, может быть, чисто русского человека, и Вы услышите от каждого глубокое презрение к государству, которому он служит; у каждого одна только мысль: он служит государю, но не России». (Там же. Л. 188 об.)

как часто мы говорили с Вами о множестве ненужных бумаг, входящих в доклады военного министра и утомляющих его и государя!»<sup>240</sup>

«Наше Военное министерство, – отвечал великий князь из Дании 9 августа на первое письмо Мещерского, – к несчастью очень мало сделало, чтобы поставить нашу армию на военную ногу, и в данную минуту Бог знает, когда мы соберём всю нашу армию и в каком виде. Это страшно подумать. Ружей нет, патронов не хватает и половины даже для мирного времени. Главное это то, что назначают Бог знает кого главнокомандующим; человека, который будет в совершенной зависимости от Военного министерства и креатура Милютин; это наверное так и будет. Но несмотря на всё это, я не теряю дух и надеюсь на русского Бога, который нас всегда спасал и выводил из беды или устраивал всё к лучшему»<sup>241</sup>. В ответ на эту сентенцию Мещерский писал, что «рассчитывать на одного русского Бога мы не можем и не должны», повторяя мысль о том, что иначе «нам приходится проходить через кровавые крещения 1812 года или 1853 и 1854, когда 300 тысяч лучших русских людей пало жертвою правительственного бессилия»<sup>242</sup>. Что касается Александра Александровича, то в письме к матери в октябре 1870 г. он также замечал: «Дай Бог нашей родине долгое время мира, но вместе с тем не спать, а быть всегда готовым на отпор и не забывать, что мы в военном отношении далеко отстали от Пруссии и, к сожалению, скорее ближе к французской организации!»<sup>243</sup> Любопытно, что примерно в это же время цесаревич в записке к военному министру просил его, «если возможно, приказать переписать мне *«Взгляд на военную организацию Пруссии»*, оно замечательно интересно»<sup>244</sup>.

Как известно, именно европейский конфликт помог Милютину по-новому поставить вопрос о переходе к всеобщей воинской повинности<sup>245</sup>. Его противники также не оставались в стороне, и «группировка Барятинского» продолжала поддерживать тесные отношения с наследником престола<sup>246</sup>. В конце 1870 и начале 1871 г. цесаревич глухо упоминает в дневнике о некоем проекте реорганизации армии: «Заехал ко мне И.И. Воронцов всё по тому же делу, и теперь мы решили с ним, чтобы дело пошло хорошо, попросить фельдмаршала Барятинского приехать

<sup>240</sup> Там же. Д. 896. Л. 212.

<sup>241</sup> Oxford Slavonic Papers. 1962. P. 118.

<sup>242</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 896. Л. 187.

<sup>243</sup> ГА РФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 115. Л. 122.

<sup>244</sup> ОР РГБ. Ф. 169. К. 56. Д. 36. Л. 26.

<sup>245</sup> Подробнее см. *Зайончковский П.А.* Военные реформы. С. 257 – 261; *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868 – 1873. С. 307 – 317.

<sup>246</sup> Примечательно, что в мае 1870 г. Р.А. Фадеев, по-видимому, с намерением привлечь к себе большее внимание и сочувствие великого князя, пишет Александру Александровичу пространное письмо, в котором, «чтоб исполнить долг совести и верноподданства», изложил в патетических тонах историю своей отставки. Основной причиной её генерал выставлял интриги Военного ведомства, из-за того, что «я имел добросовестность высказать самостоятельное мнение об устройстве русских сил». «Случай, подобный моему, – отмечал Ростислав Андреевич, – возможен только у нас и нигде больше, потому что [...] государственная служба у нас только называется общественным делом, а сущности есть не более чем общественное достояние, почва для личного устройства; оттого в ней не является ни малейшего запроса на талант, на характер, даже на политическое направление человека и на его добросовестность». (ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 1023. Л. 1 – 6.) Подробнее о судьбе Фадеева в это время см.: *Кузнецов О.В.* Указ. соч. С. 25 – 38.

сюда и через него, если он согласится, вести всё это дело о переформировании армии», – пишет он 17 декабря 1870 г. В конце января следующего года Александр Александрович и Воронцов опять «толковали всё о новой организации армии. И.И. едет завтра в Скерневиц к фельдмаршалу Барятинскому, чтобы потолковать с ним об этом деле, и в особенности, чтобы здесь уже окончательно решить, как действовать<sup>247</sup>. Как раз в это время генерал Фадеев, ожидавший там же, в имении Барятинского, выхода своей статьи «Переустройство русских сил», в которой критиковал военно-окружную систему Милютина и призывал к «нравственной склейке войск», писал о «сильном покровительстве» его работы и просил отослать её по выходе в Аничков дворец<sup>248</sup>. В течение 1872 – начале 1873 гг., пока в Военном министерстве шла подготовка предстоящих реформ, Фадеев через графа П.А. Шувалова подаёт Александру II, а вместе с ним и наследнику свои известные записки «Сомнения насчёт нынешнего военного устройства» и «Особые условия сбора русской армии»<sup>249</sup>. Тогда же отставной генерал выступил в газете «Русский мир» с серией статей на ту же тему, лейтмотивом в них звучали необходимость «пересадки» на русскую почву прусского военного устройство и отказ от милютинской системы<sup>250</sup>. Посылая экземпляры статей вел. кн. Александру Александровичу, Фадеев 7 декабря 1872 г. в сопроводительном письме обвинял Военное министерство в том, что комиссия, работавшая над реорганизацией армии, «была лишена свободы выбора», деятельность её и выработанные проекты «оставляли в глубокой канцелярской тайне», и делалось это всё с целью сохранения «положительно несостоятельной» военно-окружной системы, жертвуя тем самым «для личного самолюбия участию России и славою наших государей». Своими статьями Фадеев и хотел «обнаружить эту игру в решительную минуту, внезапно и перед глазами всех; показать, что делается и для чего»<sup>251</sup>.

Хотя каких-либо конкретных суждений цесаревича, высказанных в ходе подготовки милютинских преобразований, не обнаружено, и неизвестно, насколько детально он вникал в представляемые ему контрпроекты Фадеева<sup>252</sup>, ясно, что к моменту решающего обсуждения новой организации и комплектования вооружённых сил в секретных совещаниях под председательством государя, проходивших с 28 февраля по 31 марта 1873 г., наследник был в достаточной степени настроен против Военного министерства<sup>253</sup>. Тем не менее, во время самих совещаний он

<sup>247</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 304. С. 94, 121.

<sup>248</sup> Кузнецов О.В. Указ. соч. С. 46 – 47.

<sup>249</sup> Сохранились в бумагах Александра Александровича: ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 349, 353.

<sup>250</sup> Зайончковский П.А. Военные реформы. С. 289 – 293; Кузнецов О.В. Указ. соч. С. 48 – 53.

<sup>251</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 1023. Л. 7 – 8.

<sup>252</sup> В подлинниках записок Фадеева имеются многочисленные карандашные пометы на полях, которые, казалось бы, могли быть сделаны наследником при чтении, однако при внимательном изучении становится понятным, что это всего лишь отметки мест, где были сделаны писарские исправления в тексте.

<sup>253</sup> Известный общественный деятель промышленник Ф.В. Чижов со слов министра путей сообщений графа А.П. Бобринского записывал в дневнике в 1874 г., что «Воронцов теперь овладел умом наследника и в газете

занимает малоинициативную позицию. «На днях приехали сюда дядя Миша, граф Берг и князь Барятинский для совещаний в комиссиях об общем рекрутском наборе и о реорганизации войск. Эти вопросы теперь всех очень интересуют, и я уверен, что споры будут весьма горячие», — записывает он в дневнике 1 января 1873 г.<sup>254</sup> Ход совещаний не нашёл в дневнике Александра Александровича никакого отзыва, кроме упоминания о происходивших заседаниях. Императрице же он сообщал в недатированном письме, очевидно, в марте 1873 г.: «Вообще кажется, что Милютин очень расстроен ходом прений в комиссии и, тем более, что Папа во многом не согласен с мнением Милютина, который очень самолюбив и не допускает почти никакого другого мнения, кроме своего собственного»<sup>255</sup>. Здесь верно подмечено общее настроение совещания, попортившее немало нервов Дмитрию Алексеевичу, который чуть не до изнеможения боролся со своими противниками за мнение императора, не уставая доказывать Александру II справедливость своих предложений вплоть до угрозы отставки<sup>256</sup>. Просматривается сочувствие цесаревича и к «другому мнению» оппонентов военного министра. В дневнике о принятых мерах по изменению организации состава войск, в отношении к которым цесаревич, по замечанию Милютина, явно стал не на его сторону<sup>257</sup>, он ограничился сухой констатацией: «Армия увеличилась значительно, решено снова устроить корпуса. Полки будут в 4 батальона, дивизии в 2 или 3 полка. Округа остаются»<sup>258</sup>. Однако в письме к матери от 4 апреля подвёл такой итог закончившимся заседаниям: «Не могу сказать, чтобы результат наших совещаний привёл бы к чему-нибудь особенному и можно было бы ожидать чего-нибудь и лучшего, но что же делать, не всё то возможно, чего желал бы! Я одно могу сказать, что я, признаюсь, ожидал совершенно другого результата, а вышло, что всё почти осталось по-старому, да ещё немного более усложнили дело. Я очень сожалею, что не могу подробнее об этом писать, потому что пришлось бы слишком много писать подробностей, которые в разговоре передаются легко, а на бумаге очень трудно. Комиссия под председательством дяди Кости (подразумевается Особое присутствие Государственного совета о воинской повинности, предварительно рассматривающее проект Устава о всеобщей воинской повинности. — В.А.) тоже начала свои действия. [...] Это дело ещё серьёзнее реорганизации и требует большой разработки, и спешить невозможно»<sup>259</sup>. Косвенным свидетельством отношения Александра Александровича является и запись в дневнике Милютина, сделанная в мае 1873 г. после визита цесаревича с женой: «Юная чета давно уже держит себя в отношении ко мне более чем холодно. По всему видно, что интрига

---

(«Русский мир». — В.А.) всё введённое настоящим царствованием отрицается... наследник вооружается против власти». (Цит по: *Исмаил-Заде Д.И.* Указ. соч. С. 46.)

<sup>254</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 305. С. 222.

<sup>255</sup> Там же. Ф. 641. Оп. 1. Д. 115. Л. 182.

<sup>256</sup> *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868 — 1873. С. 583 — 604.

<sup>257</sup> Там же. С. 594 — 595.

<sup>258</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 305. С. 241.

<sup>259</sup> Там же. Ф. 641. Оп. 1. Д. 115. Л. 163 об. — 164.

против меня имела полный успех и оставила следы неизгладимые. При всём моём философском воззрении на придворные отношения невозможно, однако же, совсем отрешиться от чувства досады и негодования на несправедливость и неблагодарность»<sup>260</sup>.

Осенью 1873 г. признавший своё поражение Фадеев послал наследнику новую записку «О мерах для восстановления армии», ничтоже сумняшеся отмечая в сопроводительном письме, что «вопрос о русской силе не имеет прямого значения для нынешнего царствования; но в нём заключается вопрос жизни для царствования императора Александра III-го». «Преобразования, совершаемые нынешним Военным министерством, – писал Фадеев, – приведут только к истощению государства в мирное время и к полной его несостоятельности в военное. При настоящем положении русской армии нечего и думать о войне». Прямо указывая на задачи будущего царствования, отставной генерал выражал уверенность, что Александру Александровичу «предстоит со временем принять основной план преобразования армии», который бы «выражал мнение боевых людей, а не чиновников министерства. Между тем, эти боевые люди вымирают один за другим; к тому дню, когда Вы примете державу, может быть, из них не останется уже ни одного»<sup>261</sup>. Как бы цесаревич ни отнёсся к столь заманчивым предложениям, очевидно, во всяком случае, что нововведения в армии по меньшей мере вызывали у него опасения. 1 января 1874 г. он лаконично отметил в дневнике: «Сегодня объявлен манифест об общей воинской повинности. Дай Бог, чтобы это важное дело прошло благополучно, и чтобы мы не раскаивались в будущем, что поторопились его ввести!»<sup>262</sup> Вполне вероятно, что в этих словах можно усмотреть также влияние неуверенности, имевшейся и у императора из-за сильной оппозиции новому закону. Об одном из подобных эпизодов, когда за месяц до выхода манифеста в присутствии наследника по поводу заключительной фразы в готовящемся проекте о том, что «новый закон соответствует благим намерениям Его Величества и пользам государства», у Александра II вырвалась фраза: «Дай Бог, чтобы так было!»<sup>263</sup>

В следующем 1875 г. вел. кн. Александру Александровичу вновь представился случай высказать и ещё больше укрепить негативное отношение к личности и деятельности военного министра. Цесаревич оказался втянут в конфликт между кавказским наместником, министерствами иностранных дел и военным по вопросу о строительстве железных дорог в Закавказье. Д.А. Милютин и князь А.М. Горчаков, вопреки мнению вел. кн. Михаила Николаевича и его помощника, князя Д.И. Святополк-Мирского, отстаивавшего интересы наместника в Петербурге, считали первостепенным строительство стратегической железнодорожной линии от Тифлиса к персидской границе, а не к Баку, имевшей бы значение для хозяйственного развития края. По-

<sup>260</sup> Милютин Д.А. Дневник 1873 – 1875. С. 33.

<sup>261</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 355. Л. 1 – 2 об. О записке подробнее см.: Кузнецов О.В. Указ. соч. С. 55 – 58.

<sup>262</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 306. С. 58.

<sup>263</sup> Милютин Д.А. Дневник 1873 – 1875. С. 58 – 60.

сылая Мирского в столицу, Михаил Николаевич просил племянника «обласкать его», отмечая, что князь — «милый человек в полном смысле слова»<sup>264</sup>. Ознакомившись через Мирского с железнодорожным делом в Закавказье, наследник в совещаниях у Горчакова выступил на стороне дяди-наместника и его помощника<sup>265</sup>. К тому же, на сторону брата встал вел. кн. Константин Николаевич, в свою очередь настраивавший наследника в интересах кавказского начальства<sup>266</sup>. «*Большое тебе спасибо за содействие князю Мирскому в отстаивании интересов Кавказа по железнодорожному делу в совещании у князя Горчакова*», — писал цесаревичу вел. кн. Михаил Николаевич 17 марта 1875 г. «Да, нелегко добиваться дела в вашем Питере, — прибавлял он, — где кроме государя, тебя и Кости все относятся апатично к оному, а к интересам нашей дальней окраины даже зачастую *враждебно*»<sup>267</sup>. В ответ Александр Александрович, очевидно, не вдававшийся в аргументы противоположной стороны, с жаром писал дяде, что «я вполне понимаю, как тебе должно быть тяжело и неприятно, все эти дела, которые с таким громадным трудом достаются в Петербурге, и как мало сочувствия находишь здесь между правительственными лицами. В особенности Милютин невыносим всякий раз, что дело касается Кавказа, и всегда должен идти против твоего предложения. Эта личность мне всегда была несимпатична, и время нисколько не изменило мой взгляд и образ мыслей об Милютине. Он положительно вредный человек для России! Я хотел бы знать, — продолжал наследник, имея в виду Святополк-Мирского, — к чему держать людей в таком далёком крае и такое долгое время, а когда они что-нибудь просят для края и представляют свои соображения, основанные на знании края и на опыте, там приобретённом, министры и здешние деятели постоянно во всем отказывают и судят о местности и о нуждах края, которого они и в глаза не видали, и воображают, что они лучше знают, чем те, которые посвятили всю свою службу и часть жизни, чтобы изучить нужды края. Вот это всего грустнее и положительно может обескуражить хоть кого!»<sup>268</sup> Примечательно, что в своей обычной горячности цесаревич не вспомнил (а возможно, даже вовсе не знал об этом), что Милютина как раз очень трудно было причислить к тем, кто «в глаза не видал» Кавказа. На сей раз, в отличие от «ружейного дела», когда вел. кн. Михаил Николаевич довольно резко одёрнул племянника, кавказский наместник гораздо спокойнее отреагировал на критику военного министра. Радуюсь, что у наследника «такой правильный взгляд» на железнодорожный вопрос, он отметил, что «оппозиция Милютина мне решительно непонятна и необъяснима, тем более, что я никаких столкновений уже несколько лет с ним не имел. Правда, что я никогда не

---

<sup>264</sup> «Любящий тебя племянник Саша...» // Исторический архив. 2012. №5. С. 157.

<sup>265</sup> Там же. С. 165.

<sup>266</sup> О перипетиях в «верхах», связанных с железнодорожным строительством в Закавказье, подробнее см. в дневнике Милютина и комментариях к нему. (Милютин Д.А. Дневник. 1873 – 1875. С. 158 – 166, 297 – 301.)

<sup>267</sup> «Любящий тебя племянник Саша...» // Исторический архив. 2012. №5. С. 167.

<sup>268</sup> Там же. С. 168 – 169.

был его рьяным партизаном (т.е., сторонником, приверженцем. – В.А.), но всегда, однако, отдавал ему справедливость в том, в чём он по моему мнению заслуживает похвалы!»<sup>269</sup>

Дальнейшие взаимоотношения наследника престола с военным ведомством и его руководителем следует рассматривать уже в контексте Восточного кризиса середины 70-х гг., участия наследника в Русско-турецкой войне 1877 – 1878 гг., а также последствий этой войны, сказавшихся на стратегии развития военно-морского флота и внешней политики.

### *§3. Цесаревич и борьба правительственных группировок во второй половине 60-х – середине 70-х гг.*

Вскоре после смерти вел. кн. Николая Александровича Александр II обязал нового наследника присутствовать на министерских докладах, с октября 1866 г. назначил членом Государственного совета, а два года спустя – включил в состав Комитета министров. «Пока я присутствовал при докладах военного министра, внутренних дел, финансов и иностранных дел. Сегодня присутствовал в первый раз при докладе министра государственных имуществ. Кроме того, как ты знаешь, я присутствую в заседаниях Государственного совета, где, к сожалению, большую часть дела бывают неинтересны. Пока это всё, что мне приходится исполнять», – писал цесаревич вел. кн. Михаилу Николаевичу 4 октября 1867 г.<sup>270</sup> «Я продолжаю заниматься моими обычными занятиями и постоянно бываю у папа за докладами всех министров ежедневно от ½10 утра до ½12 или 12 часов, что у меня отымает решительно всё утро и иногда решительно из пустяков, которыми, к сожалению, продолжают заваливать папа», – сообщал он дяде в январе 1869 г.<sup>271</sup>

При этом, несмотря на то, что вел. кн. Александр Александрович в первые годы на своём новом поприще вообще с трудом привыкал к государственным обязанностям, политические симпатии нового цесаревича постепенно очерчивались всё более и более определённо. Приобщение великого князя к государственной деятельности совпало с приходом к власти после покушения Каракозова на Александра II графа П.А. Шувалова и усилением влияния нового шефа жандармов и его сторонников (так называемой «аристократической партии») в правительстве. Многими современниками, особенно либеральными, деятельность Шувалова воспринималась крайне отрицательно. Граф Д.А. Милютин писал в воспоминаниях, что «прискорбная реакция, наступившая в нашей правительственной деятельности после несчастного события 4 апреля, остановила ход начатых либеральных реформ и поколебала светлые надежды той группы передовых

---

<sup>269</sup> Там же. С. 170.

<sup>270</sup> ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2743а. Л. 24 об.

<sup>271</sup> Там же. Л. 38 об.

людей, которая видела в этих реформах зарю будущей блестящей будущности России. С 4 апреля берёт верх партия quasi-консерваторов или, вернее сказать, ретроградов». Милютин полагал, что «партия эта задумала воспользоваться преступным выстрелом Каракозова, чтобы внушить государю недоверие ко всему, что было сделано на славу его царствования, и под видом укрепления расшатанной будто бы самодержавной власти восстановить господство высшего сословия над массою, по идеалу прибалтийских баронов»<sup>272</sup>. Практически все вопросы внутренней политики, к которым во второй половине 60-х – первой половине 70-х гг. (до ухода Шувалова в 1874 г. со своего поста) имел касательство наследник престола, так или иначе имели отношение и к деятельности «шуваловской партии». Как уже упоминалось, проблема отношений цесаревича и его окружения к «аристократической оппозиции» затрагивалась в литературе. Во второй половине 60-х гг. вблизи наследника престола находились или поддерживали с ним отношения те, кто находился в оппозиции курсу Шувалова. Условно их можно отнести к так называемой «русской» или «национальной» партии, организационным центром которой выступали редакция газеты «Московские ведомости» М.Н. Каткова и Московский Славянский комитет. С их точки зрения «партия» Шувалова, забравшая в свои руки управление государством, олицетворяла «петербургский космополитизм»<sup>273</sup>, вредящий «русским интересам» на окраинах и всячески искажающий реформы внутри России, привносящий чуждые западные влияния. Сам Александр III впоследствии говорил о Шувалове, что он «собственно не русский, а космополит»<sup>274</sup>. Из сторонников «русской партии» близко к Александру Александровичу стояли князь В.П. Мещерский и К.П. Победоносцев<sup>275</sup>. Представляется целесообразным на конкретных примерах последовательно рассмотреть восприятие наследником престола деятельности Шувалова и его сторонников в период нахождения последних у власти.

Крайне негативное отношение молодого наследника к Шувалову выявилось вскоре после утверждения того на политическом олимпе. «Полновластие Шувалова безгранично, – записывает в дневнике 19 января 1867 г. сенатор А.А. Половцов, – его называют не Петром Андреевичем, а Алексеем Андреевичем (Аракчеев). Наследник его очень не любит; недавно он снимал свой портрет у Левицкого, спускаясь с лестницы, ведущей из мастерской, он увидал внизу ожидавшего своей очереди Шувалова; в ту же минуту наследник вернулся наверх и просил дать ему

<sup>272</sup> Милютин Д.А. Воспоминания. 1865 – 1867. С. 319.

<sup>273</sup> Граф С.Д. Шереметев, сторонник к «русской партии», писал о П.А. Шувалове, что он «не был русский человек, и внешностью и кровию своею он был поляк, сын польки-шляхтенки и бездушного космополита с русскою фамилиею, но без русского чувства, человека интриги без убеждений и без верований». (Мемуары графа Шереметева. С. 250.) О П.А. Валуеве, стороннике Шувалова по многим вопросам, князь В.П. Мещерский писал наследнику в 1868 г., что «в польском, немецком и православном вопросах Валуев был не русский, а космополитический государственный человек». (Мещерский В.П. Письма. С. 441.)

<sup>274</sup> Дневник Перетца. С. 113.

<sup>275</sup> Об этом см. подробно: Дронов И.Е. Консервативный проект для России. С. 30 – 33; Он же. Кружок князя В.П. Мещерского. С. 71 – 87; Полунов А.Ю. Указ. соч. С. 144 – 158.

средство уйти каким бы ни было образом, только чтобы избежать встречи с Шуваловым»<sup>276</sup>. В дневнике цесаревича за 1866 и 1867 годы неоднократно встречаются записи, подтверждающие сведения Половцова. Примечательны характерные определения, дававшиеся, как бы невзначай, Шувалову великим князем в дневнике. Так, 8 декабря 1866 г. после упоминания имени графа цесаревич пометает в скобках: «временщик», а 25 октября 1867 г. – «Пётр IV». Тогда же он мимоходом заметил в дневнике, что шеф жандармов «теперь таскается повсюду за Папа и даже на охоте не даёт ему покоя»<sup>277</sup>. Отмечая в дневнике жаркие споры сановников о жандармских уездных командах на заседании Государственного совета в начале 1867 г., наследник выразительно подчёркивает, что «Шувалов стоял с нахальным видом и как бы хотел сказать всему собранию: спорьте, кричите, а я всё-таки настою на своём»<sup>278</sup>.

Подобная оценка положения и значения шефа жандармов при императоре и в «верхах» складывалась у наследника далеко не без внешних влияний. Князь В.П. Мещерский, в недатированном письме сравнивая графа с П.А. Валевым, отмечал, что последний в отличие от Шувалова «не интригует, не подкапывается и не внушает государю недоверие ко всякому проявлению разумно либеральных стремлений здоровой части общества на Руси»<sup>279</sup>. В начале 1867 г. князь, сокрушаясь, что Александр Александрович не принуждает себя «глубже смотреть в жизнь и сердца людей», вновь настаивал на том, что «Шувалов отдаляет от государя людей честных и чернит их из подлого замысла властолюбия». Мещерский писал о том, что «Шувалов льстит тому, кому он служит, и в себе одном признаёт спасение России», и что он «боится, чтобы кто-либо не внушил государю мысль о своём влиянии, боится и утратить его»<sup>280</sup>. Интересно, что в это же время на наследника оказывали влияние и статьи герценовского «Колокола», номера которого он получил в марте 1867 г. от своего постоянного корреспондента князя Н.А. Орлова, в то время посланника в Бельгии. В «Колоколе» Александр Александрович прочёл «очень интересное» «Письмо из Петербурга», в котором анонимный автор (известный публицист, деятель вольной русской печати и эмигрант князь П.В. Долгоруков<sup>281</sup>) разбирал «всех министров и высших особ». Я с большим интересом начал читать это письмо», – писал цесаревич в дневнике<sup>282</sup>. В «письме» подробно анализировалась идущая в Петербурге борьба между партиями «ретроградов», «константиновцев», «конституционистов» и «олигархов». Особое внимание как раз и было уделено безраздельному «царствованию» и «нахальству» шефа жандармов, какого

<sup>276</sup> ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 7. Л. 3 об.

<sup>277</sup> Там же. Ф. 677. Оп. 1. Д. 300. С. 17; Д. 301. С. 108 – 109.

<sup>278</sup> Там же. Д. 300. С. 54.

<sup>279</sup> Мещерский В.П. Письма. С. 207.

<sup>280</sup> Там же. С. 212 – 213.

<sup>281</sup> «Колокол»: газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Факсимильное издание. Вып. XI: Указатели к I – X выпускам. М., 1962. С. 26, 73.

<sup>282</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 300. С. 114.

«не бывало со времён Аракчеева», и его приверженцев, «с соболезнаванием взирающих на все реформы» (собственно, «ретроградов»), притеснению земств, усилению цензуры и т.п.<sup>283</sup>

Одной из первых серьёзных проблем внутренней политики, обратившей на себя внимание Александра Александровича вообще и, кроме того, связанной с деятельностью «шуваловской партии», как раз и стал вопрос о земстве, поднятый в правительственных сферах в конце 1866 – начале 1867 г. 19 декабря 1866 г. цесаревич чуть ли не впервые оставил в дневнике более или менее пространную запись о заседании Государственного совета. «Заседание было довольно долгое и спорное, – писал наследник. – Произошёл маленький скандал. Дядя Костя, перебирая одно дело по земским собраниям, предложил войти в сношение с земством по сему вопросу и обратился с этим предложением к Валуевым (так в тексте. – В.А.). Многие одобрили это предложение и сейчас же согласились, и я тоже. Чевкин начал оспаривать и говорил, что это дело небывалое и его надо обдумать и потом решить; но вышло из справок, что это совершенно согласно с уложением о земстве. Князь П.П. Гагарин сгоряча махнул, что это уже слишком похоже на конституционное начало. Дядя, услышав это, вспыхнул и, обратившись к П.П., сказал: «Благодарю Вас от души за такое прозвание, Вы можете быть уверены, что это так не пройдёт». Потом он сказал мне на ухо, что после заседания отправится прямо к папа, чтобы рассказать ему всё, что происходило»<sup>284</sup>. Между тем, предложение вел. кн. Константина Николаевича, вызвавшее конфликт с Гагариным, было своего рода пробным шаром для продвижения «конституционного» проекта великого князя, в котором земство должно было играть ключевую роль<sup>285</sup>. Очевидно, что наследник не был осведомлён о всей подноготной вопроса, однако примечательно его симпатии к земским учреждениям. Отчётливее они выявились месяц спустя, когда после выступления Петербургского губернского земского собрания с требованием участия земства в законодательной деятельности вполне определился наметившийся в правительстве курс, разделявшийся в первую очередь шефом жандармов, на ограничение прав земства и перемену отношения к идее выборного представительства. П.А. Валуеву ещё в конце 1866 г. было поручено составить записку о возможных изменениях в Земском положении<sup>286</sup>. Описание заседания Совета министров 12 января 1867 г., на котором обсуждались меры по борьбе с земской оппозицией, заняло в дневнике ещё больше места, отличаясь небывалой прежде подробностью. «Валуев читал свою записку по этому поводу и конечно устроенную вместе с Шуваловым, – возмущался Александр Александрович. – Многие находили, что теперь ещё рано переменять этот закон, тем более, что он так недавно выдан, и большая часть министров была против того, чтобы делать

<sup>283</sup> Колокол. №235-236. 1 марта 1867 г. С. 1917 – 1923; №237. 15 марта 1867 г. С. 1933 – 1937.

<sup>284</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 300. С. 30 – 31.

<sup>285</sup> Подробнее см.: *Воронин В.Е.* Русские правительственные либералы. С. 129 – 130; *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика царизма. С. 64 – 65.

<sup>286</sup> *Воронин В.Е.* Русские правительственные либералы. С. 137 – 138; *Христофоров И.А.* Указ. соч. С. 203 – 204; *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика царизма. С. 66 – 67.

большие перемены в настоящее время. Хотя были заявления от московского и петербургского земства довольно резкие и даже слишком смелые, но это было более от известных лиц, а не от всего земства, что многие министры и доказывали государю! Но государь был запуган всеми сплетнями и выдумками Шувалова, который уверял, что со временем может быть сильный переворот от этих земств и что это может кончиться скверно, так что государь, несмотря на то, что почти все министры были против того, чтобы делать теперь какие-нибудь большие перемены, всё-таки кончил тем, что приказал Валуеву, Шувалову, Зелёному и Толстому собраться вместе и пересмотреть записку и предложение Валуева, чтобы потом представить на рассмотрение государя, какие сделать перемены в законе о земстве. Признаться сказать, я уже знал наперёд, что кончится этот комитет тем, что несмотря на все возражения министров папа всё-таки прикажет принять предложение Валуева и Шувалова. Я даже удивлялся, к чему собирать мнение всех министров, когда заранее уже было устроено всё-таки принять записку Валуева. Папа потом говорил мне, что он по собственному опыту увидел, что значит малодушие министров, и уверял, что он много от этого потерпел. Но в этом случае не малодушие министров заставляло их говорить против перемен в законах о земстве, а то убеждение, что теперь рано ещё переменять их, ибо только 3 года, что они существуют, и всякая перемена, а в особенности большая, может произвести самое неприятное впечатление на общество. Именно в этом папа и обвинял их, говоря, что они боятся толков, и самих собрали и тем только показывают, как будто правительство боится их, тогда когда должно было быть совершенно противное, т.е. доказать им, что правительство их совсем не боится, а что они должны бояться правительства. Мне оставило это заседание грустное впечатление, потому что как будто бы государь показал какое-то недоверие к своим министрам за исключением, конечно, Валуева и Шувалова, которые ликовали, я уверен, над тем, что победили всех господ министров»<sup>287</sup>.

Это пространное изложение наглядно демонстрирует сложившееся убеждение наследника в том, что интриги Шувалова и его сторонников прочно опутали императора и имеют ключевое влияние на его решения. Вместе с этим, чем же следует объяснить столь серьёзное сочувствие цесаревича к земству? То, что последнее было действительно так, подтверждается письмом к Мещерскому лета 1867 г.: «Тоже пишите о земстве и как они идут, – просил князя Александр Александрович, интересовавшийся из Дании вопросами русской внутренней политики, – это одно из нужнейших и лучших учреждений, которое было сделано у нас, и я сильно стою за него»<sup>288</sup>. Письмо Мещерского от 6 июля 1867 г. несколько приоткрывает завесу над тем, как на земское дело к тому времени смотрели в окружении наследника. «Земство – предмет слишком многосторонен, слишком нов, слишком важен, чтобы можно было о нём говорить мимоходом,

<sup>287</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 300. С. 57 – 58.

<sup>288</sup> Мещерский В.П. Письма. С. 666 – 667.

невольно выскажешь мысль, которая может внушить ложное убеждение и набросить тень на всё учреждение, – писал Владимир Петрович в ответ на просьбу цесаревича. – Споры мои с Павликом (адъютантом наследника П.А. Козловым. – В.А.) меня в этом убедили. Он сторонник земства безусловно под влиянием тех, которые бранят напропалу Валюева и с пристрастием говорят о земстве»<sup>289</sup>. Впрочем, через год с небольшим, осенью 1868 г., в вопросе о земстве Мещерский вторил Александру Александровичу и развивал его мысль: «Земство, по-моему, выше всех реформ царствования после крестьянской, она не может сравниться ни с одною с Петровского до нашего времени по своему значению в настоящем и для будущего; ибо она имела счастье быть с самого начала реформою чисто русскую, не смешанной ни с какими западными политическими примесями, а потому сроднившейся с Россиею в всех её слоях и сферах. Крестьянин так же, как и высший по образованию гражданин, одинаково доступны земству, так же, как и земство доступно столь же крестьянину, сколько боярину и священнику»<sup>290</sup>. Позднее Мещерский прямо называл земство основой «национальной политики», которую «русская партия» и наследник могли бы противопоставить «аристократической оппозиции». Князь полагал, что в отличие от Александра II, который был приведён «после 4-го апреля подлостью Шувалова к мысли, что в него стрелял не сумасшедший, а стреляла будто бы вся Россия и национальная её партия», цесаревич поставлен в иные условия. «Кругом везде организуется сильная партия, чтобы вывести Вас в Шуваловскую партию, и подрезать Вам крылья и в то же время подорвать Вашу популярность», – писал Мещерский в марте 1871 г. Более того, Владимир Петрович опасался, не «успели ли пошатнуть Вас в Ваших основных и коренных убеждениях. Но скажу откровенно: за ужином у меня, зародилось у меня опасение в ту минуту, когда Вы сказали: *«Не знаю, за уничтожением крепостного права, не ослабла ли народная сила как помощь в минуту опасности, подобной 12 году?»* Напротив, внутри России она станет гораздо надёжнее, ибо сделается уже не народную, а земскою, то есть чисто русскою силою. Этой-то земской силы Шувалов и К-ия боятся и против неё вооружают государя. Вот почему родилось во мне опасение и насчёт Вас! Политика, которая будет основана на недоверии к этой земской силе, неминуемо приведёт к катастрофе; напротив, политика, проникнутая безграничным доверием к этой силе, упрочит монархическую власть и создаст великие события для славы этой власти»<sup>291</sup>. 1 июля 1871 г. князь также писал наследнику о том, что «крестьянская реформа поставила на ноги 50 миллионов людей свободных, мыслящих, которые со дня на день явились с *правами*. Земская реформа ввела эти 50 миллионов в государственную сферу»<sup>292</sup>. Неясно, руководствовался ли цесаревич в то время этими доводами в своих предпочтениях и была ли поддержка земской

---

<sup>289</sup> Там же. С. 330.

<sup>290</sup> Там же. С. 594.

<sup>291</sup> «Моя преданность Вам имеет одну основу». С. 143 – 144.

<sup>292</sup> Там же. С. 150.

деятельности вызвана только лишь антагонизмом с «шуваловской партией». Во всяком случае, граф Шереметев вспоминал, как в 1872 г. наследник не нашёл ничего «неудобного» в том, что Шереметев, оставаясь адъютантом великого князя, решил баллотироваться и был избран в Петербургское губернское земское собрание. Как обычно, Сергей Дмитриевич особенно противопоставлял взгляды Александра II и наследника. «Покойный государь, – писал он, – вообще крайне несочувственно относился к лицам своей свиты, желавшим выборной службы, которая вообще его коробила и совершенно расходилась с его понятиями. [...] Если я решился на этот шаг, то, во-первых, потому что я принадлежал к свите цесаревича, а не государя, а главным образом из любопытства, чтобы видеть, как отнесётся к этому сам цесаревич? Не только не заметил я в нём малейшего недовольства, когда я заикнулся об этом желании, но совершенно напротив. Он доложил об этом государю и получил его согласие... Ясно было, что направление было иное...»<sup>293</sup> В то же время Н.Н. Фирсов утверждал, основываясь на личных беседах с наследником и его окружением, что цесаревич «не придавал никакого значения различию службы по выборам и по назначению»<sup>294</sup>.

В вышеприведённых эпизодах, помимо всего прочего, явственно обращает на себя внимание столь же негативное, как и к графу Шувалову, отношение наследника к министру внутренних дел П.А. Валуеву. Вплоть до отставки последнего со своего поста в марте 1868 г. эти два имени, Валуева и Шувалова, идут у цесаревича как бы в одной «связке», и очевидно именно за ними он признаёт наибольшее влияние у императора и в правительстве. Как и к Шувалову, за которым великий князь, очевидно, признавал наглость, нескромность в политических приёмах, склонность к закулисным интригам, Александр Александрович испытывал чисто личную неприязнь к Валуеву. В дневнике он награждает министра такими характерными «прозвищами» как «Валуевы», «Виляев», «Краснопевцев»<sup>295</sup>. «В особенности он не любил фраз, – вспоминал о наследнике Мещерский. – Бедного Валуева он не любил именно за избыток фраз. Про него он весьма верно говорил: он столько наговорит постороннего и ненужного, что до нужного и не доберётся»<sup>296</sup>. Соответственно, и сановники, близкие к Шувалову и Валуеву или сходившиеся с ними во взглядах, получают у наследника самые нелестные эпитеты. На следующий день после заседания Совета министров, обсуждавшего возможные перемены в положении о земстве, 13 января 1867 г. вел. кн. Александр Александрович принимал графа В.Н. Панина и «говорил с ним о вчерашнем Совете министров; немало я бесился на него, – писал наследник в дневнике, – потому что он успел уже с вчерашнего дня переменить своё мнение и был уже на стороне Шу-

<sup>293</sup> Мемуары графа Шереметева. С. 253, 458 – 459.

<sup>294</sup> Фирсов Н.Н. Воспоминания о цесаревиче Николае Александровиче и императоре Александре III в юности // Исторический вестник. 1909. Т. 115. С. 70 – 71.

<sup>295</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 300. С. 30, 142; Д. 301. С. 261.

<sup>296</sup> Мещерский В.П. Мои воспоминания. С. 282.

валова и Валуева. И это государственные люди! Куда подует ветер, туда и граф Панин. Жалкий человек!!!»<sup>297</sup> В начале 1867 г. цесаревич отмечает свой разговор с К.П. Победоносцевым, рассказывавшего «с отчаянием, что вместо теперешнего товарища министра юстиции Стояновского назначили графа Палена, псковского губернатора, человек весьма ограниченный и из друзей Валуева и Шувалова»<sup>298</sup>. Несколько дней спустя он с тем же Победоносцевым говорит «о теперешних событиях, о поганом Шувалове и о Валуеве»<sup>299</sup>. По всей видимости, именно Победоносцев создавал крайне мрачный образ министра внутренних дел, относя его к сановникам, «оторванным от земли». Совпадают даже определения, выносимые Валуеву Константином Петровичем и цесаревичем. «Он невероятно пуст – едва ли не до глупости, – писал Победоносцев А.Ф. Тютчевой. – По речам можно бы назвать его шутом, если не актёром». Особенно раздражала Победоносцева склонность Валуева к компромиссу с польскими, прежде всего, дворянскими, подданными империи<sup>300</sup>. Князь В.П. Мещерский, служивший под началом Валуева и знавший о роли Победоносцева в очернении своего начальника в глазах наследника, тщетно пытался, как в личных беседах, так и в письмах убедить Александра Александровича в необходимости более взвешенного отношения к деятельности министра и его несомненных заслугах в деле Великих реформ, напротив, как уже упоминалось, противопоставляя Валуева Шувалову. «Сетую на Вас, – писал князь в недатированном письме 1866 или 1867 г., – за Ваше ожесточение против Валуева: верите ли тому, что ныне всякий человек, честно любящий свою отчизну, должен желать и стоять за Валуева (*la question polonaise excepté*<sup>301</sup>), ибо он хотя *и без системы*, всё же сколько-нибудь отстаивает права русских, права свободы против всепожирающего и всеподавляющего властолюбия Шувалова, с одной стороны, подло уверяющего государя, что все ему враги, а с другой стороны, против тех безумцев либералов, которые хотят свободы неограниченной». «Как-нибудь, если Вы и Победоносцев и я, мы сойдёмся, я берусь доказать, что пока нет шансов, чтобы на месте Валуева был человек умнее его, и систематичнее его, и более русский, чем он», – прибавлял Мещерский<sup>302</sup>. Весной 1868 г., уже после отставки Валуева, Владимир Петрович в письме к Александру Александровичу задавался вопросом: «Отчего Вы так безжалостно меня уничтожаете за мои суждения о нём, не позволяя мне высказаться до конца и не желая вопрос этот подвергнуть всестороннему обсуждению? Нет ничего труднее, как судить государственного человека на таком поприще, где, как в Министерстве внутренних дел, сходятся самые сложные и самые разнородные государственные вопросы. Мне досадно не то, что Вы ругаете Валуева, но то, что Вы не пользуетесь умом Вашим для всестороннего обсуждения его

<sup>297</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 300. С. 59.

<sup>298</sup> Там же. С. 47.

<sup>299</sup> Там же. С. 54.

<sup>300</sup> Полунин А.Ю. Указ. соч. С. 70, 73 – 74.

<sup>301</sup> Исключая польский вопрос (*фр*).

<sup>302</sup> Мещерский В.П. Письма. С. 207.

политической роли как министра внутренних дел в самую трудную эпоху, которая когда-либо для России и для министерства существовала». Описывая те сложности, которые пришлось преодолеть во внутренней политике за годы, прошедшие со времени отмены крепостного права и земской реформы и оценивая роль Валуева, Мещерский подчёркивал, что «если бы он не сумел так упорно и так долго влиять или обходить всякую решительную меру, здесь помощью циркуляра, там незначительною уступкою Шувалову или другому, ему удалось бы сберечь все великие реформы в их цельности? [...] Воображаю, как Вы меня ругнёте, но что же делать!»<sup>303</sup>

Один из современников эпохи, редактор «Вестника Европы», историк и публицист М.М. Стасюлевич писал в 1882 г. в своей брошюре «Чёрный передел реформ императора Александра II» о новом императоре, что «ещё будучи наследником, он по-своему справедливо обнаруживал нерасположение к так называемым «западникам», так как в его глазах западниками слыли такие лица, как например, граф Валуев, граф Шувалов (бывший шеф жандармов); других «западников» он не знал и не мог знать, те же лица и им подобные были для него олицетворением «конституционализма», конечно, *sui generis*<sup>304</sup>»<sup>305</sup>. Однако если тогдашняя антипатия цесаревича к Шувалову и Валуеву как к бесчестным и своекорыстным представителям бюрократии, опутавшим своим влиянием императора, просматривается совершенно чётко, нельзя сказать с уверенностью, насколько он был в курсе их конституционных стремлений во второй половине 60-х – начале 70-х гг., а, кроме того, насколько глубоко сам понимал и оценивал проблему «конституции» применительно к российским условиям того времени. Ясно только, что разговоры об этом велись в окружении наследника. Н.Н. Фирсов писал о том, что в конце 60-х гг. Александр Александрович «в интимном кружке избранных высказал однажды, что его родитель дал России такой длинный ряд либеральных реформ, что ему, цесаревичу, ничего не останется, как даровать конституцию, когда наступит время царствовать»<sup>306</sup>.

Письмо Мещерского к наследнику 1872 г., в котором Владимир Петрович напротив предостерегает от увлечения этой идеей, подтверждает, что вопрос о конституции действительно обсуждался. «Помните ли то время, – писал князь, – когда беседуя о России, мы мечтали о том, что Вам предстоит ознаменовать своё царствование чем-то вроде конституции! [...] Теперь, говоря как бы перед Богом одним, скажу вот что! Боже Вас сохрани начинать царствование Ваше каким-нибудь капитальным актом вроде конституции. Тогда Вы и всё пропадёт! Теперь что прошло с начала царствования государя 17 лет, видим ясно, что величайшая ошибка была сделана правительством тем, что оно начало с главных реформ, а не поставило их в средину своего

---

<sup>303</sup> Там же. С. 440 – 441.

<sup>304</sup> В своём роде (*лат.*).

<sup>305</sup> М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. III. СПб., 1912. С. 753. О «конституционализме» Валюева и Шувалова см.: Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма. С. 15 – 45, 67 – 118.

<sup>306</sup> Фирсов Н.Н. Указ. соч. С. 71.

царствования: начав с реформ, оно издержало на них всю свою энергию... в середине царствования явились уже сомнение, недоверие, усталость, словом, все те элементы, которые препятствуют коренным реформам прочно и благополучно развиваться: земству не доверяют, суды стесняют, печать преследуют». [...] Начало Вашего царствования, дай Бог, чтоб оно было только приготовлением к реформе конституционной, то есть водворением внутреннего порядка и твёрдости во всех реформах предыдущих»<sup>307</sup>.

С именем П.А. Валуева связана одна из первых практических государственных задач, в решении которой принял деятельное участие молодой наследник престола. Речь идёт о помощи пострадавшим от голода в ряде европейских губерний 1867 – 1868 гг., когда цесаревич возглавил соответствующую комиссию. «Не знаю, кому принадлежала счастливая мысль назначить председателем комиссии цесаревича, – вспоминал один из главных её участников Н.А. Качалов. – Имя его привлекло пожертвования, и он приобрел много практических сведений. Наследник был еще молод, подобными делами не занимался, и, для осторожности, ответственным председателем комиссии назначили генерал-адъютанта Николая Васильевича Зиновьева, а наследника почетным председателем. Первые заседания действительно вел Зиновьев, но скоро цесаревич вошел в дела и был настоящим председателем комиссии»<sup>308</sup>. По воспоминаниям В.П. Мещерского, внимание Александра Александровича к разразившемуся бедствию привлёк его адъютант П.А. Козлов, человек «с горячей кровью и воспламенённый ко всему доброму и хорошему»<sup>309</sup>. Одновременно и сам князь в начале 1868 г. развил большую активность по привлечению общественного внимания к проблеме и, в частности, к серьёзным упущениям Министерства внутренних дел. При этом деятельность окружения цесаревича воспринималась многими современниками как явный подкоп под правительственную власть в лице Валуева, приведший к его отставке. «Во главе враждебной ему партии, – писал А.А. Половцов, – скоро открыто стал наследник, назначенный председателем комиссии для пособия страждущим от голода. Комиссия стала вмешиваться почти во все существенные вопросы администрации, критиковать образ действий министерства»<sup>310</sup>. Сам П.А. Валуев, по-видимому, считал, что в немалой степени дело инспирировал и раздул Мещерский, «являющийся герольдом высочайшей воли и благотворительных намерений их императорских высочеств и который по этому случаю преда-

<sup>307</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 896. Л. 322 об. – 323 об. В начале 1877 г. в «верхах» получила распространение записка сенатора А.А. Половцова, предлагавшего, отнюдь не обращаясь к западным конституционным моделям, улучшить работу высших органов государственного управления. Среди прочего предполагалось обсуждать министерские доклады в Совете министров под председательством императора, предоставить Государственному совету законодательную инициативу и точнее разграничить функции между ним и правительством, приглашать к участию в заседаниях совета экспертов. Цесаревич, ознакомившись с запиской Половцова, многозначительно сказал ему: «Может быть когда-нибудь я что-нибудь и сделаю». (См. комментарий к дневнику Милютина: *Милютин Д.А. Дневник 1876 – 1878*. С. 536 – 538.)

<sup>308</sup> Качалов Н.А. Указ. соч. С. 394.

<sup>309</sup> Мещерский В.П. Мои воспоминания. С. 319.

<sup>310</sup> ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 7. Л. 29 об. – 30.

ётся упражнению в более чем сомнительной риторике, – молодой человек весьма ограниченных способностей и с весьма большим тщеславием»<sup>311</sup>. Другой современник, А.В. Головнин, писал, что созданная комиссия «поставила себя как бы следственной или ревизионною над действиями Министерства внутренних дел, призывала директоров [департаментов] Министерства внутренних дел, губернаторов, предводителей дворянства, городских голов, делала им допросы и громко порицала министра за непринятие своевременных мер к пособию голодающим, за большие упущения по народному продовольствию и за умышленное уменьшение в своих докладах и отчётах существующего бедствия. Должно впрочем сказать, что в этих обвинениях было много правды. Валуев, конечно, не соглашался с этим, чувствовал себя крайне оскорблённым действиями комиссии». Головнин полагал, что Валуеву «следовало прямо сказать государю, что положение комиссии несовместимо с порядком управления, роняет дисциплину и значение Министерства внутренних дел относительно губернаторов, земских учреждений и городских обществ»<sup>312</sup>. А.И. Дельви́г писал в воспоминаниях, что «это был первый опыт комиссии, в которой членами не были исключительно лица, взятые из бюрократии. Действия её были удачны, но, конечно, она не могла нравиться нашей бюрократии»<sup>313</sup>. Н.Н. Фирсов отмечал, что комиссия «работала, так сказать, против течения, идущего сверху, ибо высшей администрации удалось заразить недоверием к местным органам земского самоуправления высшие сферы, не исключая и монарха. Цесаревич, приступая к работам комиссии, в некоторой степени тоже имел предубеждение». Тем не менее, «августейший председатель весьма внимательно относился к мнениям и указаниям нас, земских людей, идущим иногда вразрез его соображениям; что комиссия пользовалась ими и применяла их с пользой»<sup>314</sup>. Позднее, осенью 1868 г., князь Мещерский писал наследнику, что одной из причин растущей в обществе популярности цесаревича является «доброе дело, Вами совершённое в пользу голодавших прошлого года; оно разом осветило и поставило высоко Вашу личность. С этим же связалось везде убеждение, что Вы будто сломали шею Валуеву, и за это многие говорят спасибо»<sup>315</sup>.

Особое рвение вел. кн. Александр Александрович проявил, когда понадобилось быстро и негласно получить из казны ссуду в 1 миллион рублей для массовой закупки хлеба в помощь го-

<sup>311</sup> Дневник Валуева. Т. 2. С. 238. Между прочим, публикация Мещерского «Воззвание о помощи» 22 января 1868 г. в «Русском инвалиде» накануне официального императорского рескрипта о привлечении наследника к помощи голодающим вызвала сильное раздражение Александра II. На оправдательное письмо цесаревича, писавшего отцу, что Мещерский «очень был огорчён, узнав, что ты был недоволен его статьёй», государь отвечал, что «ты сам более виноват, чем он, ибо он тебе прочёл статью, и ты мог бы сам понять её *неуместность* и *несвоевременность*». (ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 641. Л. 3.) Письма Мещерского к наследнику это времени свидетельствуют о большой активности князя, сожалевшего в то же время о неудовольствии императора, вызванное его статьёй. См.: Мещерский В.П. Письма. С. 401, 404 – 410.

<sup>312</sup> Головнин А.В. Записки для немногих. СПб., 2004. С. 442.

<sup>313</sup> Дельви́г А.И. Полвека русской жизни. С. 332.

<sup>314</sup> Фирсов Н.Н. Указ. соч. С. 69.

<sup>315</sup> Мещерский В.П. Письма. С. 614.

лодающим. Этот же эпизод хорошо демонстрирует особенности взаимоотношений цесаревича с отцом. Как вспоминал Качалов, после того, как в комиссии возникла мысль о необходимости ссуды, «я нашёл цесаревича в большой ажитации, и он начал с того, что настоящие выяснения комиссии произвели на него сильное впечатление, что он хочет просить у государя заимообразно миллион». Наследник остался твёрд в своём решении и после того, как Качалов заметил, что «большинство даже хороших людей найдут и не без основания, что цесаревичу не прилично заниматься торговыми делами и тем ронять свое достоинство», а в случае невозможности полного возврата ссуды в казну после продажи хлеба земствам, неминуемые толки «могут повлиять на государя и затормозить надолго практическую деятельность цесаревича»<sup>316</sup>. «Качалов обещал мне помочь в этом деле, насколько он может, Козлов, и говорить нечего, из кожи лезет для меня, а я взялся выхлопотать от папа этот миллион. И так мы разошлись в трепете, но с надеждой», – записал Александр Александрович в дневнике 14 февраля 1868 г.<sup>317</sup> На следующий день наследник «заялся составлением письма к папа, где я его убедительно просил не отказать мне в моей просьбе и выдать мне 1000000 р. в моё распоряжение. Я употребил всё моё красноречие и все выгоды этой операции. Кончив письмо, положил его вместе с пояснительной запиской, которая была очень хорошо составлена Козловым и Качаловым. Запечатав всё это, послал сейчас же к папа. У меня просто была лихорадка, так я боялся за участь моего послания и, признаться сказать, боялся ужасно, что папа не решится выдать такую большую сумму. Впрочем, я надеялся на Господа и был спокоен»<sup>318</sup>. Действительно, письмо к императору было написано очень эмоционально, вплоть до того, что цесаревич просил выдать ссуду «как лучший подарок для меня к моему рождению» (26 февраля. – В.А.)<sup>319</sup>. В итоге, получив обратно пакет с письмом, наследник писал, что «со страхом взялся за него и не помню сам, как распечатал его, но какова была моя радость, увидев на моём письме надпись папа: *«Спасибо тебе, что ты дело это принимаешь к сердцу. 1/мил. р. будет тебе отпущен на днях»*. Я просто обмер от радости. Мне пришли сказать, что папа у Минни, я побежал туда и обнял папа, что было сил, благодаря от всего сердца за этот подарок. Папа меня ещё раз поблагодарил за мою готовность, но что это такое, когда я исполняю свою обязанность, и мой долг – делать, что могу, для милого отечества»<sup>320</sup>. Три дня спустя великий князь писал государю, что «за успех моего дела я ручаюсь, и если будут какие-нибудь толки против этого, то я надеюсь, милый па, что ты достаточно надеешься на меня, если я раз взялся за это дело, то доведу его до конца»<sup>321</sup>.

---

<sup>316</sup> Качалов Н.А. Указ. соч. С. 401.

<sup>317</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 301. С. 243.

<sup>318</sup> Там же. С. 243.

<sup>319</sup> Там же. Д. 641. Л. 5 – 6.

<sup>320</sup> Там же. Д. 301. С. 244.

<sup>321</sup> Там же. Д. 641. Л. 8.

Явные опасения наследника, что со стороны Александра II так или иначе проявится недоверие к работе комиссии, были небезосновательны. Сменивший Валуева генерал А.Е. Тимашев «при докладе государю доложил о предположении цесаревича представить к крупным наградам членов комиссии, причем дополнил, что устройство комиссии был крупный факт недоверия к Министерству внутренних дел и ежели будут утверждены такие награды, то подтвердится, что недоверие к министерству было справедливо». Переданное императором в Комитет министров представление наследника престола грозило быть похороненным, после чего при встрече с Качаловым Н.В. Зиновьев заметил, что «его убивает отношение государя к цесаревичу, который взрослый и даже женатый человек, а между тем не имеет никакой самостоятельности, что глубоко оскорбляет молодого человека, жаждущего дела. На основании этого Николай Васильевич испросил у государя аудиенцию, на которой с полной откровенностью выскажет все, что накопилось на душе». Императору Зиновьев откровенно «объяснил тяжёлое положение цесаревича, который, быв первым помощником своего отца и государя, не имеет десятой доли доверия и самостоятельности, предоставленной каждому министру и, как разительный пример, представил, что мелкие чиновники канцелярии комиссии по представлению министров награждены, а действительные деятели, члены комиссии, по представлению цесаревича, оставлены без награды. На эту тему Николай Васильевич высказался с полной откровенностью. Объяснение это произвело на государя сильное впечатление, его поразило действительно тяжёлое положение цесаревича, и государь объяснил, что у него не было мысли оскорбить наследника недоверием, но он стеснялся утверждать его представления, как сына и молодого еще человека, и желал пропустить их установленным порядком, чтобы не упрекали его к потворству сыну». В конечно счёте, император согласился непосредственно утвердить представление членов комиссии к наградам<sup>322</sup>.

Во время работы комиссии наследник по обыкновению отрицательно высказывался о «протившейшем» Валуеве с его «дурацким голосом», не доверяя заверениям министра о том, что «он уже деятельно занялся всеми мерами для вспоможения нуждающихся от голода»<sup>323</sup>. Уход Валуева и замену его Тимашевым цесаревич поначалу воспринял с воодушевлением: «Не знаю насколько, но почти наверное, это большое счастье для правительства, что Краснопевцев выходит вон. Дай только Бог, чтобы Тимашев хорошенько взялся бы за дело и повёл его иначе, чем Пётр Александрович»<sup>324</sup>. Между тем, Мещерский, узнав об отставке Валуева писал наследнику, что «тотчас подумал о Вас, что Вы на это скажете: не из огня ли да в полымя. Вы не любили Валуева, за иное несправедливо, за другое вправду; но теперь назначение крепостника Тимаше-

<sup>322</sup> Качалов Н.А. Указ. соч. С. 406 – 408.

<sup>323</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 301. С. 245, 252 – 253.

<sup>324</sup> Там же. С. 261.

ва, умнейшего человека, но ничего не знающего о России и её последних событиях внутренних, какое впечатление оно на Вас производит? Не есть ли это признак, что всемогущество Шувалова достигло апогея»<sup>325</sup>. В тот раз Александр Александрович ничего не ответил своему корреспонденту, однако по его дневнику хорошо прослеживается, что он очень быстро разочаровался в своих надеждах на нового министра, и имя Тимашева «автоматически» заняло своё место в связке с Шуваловым («господа Тимашевы и Шуваловы»<sup>326</sup>). Уже осенью-зимой 1868 г. цесаревич резко отреагировал на учреждение единой правительственной газеты «Правительственный вестник» и низведение органа Военного министерства «Русский инвалид» до уровня чисто ведомственного издания «Отправился в Комитет министров, где рассматривался вопрос о «Правительственном вестнике». Говорили много и толково, кроме Шувалова и Тимашева, которым систематически доказывали невозможность существования такой газеты и всю глупость и гнусность их подлой интриги против Милютина и прочих министров»<sup>327</sup>, – записал наследник в дневнике 12 ноября. Месяц спустя, описывая новые споры вокруг «Русского инвалида» в «гнусном» Комитете министров, он отмечал, что «долго об этом спорили, и Шувалов с Тимашевым ни за что не сдавались и говорили такую чушь, в особенности Шувалов, что просто досадно было сидеть и слушать»<sup>328</sup>. Таким образом, великий князь решительно стал на сторону тех, кто расценивал политику в отношении печати как замаскированную атаку против Военного министерства и лично Д.А. Милютина. Вероятно, отклик Александра Александровича был сам по себе обусловлен его неприятием любых действий Шувалова и его сторонников, тем не менее, достаточно жёсткая позиция «Русского инвалида» в польском и остзейском вопросах могла бы найти одобрение у цесаревича (хотя газета и не разделяла мнение более близкой ему славянофильской «Москвы»)<sup>329</sup>. Ко всему прочему, вступив в должность министра, Тимашев не только стал противодействовать неудобной ему комиссии цесаревича, но и постарался вовсе поскорее избавиться от неё. «Тимашев представил государю, – вспоминал А.И. Дельвиг, – что учреждённая под председательством наследника комиссия занимается предметом, составляющим непосредственное занятие Министерства внутренних дел, и уговорил государя закрыть комиссию. Н.В. Зиновьев, узнав об этом, убедил государя, что подобное внезапное закрытие комиссии невозможно по причине только что развившихся его распоряжений и было бы не-

---

<sup>325</sup> Мещерский В.П. Письма. С. 434. Д.А. Милютин вспоминал, что назначение Тимашева, который высказывал «себя в эпоху освобождения крестьян открытым противником этой великой государственной меры» и хулившего «все либеральные реформы императора Александра II», «было новым заметным шагом на пути реакции и новым торжеством для шуваловской партии». (Милютин Д.А. Воспоминания. 1868 – 1873. С. 36.)

<sup>326</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 302. С. 250.

<sup>327</sup> Там же. С. 134.

<sup>328</sup> Там же. С. 169.

<sup>329</sup> Подробнее о «походе» против «Русского инвалида» см.: Милютин Д.А. Воспоминания. 1868 – 1873. С. 94 – 101; Чернуха В.Г. Правительственная политика в отношении печати. 60 – 70-е гг. XIX в. Л., 1989. С. 93 – 97.

удобно в виду того, что она состоит под председательством наследника»<sup>330</sup>. «Вот что случилось на днях, – записал Александр Александрович в дневнике 1 апреля 1868 г.: папа объявил мне, что он желает, чтобы мы прекратили наши заседания в комиссии, и дал срок до 15-го апреля, но прибавил, что если можем кончить раньше, тем лучше. Н.В. (Зиновьеву. – В.А.) я это написал, и он был очень удивлён и огорчён, как и я. Сегодня он был у Папа и старался сколько мог отстоять, чтобы нашу комиссию не прекращать, в особенности когда мы только что приступили к продаже хлеба и начали много дел, которые окончены быть не могут так скоро. Слава Богу, всё шло так, и я могу смело сказать, что комиссия наша работала не даром, и благодаря её много было сделано добра и много было открыто не совсем хороших действий правительства, что в особенности не нравится государственным деятелям. Я почти уверен, что в закрытии комиссии в особенности хлопотал Тимашев»<sup>331</sup>.

Первая половина 1868 г. вообще оказалась наполнена событиями, оказавшими значительное влияние на приобщение вел. кн. Александра Александровича к государственным делам. «Эта весна, – писал Мещерский 20 июня 1868 г. наследнику в своём «журнале-вопроснике», специально составленном, чтобы подвести некоторые итоги деятельности цесаревича, – хотя и изобиловала для Вас разочарованиями во время Вашего первого самостоятельного выступления на политической сцене, вместе с тем преподала Вам много уроков и богатый практический опыт, который, если рассматривать его в связи с Вашим личным положением, позволил Вам сделать некоторые положительные выводы»<sup>332</sup>. Помимо комиссии помощи голодающим наследник возглавил Особое совещание о продаже в частные руки Николаевской железной дороги, а также комиссию по пересмотру таможенного тарифа. В обоих случаях, начиная ещё с конца 1867 г., Александр Александрович резко выступил против инициатив министра финансов М.Х. Рейтерна. К последнему цесаревич питал сильную личную неприязнь. «Говорили по поводу статьи в газете «Москва» и действиях тарифной комиссии, которая, собственно говоря, я уверен, приведёт к пустякам, – записал наследник в дневнике 24 ноября 1867 г. после доклада министра финансов у императора, во время которого обсуждалась статья И.С. Аксакова в защиту протекционизма против фритредерских принципов, разделяемых Министерством финансов. – Статья правда написана зло и в насмешливом тоне, но я полагаю в ней много правды. Папа спросил между прочим у Рейтерна, как он думает, кто написал эту статью. Болван отвечал, что Бабст, и что он пишет постоянно такие статьи, оттого, что Рейтерн ему не дал того места, которого он просил, и с тех пор он злится на Министерство финансов. Услышав такой отзыв о человеке, которого я знаю лично и которого я уважаю как лучшего профессора финансов, и которо-

<sup>330</sup> Дельвиц А.И. Полвека русской жизни. С. 331.

<sup>331</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 301. С. 293 – 294.

<sup>332</sup> Oxford Slavonic Papers. 1964. P. 108.

го мой покойный брат любил и уважал, я до того был взбешён, что чуть-чуть не наговорил дерзостей этой скотине Рейтерну, и удержался только потому, что это было в присутствии папа. Редко ещё я чувствовал такое оскорбление и такую злобу»<sup>333</sup>. Несмотря на пренебрежительное отношение, изначально высказанное к тарифной комиссии, будучи назначенным 9 марта 1868 г. присутствовать в ней<sup>334</sup>, наследнику вместе со своим бывшим преподавателем финансов И.К. Бабстом удалось отстоять повышение ввозных пошлин на продукцию текстильного производства. При этом посредническую роль играл князь В.П. Мещерский, а значительное влияние оказывали, кроме того, московские представители «русской партии», эксперты из купцов и предпринимателей<sup>335</sup>. Ещё до назначения Александра Александровича в комиссию летом 1867 г. Мещерский писал ему, что «в указе министра финансов, известившем о пересмотре тарифа, сказано, что главная забота его будет охранение нужд народной промышленности и внутренней торговли, а между тем в соображениях и материалах к пересмотру тарифа, изданных после указа, многие главные начала прямо идут вразрез с интересами нашей промышленности. В них видно стремление во что бы то ни стало противоречить и противодействовать знаменитому мнению московской депутации купечества, состоявшемуся несколько лет назад, когда возбуждена была безобразная мысль ввести Россию в общегерманский таможенный союз на правах свободной торговли»<sup>336</sup>.

Бабст, в доверительных письмах и записках к цесаревичу, также твёрдо отстаивал протекционистский принцип. «Сведения со всех концов России, – отмечал он в частности 22 марта, – стекающиеся в комиссию для пособия страждущим от голода и неурожая, состоящую под августейшим председательством Вашим, доказывают убедительнее всего, что ежели в некоторых местах ощущается действительный недостаток в хлебных запасах, то в значительной части страдающих губерний нужда происходит от невозможности приобрести средства к существованию, невозможности, происходящей от уменьшения заработков. Понижение же пошлин и при том в тех размерах, как это предполагается относительно многих предметов народной промышленности, может повести за собой закрытие многих уже существующих фабрик и заводов и сжатие многочисленных крестьянских промыслов. Всё это имели в виду депутаты от промышленного сословия, призванные в тарифную комиссию и высказавшиеся решительно и единодушно против размеров понижения в отношении ко многим важнейшим отраслям мануфактурного производства»<sup>337</sup>. Снабжал он Александра Александровича и советами, как вести себя на заседаниях комиссии. «Скажу Вам, – писал Иван Кондратьевич великому князю, – что в Вас

<sup>333</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 301. С. 145.

<sup>334</sup> Послужной список. С. 553.

<sup>335</sup> Дронов И.Е. Консервативный проект для России. С. 33.

<sup>336</sup> Мещерский В.П. Письма. С. 367.

<sup>337</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 499. Л. 1 об.

есть практическая жилка, позволю себе так выразиться, которая не меня одного восхищала не раз, но которую лично видели многие из членов комиссии, в которой Вы председательствуете (имеется в виду комиссия помощи голодающим. – В.А.). Но, Ваше Высочество, Вы ещё очень молоды и не имели ещё случая глубоко приглядываться к делу и приложить к нему это драгоценное качество, столь необходимое для всякого государственного деятеля. [...] По Вашему высокому положению и по молодости Вашей Вам нельзя резко и настойчиво высказываться в пользу той или другой стороны, но зато одним Вашим присутствием Вы можете внести в комитет благотворный дух беспристрастия»<sup>338</sup>.

Судя по всему, последней рекомендации своего преподавателя наследник не внял и от «духа беспристрастия» в комиссии было далеко. «Отправился в тарифную комиссию, – писал цесаревич в дневнике 5 апреля, – где снова много бесился, потому что возмутительно, как все члены во что бы то ни стало желают решить всё по-своему и кое-как. Были эксперты, и очень дельные, но их мнение и не думали принимать. Дядя Костя, хотя вовсе не член, но глагольствовал всего больше»<sup>339</sup>. Императрице Александр Александрович рассказывал, «как, по моему убеждению, все члены дурно понимают дело или, лучше сказать, не хотят понять и нарочно делают всё, что могут, чтобы повернуть это важное дело на свой лад, конечно, в ущерб и таможенного дохода и в ущерб нашей промышленности и мануфактуры»<sup>340</sup>. Председателя комиссии генерала К.В. Чевкина великий князь также просил «упорнее стоять за мнение экспертов и помогать мне, сколько может»<sup>341</sup>. Об активности цесаревича свидетельствует, например, и такая запись в дневнике об одном из заседаний: «Сегодня толковали о шёлке, и мне удалось провести довольно удачно пошлину, которую предлагали купцы единогласно и на которой я сильно настаивал»<sup>342</sup>. Между прочим, в 1874 г., в разговоре с сенатором А.А. Половцовым одоблив мысль приглашать местных депутатов для обсуждения законодательных проектов, наследник прибавил: «Как полезны были советы купцов в тарифной комиссии, попридержали наших free-trader'ов»<sup>343</sup>. Таким образом, великий князь приобретал первый опыт практической государственной деятельности. Летом 1868 г. Мещерский упрекал цесаревича в том, что он «недостаточно овладевает вопросом во всех его аспектах, чтобы открыто и решительно брать на себя инициативу в решение столь сложной проблемы, как те же железнодорожные тарифы». Александр Александрович же, видимо совершенно искренно, писал в ответ, что «это не совершенно спра-

---

<sup>338</sup> Там же. Л. 2 об. – 3.

<sup>339</sup> Там же. Д. 301. С. 298. Интересно замечание одного из экспертов, барона А.И. Дельвига, сделанное им в воспоминаниях о работе комиссии: «Великий князь Константин Николаевич сидел в стороне, как не участвовавший в комиссии. Когда я говорил в пользу пошлины на машины, он, а равно и Рейтерн, показывали явное неудовольствие, лицо же наследника выражало одобрение». (Дельвиг А.И. Мои воспоминания. Т. IV. С. 46.)

<sup>340</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 301. С. 299.

<sup>341</sup> Там же. С. 302.

<sup>342</sup> Там же. С. 306.

<sup>343</sup> Там же. Ф. 583. Оп. 1. Д. 9. Л. 30 об. – 31.

ведливо, потому что, главное, мне трудно решиться говорить в большом собрании. Тарифный вопрос мне достаточно был известен»<sup>344</sup>.

Точно такую же негативную реакцию цесаревича вызвала продажа Николаевской железной дороги Главному обществу российских железных дорог, учреждённому в значительной мере на иностранные деньги и состоявшему из представителей влиятельных аристократических и финансовых кругов. Идя на этот шаг, Министерство финансов стремилось покрыть многомиллионные долги общества, открыто признав его полную несостоятельность, и, тем самым, отвергнуть выгодные предложения об аренде дороги, в том числе и со стороны московского купечества<sup>345</sup>. Эта мера вызвала непонимание многих правительственных лиц, сожалевших о том, «что такая важная государственная линия сообщения между обеими столицами, устроенная так капитально, даже роскошно, дающая притом значительный чистый доход, – перейдёт из рук правительства в собственность частной компании, – пожалуй, даже иностранной»<sup>346</sup>. События вокруг Николаевской железной дороги разворачивались одновременно с работой тарифной комиссии, таким образом, неприязнь наследника к Рейтерну и его сторонникам только усиливалась. «Известно, что Министерство финансов во что бы то ни стало желает и почти что решило передать Николаевскую железную дорогу Главному обществу, – писал Александр Александрович в дневнике 21 декабря 1867 г. – Говорят многие, и это почти наверное, что всё Министерство финансов подкуплено английским банкиром, чтобы настоять на продаже Главному обществу. Поэтому почти все были против министра финансов и говорили в пользу русского общества купцов, фабрикантов, и большею частью все капиталисты. Это дело грязное со стороны Рейтерна, его компании и министерства; конечно, дядя Костя с ним заодно, так как Рейтерн – его креатура. Посмотрим, что будет ещё, но на этот раз к счастью не решили это дело. Я постараюсь что-нибудь сделать в пользу русского общества, и если Бог поможет, то это будет большой шаг к лучшему»<sup>347</sup>. В тот же день наследник писал отцу: «Я позволяю себе прислать к тебе, милый па, эту бумагу, которую я получил от учредителей частного общества в России. В этой бумаге есть имена тех лиц, которые присоединились к учредителям этого общества, и большею частью все капиталисты, которые надеются очень, что Николаевская дорога не перейдёт в руки иностранным капиталистам. Я не берусь объяснять выгоды их предложений, но это совершенно

<sup>344</sup> Oxford Slavonic Papers. 1964. P. 108.

<sup>345</sup> Соловьёва А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975. Указ. соч. С. 74 — 75, 108.

<sup>346</sup> Милютин Д.А. Воспоминания. 1865 — 1867. С. 431 – 432.

<sup>347</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 301. С. 175. «Министр финансов оправдывал уступку Николаевской дороги главному обществу железных дорог необходимостью остаться в хороших отношениях с богатыми банкирами, имеющими много акций этого общества», – писал барон Дельвиг. (Дельвиг А.И. Полвека русской жизни. С. 316.) А В.П. Мещерский в письме к наследнику от 3 декабря 1867 г. утверждал, что и в работе тарифной комиссии дело не обошлось без закулисных заграничных влияний: «Несомненно, что один из самых деятельных тайных агентов в этой комиссии, подбивающий членов действовать в ущерб промышленным интересам русским, есть подлый, но умный Митчел, генеральный консул Англии». (Мещерский В.П. Письма. С. 395.)

русское общество и составленное из самых больших капиталистов наших. Поэтому я решился передать тебе, милый Па, эту записку, так как это чисто русское дело, и которое меня очень интересует и должно интересовать, потому что может иметь свои выгоды для отечества»<sup>348</sup>. Несколько отвлекшись, по-видимому, от железнодорожного вопроса заботами о помощи голодающим, наследник возвращается к этому вопросу в настойчивом письме к императору 26 февраля 1868 г., получив новую записку от московского товарищества по приобретению Николаевской железной дороги. «Эта записка, – писал цесаревич, – отлично составлена, и если позволишь, милый па, выразить моё мнение, мне кажется, что в этом деле нужно бы было дать им преимущество перед другими обществами. Конечно, никто так не будет хлопотать о выгоде нашей торговли, как наши русские купцы, а какое-нибудь Главное общество – какое ему дело о нуждах наших торговых интересов. Что ни говори, а Главное общество – не русское общество, и главные их капиталисты – иностранцы, и живут за границей. Ты увидишь, милый па, из этой записки, что не было исполнено решение Совета министров о том, чтобы допустить к переговорам о покупке Николаевской дороги не одно Главное общество, а и прочих предлагателей. В этом деле Министерство финансов, мне кажется, слишком пристрастно к продаже Николаевской дороги Главному обществу. Прости, милый Па, что я позволяю себе выражать мои мысли, но к кому же как не к тебе обращаться мне с моими мыслями. Я был бы счастлив, если это уладилось в пользу московского общества, которое, я уверен, оправдает совершенно то доверие, которое ты им окажешь». «Милый па, – прибавлял Александр Александрович в заключение, – пожалуйста, подумай хорошенько, что можно будет сделать в пользу московского общества, которое ждёт свой приговор с трепетом. Прости мне ещё раз, милый па, за мои суждения и сделай что можно для этого важного дела»<sup>349</sup>.

На следующий день у цесаревича обедали военный министр, министры путей сообщения и государственных имуществ П.П. Мельников и А.А. Зелёный и А.Л. Потапов, после чего собравшиеся «разговаривали и спорили против продажи Николаевской дороги Главному обществу. К счастью, большею частью все министры против этого, но я боюсь очень, что всё-таки продадут Главному обществу, что будет очень грустно и непростительно»<sup>350</sup>. Месяц спустя наследник принимал «депутатов московского общества, которые желают купить Николаевскую

<sup>348</sup> ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 729. Л. 159.

<sup>349</sup> Там же. Ф. 677. Оп. 1. Д. 641. Л. 9 – 10. В конце записки, полученной наследником, после фактического финансового обоснования как раз и содержались следующие, по сути повторенные им в письме к отцу, патетические строки: «Наша промышленность вообще слаба, капиталов у нас мало, и те, которые имеются, действуют каждый особняком. Для развития и укрепления первой и для образования последних необходимо дружное действие соединёнными силами фабрикантов, заводчиков, торговцев и капиталистов. В первый раз они соединились в Москве на значительное дело. Неужель правительство не окажет им в этом случае безубыточного для него пособия? [...] Неужель составившееся товарищество русских капиталистов должно разрушиться и унести горькую мысль, что ему предпочтено общество полурусское, полуиностранное, не исполнившее принятых им на себя обязательств и вследствие того много задолжавшее правительству». (Там же. Д. 614. Л. 11 об. – 12.)

<sup>350</sup> Там же. Д. 301. С. 258.

дорогу. Качалов, который тоже присоединился к ним, представлял мне всех депутатов; большею частью всё мануфактуристы и капиталисты. Я им обещал хлопотать, сколько могу, за их дело и сказал им, что принимаю живейшее участие в том, чтобы Николаевская дорога была продана им, а не Главному обществу»<sup>351</sup>. Заседание Совета министров 8 июня 1868 г., окончательно решившее продажу дороги, описано Александром Александровичем более чем выразительно. К началу заседания наследник «уже предчувствовал что-то недоброе, потому что заметил дядю Костю очень в духе и совершенно спокойным. Были выслушаны обе стороны, и, по моему, московское общество представляло такие выгоды против Главного, что казалось и спорить нечего. Все министры единогласно стояли за московское купечество, кроме Рейтерна и компании. Кроме того, почти все согласны были скорее оставить Николаевскую дорогу в казне, но и этого не принимала противная сторона. Я был совершенно в лихорадке и видел ясно, чем кончится вся эта история. Когда всё было выслушано и все кончили свои замечания, государь объявил, что, выслушав все мнения и суждения по этому вопросу, решительно признаёт, что самые выгодные условия представляет Главное общество, и поэтому присоединяется к мнению 6 членов и приказал привести это в исполнение. Итак, кончилась эта несчастная комедия, и по моему мнению это самый грустный конец дела, потому что ясно видно, что это дело давно было уже предрешено, и всё, что говорилось и делалось, было ни что иное как грустная комедия. Я вернулся домой совершенно разбитый и расстроенный морально, потому что это дело гнусное и гадкое»<sup>352</sup>. Между тем, за всё время, предшествующее этому решению, никакие иные попытки наследника отстоять свою точку зрения перед императором, кроме цитировавших выше писем, и реакция на это Александра II в источниках отражение не получили. Примечателен, однако, разговор, состоявшийся у цесаревича с отцом через несколько дней после заседания Совета министров, глухо свидетельствующий, что подобные попытки могли иметь место. «Говорили с папа об уступке Николаевской дороги Главному обществу, – писал Александр Александрович в дневнике, – и по этому поводу напали на разговор о том, что теперь есть люди, которые хотят нас рассорить с папа, и я ответил на это, что если бы и слышал, но не обратил бы внимания на эту глупость, и я совершенно уверен, что никто и не посмеет мне что-нибудь заговорить об этом. Папа мне ответил на это, что и он с своей стороны не обращает и никогда не будет обращать внимания на подобные вещи, потому что он слишком уверен во мне и хорошо меня знает, и прибавил слова, которые во всю жизнь останутся мне памяты, а именно: *«Я скорее усумнюсь в самом себе, чем в тебе»*. Вряд ли какой-нибудь отец говорил своему сыну подобные слова, а

---

<sup>351</sup> Там же. С. 287 – 288.

<sup>352</sup> Там же. С. 367 – 368.

тем более государь своему наследнику. Да, эти слова никогда, никогда не выйдут у меня из памяти»<sup>353</sup>.

Однако некоторое время спустя «железнодорожный вопрос» вновь стал камнем преткновения в отношениях императора и цесаревича. Наследник, впервые оставшийся управлять империей во время отъезда отца за границу и теснее соприкоснувшийся с государственными делами<sup>354</sup>, выступил против выдачи Министерством финансов концессии на строительство Харьково-Кременчугской железной дороги и потребовал пересмотреть это дело, уже утверждённое Александром II, в Комитете министров. «Дело в том, что из всех предложений товарищ министра финансов настаивал на предложении Абазы и Унгерна, хотя многие другие предложения были гораздо выгоднее, и когда ему это заметили все прочие министры и товарищи министров, то Грейг отвечал на это, что тебе было уже об этом известно, и как будто ты согласился на предложение Абазы и Унгерна. Всякий раз, что члены делали замечания о предложении Абазы, Грейг ссылаясь на высочайшее повеление, так что все члены были в недоумении, что делать и как решить вопрос», – писал Александр Александрович отцу 2 августа 1868 г. «Прости меня, милый папа, – прибавлял в том же письме наследник, – что я решился тебе высказать всю правду, но кому же, как не мне тебе её говорить. Это мой долг, и в этом пока состоит моя служба тебе и отечеству, и если только ты мне позволишь раз навсегда писать и говорить тебе истинную правду постоянно, то я буду счастлив как никогда. К несчастью, в последнее время в Министерстве финансов были неоднократно подобные сделки по поводу железных дорог, и это я могу положительно сказать»<sup>355</sup>. Недоумение и подозрения цесаревича были небезосновательны, как вспоминал барон Дельвиг, «я заподозрил Абазу в том, что он предпочитает направление на Кременчуг из желания угодить великой княгине Елене Павловне, двора которой он был гофмейстером и её любимцем. Большое имение великой княгини находилось вблизи означенного направления»<sup>356</sup>. А граф С.Ю. Витте утверждал в воспоминаниях, что барон Унгерн-Штернберг был «в очень близких отношениях с императором Александром II», поэтому-то и мог претендовать на железнодорожные концессии<sup>357</sup>.

Ответ государя был достаточно жёстким, заодно он возвращался и к событиям вокруг продажи Николаевской дороги: «Наклёпы, которые до тебя доходят на счёт каких-то сделок в Ми-

---

<sup>353</sup> Там же. С. 373 – 374.

<sup>354</sup> «Тебе вероятно известно, – писал Александр Александрович вел. кн. Михаилу Николаевичу 22 августа 1868 г., – что мне поручено в отсутствие папа заниматься всеми текущими делами, чему я очень рад, потому что даёт занятие, а кроме того набиваешь себе практику обращаться с бумагами и видишь, сколько глупостей приходится читать бедному папа, и отымает только лишнее время. Право, иногда смешно становится, какую мелочь приносят государю, и всё это требует его разрешения. Невольно спрашиваешь себя, как можно было дойти до этого и отчего это произошло? Те дела, которых решение я не хочу брать на свою ответственность, я посылаю к государю за границу». (Там же. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2743а. Л. 35 – 35 об.)

<sup>355</sup> Там же. Ф. 678. Оп. 1. Д. 729. Л. 173 – 174.

<sup>356</sup> Дельвиг А.И. Полвека русской жизни. С. 252 – 253.

<sup>357</sup> Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1: Рассказы в стенографической записи. Кн. 1. СПб., 2003. С. 84 – 85.

нистерстве финансов, суть сущий вздор и клевета, и изобретаются теми, которые наподобие *Кокорева* и подобных ему *бывших откупщиков* не достигают осуществления их проектов, в которых под личиною *мнимого патриотизма*, они стараются запутать правительство, как им это не удалось при продаже Николаевской железной дороги. Что они стараются доводить до тебя свои жалобы и неудовольствие в надежде сделать из тебя их ходатая передо мною, меня не удивляет, ибо они знают твоё тёплое сердце и желание стоять за правое и полезное дело, но при твоей неопытности в делах и малом знании людей и тех скрытых пружин, которые большею частью заставляют действовать на этом свете, тебе должно быть вдвойне осторожным, *не относительно меня*, перед которым обязанность твоя говорить вещи, *как ты их понимаешь*, даже когда ты и ошибаешься, но относительно *тебя окружающих*, и в особенности, *тогда когда тебе уже известно, что дело мною решено*, может быть, и вопреки твоего собственного мнения. Так и я действовал при Ан-Папа. Он также никогда не гневался на меня, как я на тебя, за открытое изложение моего мнения, но я вправе надеяться на тебя в поддержке тех дел, которые раз решены. Поэтому новое рассмотрение в Комитете министров уже мною решённого дела Харьково-Кременчугской железной дороги *я не под каким видом допустить не могу*. Аминь»<sup>358</sup>. Получив такую отповедь, Александр Александрович пообещал было, что «так как это дело уже окончательно решено тобою, милый па, то я больше ничего об этом писать не буду и не смею», однако месяц спустя снова безуспешно (во всяком случае, никакой реакции Александра II не обнаружено) попытался настоять на своём и «надоесть» отцу «о железной дороге». «Я видел некоторых министров, и они все возмущены этим делом, до того оно гадко и грязно со стороны Министерства финансов, – писал наследник, – и жаль будет, если правительство до того будет компрометировано и потеряет вовсе доверие в публике, а это может очень легко случиться, если это дело будет решено в пользу Министерства финансов. Я больше ничего не буду писать и говорить об этом, но умоляю тебя, милый па, не соглашайся с мнением Грейга, это будет очень грустно и в особенности своими последствиями. Я боюсь, что ты и в этом деле подумаешь, что я под влиянием кого-нибудь пишу тебе об этом; но даю слово, что я поступаю честно и не смею иначе поступать. Мне было очень, очень грустно, что моё письмо о первом журнале не помогло переменить твоего убеждения, но в этот раз я просто буду в отчаянии, до того эта мерзость со стороны Министерства финансов нагла и бессовестна. Прости мне, милый па, за эти слова, брани меня, но я останусь при своём убеждении и ещё раз повторю, что в этом министерстве делаются дела нечистые. Я не сочиняю и не позволил бы себе говорить об этом так смело, если бы не было всё это так видно и гадко»<sup>359</sup>.

<sup>358</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 669. Л. 98 об. – 99.

<sup>359</sup> Там же. Ф. 678. Оп. 1. Д. 729. Л. 175 – 175 об., 183 об. – 184.

«Журнал-вопросник» Мещерского позволяет несколько расширить представление о тех трудностях, с которыми столкнулся наследник во время своего первого «политического выступления». «Да, эта весна во многом подвинула меня вперёд, – писал вел. кн. Александр Александрович 25 июня 1868 г., – и я благодарен Господу за все неудачи, которые я претерпел»<sup>360</sup>. Три дня спустя, заканчивая очередную книгу своего дневника, цесаревич отмечал, что «в прошедшую зиму Господь сподобил меня приступить к деятельной и полезной жизни. Могу сказать спокойно, что я не потерял напрасно этот год и много подвинулся вперёд»<sup>361</sup>. «Вы имели случай убедиться, – писал, однако, Мещерский, – что Ваше участие в том или ином политическом вопросе не всегда может иметь успех. Одних это объединит, ободрит и вообще побудит ко всему хорошему и полезному. Других это, напротив, толкнёт на ещё более сильное неприятие и противодействие Вашему лагерю». «Совершенно справедливо, – отвечал наследник, – к несчастью и в этом я вполне убедился». Важная проблема, вслед за тем поднимаемая Мещерским в «вопроснике», – отношения цесаревича с вел. кн. Константином Николаевичем, выступившим горячим сторонником министра финансов Рейтерна и вызвавшим тем самым сильное раздражение наследника. «Отношение Константина Николаевича к Вам в политическом аспекте сделалось настолько ясным, – писал князь, – что Ваш отказ от какого бы то ни было непосредственного участия в обсуждении тех вопросов, в которых можно было бы опасаться его противодействия, был совершенно неизбежен и правилен. Поэтому этот печальный опыт показал, что в будущем Вам надо всякий раз ожидать столкновения между его и Вашими взглядами во всяком, хотя бы и незначительном, государственном вопросе». «Да, это большая помеха в моих действиях, – отзывался Александр Александрович, – потому что я уверен, мы постоянно будем расходиться с Константином Николаевичем в вопросах. Главное, что меня пугает, это то, что государь имеет большое доверие к Константину Николаевичу, и это очень грустно»<sup>362</sup>. Ещё раньше, в самый разгар борьбы за Николаевскую железную дорогу и тарифы, в марте 1868 г. цесаревич писал вел. кн. Михаилу Николаевичу: «Я, благодаря Бога, до сих пор был всегда в хороших отношениях с дядями и надеюсь, что так и останется, потому что до сих пор не было никакого повода ссориться с ними, хотя мы во многом расходимся с дядей Костей, но я избегаю споров с ним, потому что ты знаешь лучше меня, как он иногда нетерпелив и не любит возражений. Я считаю себя не вправе спорить о тех вещах, которые собственно до меня не касаются, а я знаю, что это не так»<sup>363</sup>. А.А. Киреев позднее, в октябре 1869 г., отмечал в дневнике, что «наследник думает, что Константин Николаевич имеет влияние на государя. Вот ошибается-то!»<sup>364</sup> Тем не

<sup>360</sup> Oxford Slavonic Papers. 1964. P. 108.

<sup>361</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 301. С. 392.

<sup>362</sup> Oxford Slavonic Papers. 1964. P. 108.

<sup>363</sup> ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2743а. Л. 26 об.

<sup>364</sup> ОР РГБ. Ф. 126. Д. 6. Л. 6 об.

менее, по-видимому не стоит преувеличивать степень политических разногласий цесаревича с дядей в тот период. До отставки графа П.А. Шувалова, о чём ещё будет сказано подробнее, Александра Александровича и Константина Николаевича объединяла крайне враждебное отношение к «аристократической партии», сходились они и в других частных вопросах, как например, в уже освящавшемся вопросе о строительстве железных дорог в Закавказье. Личные взаимоотношения дяди и племянника в конце 60-х гг., судя по всему, были вполне дружественными и благожелательными. В дневнике и письмах цесаревич отзывается о нём скорее с добродушной иронией, чем с уничижительным презрением и даже ненавистью, появившимися позднее.

Например, в марте 1866 г. Александр Александрович писал в дневнике после разговора с Мещерским, который «успел поругать Константина Николаевича за его манеры и презрение к людям», что на великого князя дурно влияет его жена, сам же он «человек добрый и очень приятный в обществе и в разговоре. Много падает на его воспитателя Литке, который с ним обращался грубо и строго»<sup>365</sup>. Из Дании он с юмором писал вел. кн. Владимиру Александровичу о том, что «дядя Костя укатил на третий день своего приезда сюда в Штутгарт к тёте Оле и оттуда в Париж, где он воображает, что будет инкогнито. Я уверен, что он там накуролесит»<sup>366</sup>. Вместе с племянником Константин Николаевич участвовал в домашних развлечениях, например, в конце 1869 г. они устраивали весёлые кутежи с цыганами<sup>367</sup>.

В том же «журнале-вопросник» Мещерский обращается и к другой важной теме. «Вы недостаточно упорны в том, – писал он, – чтобы установить с государем те отношения, от которых будет зависеть вся Ваша будущая деятельность. Вы не пытаетесь в полной мере побороть чувство, однажды укоренившееся в Вас, и, по правде говоря, не прилагаете усилий, чтобы вытеснить его более подходящим и естественным отношением. Не правда ли?» «Может быть это и правда, – отвечал наследник, – но Вы знаете, как это трудно, когда нет взаимного желания сблизиться. Если не нежелание, то, по крайней мере, равнодушие. Я жду, когда оно придёт само собою, а иначе трудно сделать что-нибудь»<sup>368</sup>. «Вы недостаточно упорны в том, чтобы приобрести *большую веру в самого себя*, – продолжал Мещерский. – То, с какой лёгкостью Вы уступаете там, где правда и справедливость на Вашей стороне, показывает, что Вы не вполне уверены в своих безусловно верных взглядах на внутреннюю и внешнюю политику. Непосредственно с этим связаны и Ваши недостаточные усилия в преодолении свойственной нам обоим застенчивости. Со временем это может стать для Вас серьёзным препятствием в осуществлении Ваших замыслов и намерений, и этим всегда будут пользоваться те, кто захочет запугать Вас,

<sup>365</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 299. С. 3.

<sup>366</sup> Там же. Ф. 652. Оп. 1. Д. 378. Л. 12 об.

<sup>367</sup> Там же. Ф. 677. Оп. 1. Д. 303. С. 156, 161, 164.

<sup>368</sup> Oxford Slavonic Papers. 1964. P. 107.

указывая на воображаемые затруднения и опасности». «С этим я вовсе не согласен, потому что даже неверно, – возражал цесаревич. – Везде, где я мог настаивать на своём, – я настаивал, потому что был всегда убеждён, что настаиваю на правде; только в тех случаях, где это было невозможно по разным обстоятельствам, от меня не зависящим, я должен был отказываться от моего желания, и, конечно, не без большого огорчения. Чтобы я уступал легко там, где правда за мною, не всегда верно, но когда я решительно вижу, что самое лучшее иногда оставить и уйти, тогда, конечно, так и делаю, чтобы ещё хуже не испортить дела»<sup>369</sup>. Видимо, последнее обстоятельство уже не раз обсуждалось Мещерским и наследником, потому что ещё в декабре 1867 г. князь писал Александру Александровичу: «Совершенно соглашаюсь с Вами: борьба с препятствиями, от Вас не зависящими, невозможна; воля, которая выше Вашей воли, как воля отца и воля государя, требует безусловного подчинения». В то же время Мещерский весьма резонно настаивал на том, что цесаревич должен в полной мере использовать своё исключительно близкое к престолу положение, видимо, понимая, что порой наследник просто не решается настаивать на своём: «Вы можете говорить государю как сын, и всякая высказанная им воля может быть предметом душевной беседы не перед людьми (Боже сохрани), но между им и Вами; и только тогда воля для Вас государя становится безусловно обязательною, когда, несмотря на всё высказанное Вами почтительно, кротко и нежно, она остаётся непоколебимою. [...] Вспомните, что Вы воин жизни, призванный к борьбе до последней её минуты. Чем более препятствий, тем неутомимей должна быть Ваша деятельность»<sup>370</sup>.

Замечание Александра Александровича об отсутствии «взаимного желания сблизиться», хотя и вырвавшееся, быть может, под влиянием минуты, заставляет подробнее остановиться на сложностях во взаимоотношениях цесаревича и Александра II, что не могло укрыться от глаз близкого к великому князю Мещерского. При этом те или иные размолвки и непонимания в личной сфере тесно переплетались с проблемами, возникавшими в ходе приобщения наследника к государственной деятельности. Уже отмечавшееся недоверие императора к практическим начинаниям сына в силу его молодости, неопытности, сильной зависимости от влияния окружения и скоропалительности, по-видимому, всё же не всегда бывало вполне оправданным и серьёзно задевало самолюбие молодого великого князя. Несмотря на присущие цесаревичу инертность, а зачастую просто элементарную лень, он сознавал, что его «постоянно ожидает страшная и трудная обязанность и ответственность», а желание «быть достойным и *полезным сыном нашего милого отечества, нашей родной России*»<sup>371</sup> вполне искренно выражалось в его, пусть и не всегда удачных, стараниях приступить к государственной деятельности.

<sup>369</sup> Ibid. P. 106 – 107.

<sup>370</sup> Мещерский В.П. Письма. С. 391 – 392.

<sup>371</sup> Запись в дневнике наследника от 27 июля 1867 г. // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 301. С. 2.

После женитьбы особенно болезненно вел. кн. Александр Александрович стал воспринимать свою несамостоятельность в условиях привычного его отцу дворцового и придворного быта. Вскоре после свадьбы, прошедшей, по словам цесаревича, «между глупейшими балами, парадами и развода», он жаловался в дневнике, что «теперь надо рассчитывать своё время по часам и снова соображать, что делают в Зимнем. Я думал: ну слава Богу, теперь поживём спокойно и можно будет провести время приятно. А вышло совершенно наоборот; хуже, чем когда-либо: постоянные неудовольствия, бранят то за то, что опоздали, то за то, что не приехали поздороваться в Зимний. Вот тебе и жизнь! Я понимаю, что видеться с своими родителями необходимо, и даже сам этого желаю, но навязывать это как обязанность – это нестерпимо»<sup>372</sup>. «В Большом дворце, – писал в начале 1867 г. о великокняжеской чете К.П. Победоносцев А.Ф. Аксаковой, – куда они повинны ездить каждое утро в 10 часов здороваться – Вы знаете, какая царствует мертвенность отношений»<sup>373</sup>. В те же дни наследник с женой жаловался и вел. кн. Елене Павловне: «Говорили про наше зависимое положение и про старые привычки, которые, к сожалению, так крепко держатся в Зимнем при дворе. Разговаривали самым приятным образом и откровенно, потому что с тётей Еленой можно говорить откровенно и обо всём»<sup>374</sup>. В качестве примера, вызвавшего сильное возмущение Александра Александровича, можно привести известный эпизод, когда в ноябре 1867 г. Александр II, в силу неясных причин, не пустил наследника вместе с вел. кн. Владимира Александровича на похороны «почтенного и доблестного старца московского митрополита Филарета»<sup>375</sup>. Такие, казалось бы, незначительные провинности цесаревича, как неотдание родственного визита или появление за церковной службой не в том мундире, вызывали сильное раздражение императора и резкую реакцию наследника в ответ (по крайней мере, в дневнике). «Папа рассердился и сказал мне, т.е. просто закричал на меня, что мне приказал ехать к ней (вел. кн. Елене Павловне. – В.А.), и как я смею забывать его приказаний, и прибавил, что если он с своими занятиями успевает делать визиты, то я, который ничего не делаю целый день, могу, кажется, потрудиться исполнить то, что мне раз он приказал, – писал великий князь об одном из таких эпизодов. – Это всё папа произнёс, крича на меня с гневом, и всё было бы для меня сносно, потому что может быть я и заслужил такой гнев, но если это было между нами двумя, но что меня обидело и оскорбило, это то, что папа кричал на меня при всех своих людях, и в соседней комнате, куда была отперта дверь, были ещё несколько лиц, которые хотели поздравить папа. Итак, при всех меня опозорили и встретили меня с днём рождения моей жены, как не встречают даже свою собаку, которая провинилась»<sup>376</sup>. Видимо, в из-

---

<sup>372</sup> Там же. Д. 300. С. 3.

<sup>373</sup> ОР РГБ. Ф. 230. К. 5273. Д. 4. Л. 1 об.

<sup>374</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 300. С. 105 – 106.

<sup>375</sup> Там же. Д. 301. С. 139, 144. Победоносцев и его корреспонденты. Т. II. С. 557 – 558.

<sup>376</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 301. С. 131.

вестной мере прав был князь Н.А. Орлов, писавший наследнику 14 марта 1867 г.: «Ваше же положение теперь следующее. Вас считают ребёнком и не хотят смотреть на Вас серьёзно. Это счастье. Вы успеете увидеть людей, как они есть»<sup>377</sup>.

К условностям дворцовой жизни, вызывавшим мелкие недоразумения и стычки между государем и цесаревичем, примешивалась своего рода психологическая несовместимость и бросающаяся в глаза разность характеров. Граф С.Д. Шереметев, вспоминая приезды Александра II на чай к наследнику, писал, что присутствие императора «несколько стесняло всех, даже и хозяев. Уж очень были различны характеры и вкусы. [...] Меня поражало это различие между сыном и отцом: другие приёмы, другие речи, другое воспитание». По словам Шереметева, Александр Александрович «отвечал на вопросы и говорил, но чувствовалось, что он всё не то говорит, что могло бы понравиться отцу, хотя вовсе того не желая, и обращение его было неизменно безукоризненно почтительное»<sup>378</sup>. Не следует забывать и о «неблагоприятном понятии», сложившемся о великом князе ещё до смерти старшего брата. Тот же Шереметев полагал, что вскоре после того, как Александр Александрович стал наследником, влияние на его взаимоотношения с императором оказала «история с княжной Мещерской». Она «скорее послужила ему во вред, – вспоминал Сергей Дмитриевич, – ибо произвела сильный переполох, когда великий князь поставил своим родителям вопрос ребром. С ним оказалось нелегко сладить, и упорство его было истолковано в самом неблагоприятном смысле. Государь Александр II, с детства Александра Александровича всегда скорее ему сочувствующий даже словно больше, чем старшему, при встрече неожиданного отпора и препятствия в сыне сжался и несколько отдалился от него»<sup>379</sup>. Позднее, в 1875 г. цесаревич признавался в письме к матери, что «всё, что ты мне пишешь про мои отношения с папа, я сам очень хорошо понимаю и чувствую, и готов говорить с папа обо всём откровенно, и иногда это бывает очень тяжело – не иметь возможности переговорить, но мне это очень трудно, потому что папа сам не заговаривает со мной, чтобы значительно облегчить мне. Потом, я вижусь с папа один только между докладами министров и самое короткое время, и, кроме того, папа всегда в это время торопится кончить свои дела, и положительно о деле в это время не стоит и невозможно говорить. Если же я вижусь с папа в продолжении дня, то это всегда бывает при посторонних и конечно о вещах серьёзно говорить нельзя. Я часто в подобных случаях обращался к письму, но в письме опять и половины не скажешь, так что положительно это вовсе не так легко, как казалось бы на первый раз». «Ты знаешь мою любовь и преданность к милому дорогому папа и знаешь, как я бы хотел ему на деле доказать,

<sup>377</sup> Там же. Д. 944. Л. 104 – 104 об.

<sup>378</sup> Мемуары графа Шереметева. С. 433 – 434.

<sup>379</sup> Там же. С. 418.

что я достоин быть его сыном и наследником, – прибавлял цесаревич, – помоги же мне, милая душка ма, в этом!»<sup>380</sup>

Между тем, вышеприведённые слова наследника в письме к императрице 1875 г. были вызваны беспокойством Марии Александровны отношениями цесаревича с министром двора графом А.В. Адлербергом, к которому Александр Александрович отнюдь не питал тёплых чувств. Государыня справедливо указывала сыну, что неприязнь к Адлербергу, ближайшему к Александру II человеку, может непосредственно отразиться на взаимоотношениях наследника и императора. «Пойми, дорогой Саша, – писала императрица, – что во всём этом моя цель – это папа, твои отношения с ним, та нежность, с которой ты должен к нему относиться. Сколь он был бы опечален, узнав о твоей неприязни к человеку, которому он полностью доверяет. Не печаль его этим, прошу тебя, но попытайся облегчить лежащее на нем бремя. Доверяй ему, говори с ним искренне»<sup>381</sup>.

Действительно, демонстративная неприязнь цесаревича к лицам, занимавшим высокое официальное положение и уже в силу одного этого пользовавшимся доверием императора вызывала серьёзное недовольство Александра II. Ещё в январе 1866 г. вел. кн. Александр Александрович получил от отца «довольно строгий выговор» за отказ пригласить к обеду либерального министра народного просвещения А.В. Головнина, «этого *скота*», как записал наследник в дневнике, жирно подчеркнув несколько раз нелицеприятный эпитет. «Мне сказали, во-первых, – продолжал он там же, – что я слишком молод, чтобы судить о людях, на что однако ж я не согласился, а во-вторых, что я должен уважать должность министра, и хотя личность мне не нравится, но так как оно поставлено государем, то я не должен ничего против него делать явно. Получив такой выговор, я порядочно был взбешён тем, что всё-таки придётся мне сидеть за одним столом со *свиньёй*»<sup>382</sup>. Ненависть наследника к Головнину явно инспирировалась его окружением. В воспоминаниях князь В.П. Мещерский приводил характерную выдержку из своего тогдашнего дневника о том, что «Головнин систематически, но без явного вреда для правительства давал растлевать нравственность будущей России, то есть молодёжи, и подготовлял из учащейся молодёжи будущих деятелей революции в России, основанной на низложении всех авторитетов, начиная с божественного»<sup>383</sup>. По утверждению князя, согласующемуся по времени с вышеприведённой записью в дневнике цесаревича, за несколько месяцев до покушения Каракозова на императора, приведшего к отставке Головнина, «Александр Александрович решился сказать государю, своему отцу, откровенное своё слово насчёт Головнина. Он мог рассчитывать, что кто-либо из государственных сановников его тогда поддержит; но никто не осмелился

<sup>380</sup> ГА РФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 115. Л. 195 – 196, 198 об.

<sup>381</sup> Там же. Ф. 677. Оп. 1. Д. 877. Л. 86 – 86 об. (подлинник на французском языке).

<sup>382</sup> Там же. Ф. 677. Оп. 1. Д. 298. Л. 147.

<sup>383</sup> Мещерский В.П. Мои воспоминания. С. 293 – 294.

поддержать наследника престола, и речь о вреде, который приносит государству министр, который отменил постепенно все предания дисциплины в учебном мире, осталась гласом, вопиющим в пустыне...»<sup>384</sup>

Последовавшее затем резко отрицательное отношение цесаревича к графу П.А. Шувалову и его сторонникам тем более не могло не обратить на себя внимание императора и не вызвать соответствующей реакции. Во внутренней политике разногласия цесаревича с отцом особенно ярко проявились в оценках правительственного курса в национальном вопросе во второй половине 60-х – начале 70-х гг. На практике это означало категорическую неприязнь наследника к полякам и немцам, составлявшим большинство, соответственно, в Западном крае и Прибалтике. Весьма характерной была реакция вел. кн. Александра Александровича в письме к В.П. Мещерскому на объявление амнистии полякам, участвовавшим в восстании 1863 – 1864 гг., и на визит Александра II в Варшаву по возвращении из Парижа, где в императора неудачно стрелял поляк А. Березовский (и где, по выражению наследника, «одних поляков, скотов, до 25000 человек»). «Вы не можете себе представить, – писал цесаревич князю 7 июня 1867 г., – как я был печален тем, что государь не переменял свой маршрут и всё-таки отправляется в Варшаву, где встречается с императрицей. Жаль, очень жаль, что после этого печального происшествия государь даже не был хоть в одном русском городе, а прямо поехал в враждебную нам Польшу. Я не знаю, можно ли хоть что-нибудь ожидать после этой поездки государя в Варшаву, хоть какое-нибудь сближение России с Польшей. Я уверен, что нечего ожидать, и в особенности теперь, когда каждый русский ещё больше возненавидит поляка после аттентата (покушения. – В.А.) парижского. Я не понимаю цели поездки государя в Варшаву, и к чему топились так дать амнистию всем этим подлецам. Я уверен, что это работа Валуева и Шувалова, иначе быть не может. Я старался заговаривать с государем о его поездке в Варшаву и даже спрашивал, не переменит ли он свой маршрут, но государь решительно сказал, что не намерен. Я просил тоже Адлерберга и Горчакова, но ничего не помогло»<sup>385</sup>. Действительно, так называемая «Вержболовская амнистия», которой Валуев «бесполезно добивался два года», была в тайне от всех министров подготовлена графом Шуваловым и, несмотря на очевидное недовольство этой мерой противников «аристократической партии», сыграла свою роль в дезорганизации польской революционной эмиграции<sup>386</sup>.

В течение 1867 – 1868 гг. тенденция защиты «русских национальных интересов» на окраинах ярко проявилась в полемическом творчестве известного славянофила И.С. Аксакова, издателя газеты «Москва». Он придерживался доктрины противопоставления России Западу, причём

---

<sup>384</sup> Там же. С. 294.

<sup>385</sup> Мещерский В.П. Письма. С. 665 – 666.

<sup>386</sup> Дневник Валуева. Т. 2. С. 207; Комзолова А.А. Указ. соч. С. 215; Милютин Д.А. Воспоминания. 1865 – 1867. С. 485 – 486, 496 – 497, 618 – 619.

проводником влияния последнего в правительственных кругах, по его мнению, являлось как раз остзейское юнкерство. В «Москве» помещались малоизвестные материалы о тяжёлом положении латышского и эстонского крестьянства, смело обличались немецкие помещики, слышались призывы к отмене их привилегий, осуждались действия русской администрации. Значительная часть материала появлялась благодаря Ю.Ф. Самарину. Критика газеты, будучи достаточно объективной и справедливой, раздражала власть и лично Александра II резкостью выражений и тона. В отзыве на статьи «Москвы» цензоры, между прочим, писали: «Пособником дворянства в угнетении туземцев выступает само русское правительство, действия которого представлены прямо противными интересам России»<sup>387</sup>. Цесаревич не оставался глухим к этому вопросу, внимание к событиям в Прибалтике поддерживалось его окружением, к тому же женой Аксакова была давняя знакомая наследника А.Ф. Тютчева. Ещё летом 1866 г. во время своего первого большого путешествия по России Александр Александрович отмечал в дневнике, что «много говорили об Остзейском крае и о преследовании православных лютеранами»<sup>388</sup>. В начале 1867 г. сведения об этом стали поступать к великому князю от его окружения. «Приехал Козлов явиться из поездки в Ригу, – писал цесаревич 14 марта. – Он был в таком негодовании на немцев, увидев на деле и из фактов, как они ловко обделывают свои дела, конечно, против интересов России. Между прочим, теперь сменяют нашего епископа Платона в Риге, человек почтенный и который один ещё мог противостоять немцам и поддерживал православие. Которое теперь всё больше и больше падает в Остзейском крае»<sup>389</sup>. Два дня спустя наследник «начал читать статью господина Самарина в журнале «Москва». Эта статья против этих *поганных немцев* и великолепно написана. Конечно, высшее правительство осталось этим чрезвычайно недовольно и хотело даже отдать господина Самарина под суд за эту статью. Грустно и даже очень грустно, что человека, который решился высказать всю правду и в пользу интересов России, хотят отдать под суд, а тех, которые губят Россию и приносят столько вреда государю, тех прославляют, и те блаженствуют. Вот милый образчик теперешнего шуваловского времени!!!»<sup>390</sup>

Взволновавшись прочитанным, цесаревич попытался найти поддержку у матери, но это не удалось, поскольку «с мама об этом, как и о других вещах, говорить нельзя; она видит всё официальным образом и так, как ей рассказывают и врут люди высшие. [...] Конечно, после этого я предпочитаю молчать, потому что говорить о таких вещах с мама не стоит труда, она лучше

<sup>387</sup> Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 145 – 149.

<sup>388</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 299. С. 205.

<sup>389</sup> Там же. Д. 300. С. 125. Граф С.Д. Шереметев писал, что после поездки Александра Александровича в Новочеркасск, куда был переведён архиепископ Платон (Городецкий), в 1870 г. «начинается сближение с ним цесаревича, всегда неизменно к нему расположенного. Конечно, любезности с Платоном объяснялись оппозицией». (Мемуары графа Шереметева. С. 424.)

<sup>390</sup> Там же. С. 129. Полемическими работами Ю.Ф. Самарина наследника, тогда и позднее, снабжал К.П. Победоносцев. (Полунов А.Ю. Указ. соч. С. 153 – 154.)

знает, а мы дураки слышим все вещи иначе и неправильно»<sup>391</sup>. Тогда, узнав у Победоносцева адрес, Александр Александрович 17 марта отправил письмо А.Ф. Аксаковой, в котором резко высказал своё неприятие правительственной политики: «Вы не можете себе представить, какое ужасное впечатление сделали на меня эти 2 письма, так сильно и справедливо обвиняющие правительство в том, что оно допускает такие мерзости с православием в прибалтийских губерниях. [...] Как, человека, который решился высказать всю правду и не боится писать такие статьи – и его за это под суд!» «Вообще в последнее время нелегко жить для истинного русского, – сокрушался наследник. – Все последние дела в продолжении этой зимы – грустные факты владычества Шувалова, но будем надеяться, что этот нахал долго не устоит. Извините, любезная Анна Фёдоровна, за мои резкие выражения, но Вы меня знали ещё почти маленьким мальчиком, теперь я во многом переменялся и многое вижу лучше, чем видят те, которые должны бы видеть лучше меня. Но, что делать, если они не видят, не я судья им, а Бог. Теперь, в последнее время и в особенности после моей свадьбы, когда я переехал в свой дом, живу с женой, которая тоже очень интересуется всем, что делается в России, я переменялся и далеко отстал от образа мыслей при дворе. Я вижу больше людей, больше разговариваю, и это всё меня подвинуло вперёд, я часто вижу с К.П. Победоносцевым, с которым занимаюсь и много разговариваю про теперешние события. Я читал с большим интересом некоторые статьи в газете «Москва»<sup>392</sup>. Последовавший запрет газеты только обострил отношение цесаревича к своим политическим недругам. Вскоре он говорил с Победоносцевым «о теперешних делах неутешительных и узнал, что наконец запретили «Москву», что и надо было ожидать от почтеннейшего господина Виллева. Чёрт бы их побрал, всех этих поганных правительственных мужей!»<sup>393</sup> Между тем, посланное обычной почтой письмо Аксаковой было перлюстрировано, представлено в копии графу Шувалову и, очевидно, затем доложено им государю. Последнее обстоятельство не могло не вызвать недовольства Александра II как цесаревичем, так и его окружением. «Не знаю, с какого времени, – жаловался Победоносец в письме к А.Ф. Аксаковой 20 октября 1868 г., – но чуть ли не с той поры, как Александр Александрович написал Вам известное письмо, прочитанное на дороге, надо мной тяготеет неопределённое, но незаслуженное подозрение. Не имею сомнения в том, что государь смотрит на меня подозрительно, с заднею мыслью, и знаю верно, что граф Шувалов очень меня не жалуёт»<sup>394</sup>. «Дело с письмом Аксаковой (по поводу «Москвы») тоже, кажется, верно, – отмечал в конце февраля 1868 г. в дневнике А.А. Киреев, – письмо было перлюстрировано, и наследник выговаривал за это Шувалову»<sup>395</sup>. Позднее цесаревич тоже глухо

---

<sup>391</sup> Там же. С. 130.

<sup>392</sup> Там же. Д. 638. Л. 1 – 2 об.

<sup>393</sup> Там же. Д. 300. С. 142.

<sup>394</sup> ОР РГБ. Ф. 230. К. 5273. Д. 5. Л. 6.

<sup>395</sup> Там же. Ф. 126. Д. 4а. Л. 85 об.

упоминал об этом эпизоде, прося Победоносцева переслать письмо Аксаковой, касающееся помощи православным храмам в Прибалтике, поскольку «по почте я больше посылать писем не намерен»<sup>396</sup>.

Неприязнь к остзейскому дворянству открыто сказала уже летом 1867 г. при проезде наследника с женой через Ригу. «Есть ещё фальшивые положения, – писал цесаревичу 28 августа того же года Мещерский, – из которых надо во что бы то ни стало выйти: это отношения Ваши к немцам и отношения к Пруссии. Оба эти вопроса – громадной государственной важности. Во время последнего моего пребывания в Петербурге я слышал из источников, заслуживающих веру, что Вы были при проезде чрез нашу неметчину (т.е. прибалтийские провинции. – В.А.) особенно демонстративно холодны и даже неприязненны и этим возбудили против себя представителей общественного мнения». Князь, утверждавший, что никто более него «не сочувствует Вашей ненависти немецкого преобладания на Руси, ибо никто не ненавидит так искренно их гнусной роли у себя дома относительно бедного туземного народа и их явного нерасположения к России», в то же время предостерегал Александра Александровича, что «в Вашем положении проявлять эти чувства неполитично, ибо Вы их от себя ими отдаляете и чрез это лишаете себя союзников там, где это нужно, и [...] вообще отчуждаете от себя весьма обширную, часто полезную партию немцев, которых у нас так много между русскими». «А если Вы заранее заявите себя врагом немцев, – резюмировал Мещерский, призывая цесаревича к тесному сближению с «русским делом» в Прибалтике, – Вы уже бессильны, и, поверьте, всё для Вас будет закрыто, как замок барона, так и хижина латыша-крестьянина»<sup>397</sup>. Инцидент имел широкий резонанс. «Наследник и наследница очень неловко себя вели в Риге, – писал в дневнике 6 августа 1867 г. Киреев, – он не поздоровался с войсками, она не хотела оставить у себя поднесённого ей букета. Я не думаю, чтобы это было сделано с намерением (хотя ни тот, ни другой немцев не любят). Вероятно, неловкость! Жаль!»<sup>398</sup> Побывавший в Риге, вскоре после сына с невесткой, император счёл нужным написать цесаревне: «Эти провинции, вопреки всему тому, что можно услышать от наших бешеных русофилов, могли бы стать для нас примером в том, *что касается чувства преданности монарху и его семье*, так что я ручаюсь, что вы однажды научитесь их ценить так же, как я и мой отец. Я надеюсь, *что вы последуете моим рекомендациям, несмотря на противоположное влияние, которое, как я знаю, существует даже в вашем непосредствен-*

<sup>396</sup> Победоносцев и его корреспонденты. Т. II. С. 558. После этой истории проблема перлюстрации собственной корреспонденции немало беспокоила наследника. Так, 2 октября 1868 г. он писал Мещерскому, что «все Ваши письма приходят исправно, и я думаю, их не распечатывают, потому что они в очень приличном виде». (Oxford Slavonic Papers. 1962. P. 116.) И после падения Шувалова цесаревич опасался отправлять мало-мальски доверительные письма без надёжной окasaki, поскольку, как писал он дяде, вел. кн. Михаилу Николаевичу, «кажется, и Императорская Фамилия не изъята от чтений писем на почте». («Любящий тебя племянник Саша...» // Исторический архив. 2013. №1. С. 120.)

<sup>397</sup> Мещерский В.П. Письма. С. 361 – 362.

<sup>398</sup> ОР РГБ. Ф. 126. Д. 4а. Л. 44.

ном окружении»<sup>399</sup>. Письмо Александра II «очень огорчило» и вел. кн. Марию Фёдоровну, и вел. кн. Александра Александровича. «Я, по крайней мере, сделал всё возможное, чтобы быть как можно учтивее в Риге, — оправдывался он отцу в ответ. — Я слышал уже, что про нас говорили, что мы были неучтивы, и что замечено было наше неудовольствие быть в Риге. Я могу смело сказать тебе, милый па, что это совершенная ложь, и ты можешь быть уверен, что я себе никогда бы не позволил сделать что-нибудь подобное. Вообще, милый па, ты можешь на меня положиться, что если я и допускаю говорить мне разные вещи, которые не следовало бы говорить, то это только для того, чтобы люди высказывались, и слышать обе стороны, а не то делается совершенно с односторонним взглядом и пристрастным к одной партии. Не думай, милый па, чтобы это мне вредило, я никогда не позволю себе идти против твоих убеждений и буду всегда помнить то, что ты мне говорил нынешний год перед исповедью»<sup>400</sup>. Быть может, великий князь действительно вовсе не заметил собственной «неучливости», также вполне вероятно, что и степень её была раздута поднявшимися толками, но всё же следует признать, что возникли они не на пустом месте и вполне могли иметь основание, учитывая свежие предубеждения наследника<sup>401</sup>. Между прочим, неслучайно упоминание о разговоре с отцом перед исповедью: очевидно, что он имел место весной 1867 г., во время Великого поста и в разгар возмущения наследника «владычеством» Шувалова.

Очередной виток негодования наследника на правительственную политику на окраинах пришёлся на 1869 г. Ещё в начале года он отметил в дневнике, что «читал «Записки латыша», издание Самарина, которые до того интересны, что нельзя оторваться от чтения. Возмутительно: до чего доходили своеволие и подлость баронов и пасторов; книга интересна в особенности тем, что это воспоминания самого латыша и чистая истина»<sup>402</sup>. Однако главным образом его внимание привлекли события в Северо-Западном крае, где с недавно назначенным генерал-губернатором А.Л. Потаповым вступили в конфликт энтузиасты обрусения в Литве виленский губернатор И.А. Шестаков и попечитель Виленского учебного округа П.Н. Батюшков. О деятельности последнего цесаревича знал от своего адъютанта П.А. Козлова ещё за полтора года до этого. 30 июля 1867 г. он писал Мещерскому из Дании, что «грустные известия из России

<sup>399</sup> ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 697. Л. 35а об. (подлинник на французском языке).

<sup>400</sup> Там же. Ф. 678. Оп. 1. Д. 729. Л. 146 – 147.

<sup>401</sup> Интересен фрагмент из письма князя Н.А. Орлова августа того же 1867 г., в котором князь убеждал цесаревича во вредности проводимой на окраинах политики. «Мы боимся иезуитов, но мы подражаем их самым гнусным приёмам. После того, что мы разорили Польшу и Западную Россию (то есть половину империи), — писал Николай Алексеевич, очевидно, имея в виду события недавнего польского восстания, — мы хотим преобразовать или, вернее, внести сумятицу в прибалтийские провинции. [...] Под скипетром Екатерины II все жили спокойно и счастливо, потому что она ненавидела преследования за народность и веру, как противные нашему здравому смыслу». (ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 944. Л. 151 – 152 (подлинник на французском языке).)

<sup>402</sup> Там же. Ф. 677. Оп. 1. Д. 302. С. 192. Имеются в виду «Записки православного латыша Индрика Страумита 1840 – 1845 гг.», впервые опубликованные Ю.Ф. Самариным за границей во втором выпуске «Окраин России» в 1868 г. См.: Самарин Ю.Ф. Сочинения. Т. 8. М., 1890.

постоянно доходят до меня. Теперь узнаю, что хотят уничтожить общество, которое занималось постройкой церквей в Западном крае, и отдать всё это в распоряжение губернаторов и Департамента общих дел. Батюшков, который был в главе этого общества, в отчаянии и писал об этом Козлову, который мне передал это. Теперь можно себе представить, что решительно ничего не будет делаться для наших бедных православных церквей. Удивительно правда, – сокрушался Александр Александрович – как систематически всё хотят портить у нас в России. Грустно, очень грустно постоянно слышать о милой России такие вести и ещё грустнее, когда знаешь, что решительно ничего нельзя сделать, чтобы помочь в таких случаях»<sup>403</sup>.

Как отмечалось в литературе, главной задачей А.Л. Потапова было перейти к системе управления и обрусения Северо-Западным краем, отличной от методов усмирителя восстания 1863 – 1864 гг. графа М.Н. Муравьева и его приемников. Связанный с этим круг вопросов, перечисленных в соответствующей записке министра внутренних дел П.А. Валуева, сводился к смягчению карательных мер в крае в отношении бывших участников мятежа, пересмотру условий реализации крестьянской реформы, улучшению положения местных польских помещиков и в их лице – укреплению социальной опоры правительства. (Известна фраза Потапова: «Я хочу, чтобы Западный край был *российским*, а не *русским*»<sup>404</sup>.) Действия Потапова по урезанию крестьянских земель в крае при обязательном переводе на выкуп в нарушение утверждённого 26 марта 1869 г. закона, не позволявшего отчуждать землю, фактически находящуюся во владении крестьян, вызвал сильную оппозицию как среди либеральной правительственной бюрократии (вел. кн. Константина Николаевича, к которому был близок губернатор Шестаков, А.А. Зелёного, М.Х. Рейтерна), так и у представителей «русской партии», рупором которой выступили «Московские ведомости» Каткова<sup>405</sup>. Между тем, с начала 1869 г. и наследник престола постепенно входит в курс кипевших страстей при посредстве князя В.П. Мещерского, которого П.Н. Батюшков, «известный ревнитель православия и русской церковной старины», пригласил посетить школы вверенного ему округа. В январе 1869 г. Батюшков был у Александр Александровича и «рассказывал много интересного про Вильну и вообще про Западный край»<sup>406</sup>. Как вспоминал Мещерский, «цесаревич, очень любивший и уважавший Батюшкова», в знак своего сочувствия передал в молодечанскую учительскую семинарию икону и портреты цесаревны и себя самого с собственноручной надписью<sup>407</sup>. Из Вильно князь 28 марта 1869 г. отправил цесаревичу письмо «на 9 листах в 35 страниц», по словам Александра Александровича, «очень интересное и дельно» написанное. Потратив на чтение письма «2½ часа времени»,

<sup>403</sup> Мещерский В.П. Письма. С. 672.

<sup>404</sup> Комзолова А.А. Указ. соч. С. 285.

<sup>405</sup> Воронин В.Е. Русские правительственные либералы. С. 196 – 204; Комзолова А.А. Указ. соч. С. 240 – 267.

<sup>406</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 302. С. 194.

<sup>407</sup> Мещерский В.П. Мои воспоминания. С. 339 – 340.

наследник «совершенно почти усвоил себе положение настоящего времени в этом крае» и отмечал: «Милая личность, нечего сказать, этот Потапов!»<sup>408</sup> В письме Мещерский подробно рассмотрел вопросы администрации, крестьянского дела, положения духовенства, народного образования и русского землевладения в крае. С первых же страниц Владимир Петрович категорически утверждал, что «важнейшим вопросом является здесь вопрос *не о борьбе русского племени с польским, но об уничтожении последнего до корня*. К сожалению, вопрос это в руках Потапова является вопросом о какой-то *нелепой легальности в борьбе с поляками*, с устранением возможности их уничтожить». Крестьянский вопрос он также считал «самым животрепещущим». Изложив весь ход этого дела со времён Муравьёва и противопоставляя политику последнего<sup>409</sup> действиям Потапова, Мещерский в итоге, имея в виду среди прочего отстранение от крестьянского дела русских мировых посредников, призванных в край Муравьёвым, патетически восклицал, что «крестьянский вопрос стоит на рубеже поворота: ещё год потаповского управления, все русские люди будут изгнаны и конец!»<sup>410</sup>

Как раз на следующий день после получения Александром Александровичем письма Мещерского в Государственном совете рассматривалось дело о санкциях против газеты И.С. Аксакова «Москва», инициатором которого изначально выступил А.Л. Потапов, недовольный критикой своих действий в поддержку польского дворянского землевладения. К тому же «дело» «Москвы» стало очередной фазой гонений группировки Шувалова на неудобную печать. Впрочем, наследник отозвался на «интересное дело Аксакова» достаточно сдержанно (возможно, что он, поглощённый в то время «ружейным делом», просто не знал обо всех обстоятельствах проблемы), отметив, однако, и верно оценив примирительную роль вел. кн. Константина Николаевича, последовательного противника цензурных и административных ограничений печати: «Дядя Костя очень хорошо вёл дело и предложил свою редакцию журнала, которую и велел прочесть. Все одобрили и согласились, кроме Титова и Княжевича. Главная суть этого журнала была в том, чтобы объяснить, в чём обвиняется Аксаков и за что прикрывают издание «Москвы». Шувалов и Тимашев настаивали на том, что направление газеты скверное и опасное, а дядя Костя в этом не соглашался, и тогда составили этот журнал с большим трудом с соглашением Шувалова и Тимашева, в нём сказано, что Аксаков осуждается не за дурное направле-

<sup>408</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 302. С. 290 – 291.

<sup>409</sup> Стоит отметить характерную запись, оставленную наследником в дневнике о графе Муравьёве несколько лет спустя, 3 февраля 1876 г., когда он читал «очень интересные записки М.Н. Муравьёва за время его управления в Северо-Западном крае в время польского мятежа. Замечательный умный и энергичный человек, и как он сразу повёл дело, просто чудо!» (Там же. Д. 307. С. 62 – 63.) Цесаревич читал воспоминания Муравьёва ещё до их, сделанной с купюрами, публикации, очевидно, в одном из списков, ходивших в Петербурге по рукам. (Комзолова А.А. Указ. соч. С. 112.) По свидетельству Шереметева, наследник «сочувствовал типу людей старого крепкого закала. К таковым принадлежал М.Н. Муравьёв». Как-то в разговоре великий князь обронил, что для него рекомендация Муравьёва – «самая лучшая рекомендация». (Мемуары графа Шереметева. С. 464.)

<sup>410</sup> Полностью письмо В.П. Мещерского от 28 марта 1869 г. см.: Там же. Д. 895. Л. 3 – 20.

ние, которого вовсе не было, а за неприличные выражения, которые он употреблял в передовых статьях»<sup>411</sup>.

Вернувшийся неделю спустя из Северо-Западного края Мещерский вновь подогрел интерес наследника, рассказывая «много интересного про Вильну, Потапова и вообще о положении тамошнего края и управлении Потапова, которое весьма неутешительно. Потом говорили вообще о правлении в настоящую минуту, которое тоже очень печальное и в особенности людьми»<sup>412</sup>. Тем временем, к осени 1869 г. «дело Потапова» приобрело широкую общественную известность, а губернатор Шестаков прибыл в столицу с жалобами на своего начальника и проводимую им политику. 25 сентября он, «как состоявший в свите», «являлся к царевичу, был им обласкан и приглашён на вечер. Его Высочество говорило со мной о вопросе, занимавшем уже весь город. Не вдаваясь в подробности, ему, конечно, неизвестные, я просил его употребить своё влияние, чтобы государь на меня не гневался, ибо я исполнял долг»<sup>413</sup>. «Был у меня адмирал Шестаков, Виленский губернатор, который приехал сюда по делу довольно важном, а именно по крестьянскому делу в Северо-Западном крае, которое Потапов перевернул по-своему и совершенно вразрез закону, – записал в дневнике Александр Александрович. – Шестаков рассказывал много интересного про его службу в Вильне, и надо удивляться, как этот человек мог ещё оставаться там, когда ему на каждом шагу делают гадости и подлости. Я долго разговаривал с ним, и потом принял ещё П.Н. Батюшкова, который тоже рассказывал много интересного про Вильну и про свои школы, которые, слава Богу, идут хорошо»<sup>414</sup>. Примечательна и оценка наследником виленского католического епископа Жилинского, «который один идёт настоящим путём и даже ввёл русский язык в службу и в школы»<sup>415</sup>.

В своём негодовании против Потапова и поддерживающей его «шуваловской партии» цесаревич полностью солидаризировался с вел. кн. Константином Николаевичем, горой вставшим на защиту Шестакова и пошедшего ради этого на размолвку с Александром II. Когда Шестаков был уволен от должности и из свиты императора, а вместе с ним вынужден был уйти и Батюшков, наследник записал в дневнике свой разговор с дядей (состоявшийся 27 октября, сразу после

<sup>411</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 302. С. 291. О «деле» «Москвы» и трудном положении вел. кн. Константина Николаевича при его решении см.: *Воронин В.Е.* Русские правительственные либералы. С. 192 – 196.

<sup>412</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 302. С. 299.

<sup>413</sup> *Шестаков И.А.* Полвека обыкновенной жизни. Воспоминания (1838 – 1881 гг.). СПб., 2006. С. 508. Уже после завершения «дела» П.А. Валуев писал в дневнике о Шестакове с Батюшковым, что «оба интриговали против генерал-губернатора и оба до приезда государя были единственными гостями цесаревича, приглашёнными из Петербурга на бал в Царском Селе». (Дневник Валуева. Т. 2. С. 273.)

<sup>414</sup> Там же. Д. 303. С. 79 – 80. В частности, П.Н. Батюшков полагал, что «система благоразумной осторожности», которая подразумевала изучение закона Божия католиками края на русском языке, улучшение знаний русского языка и отечествоведения у выпускников местных католических семинарий, а также введение русского языка в дополнительное католическое богослужение, – эта «система» должна была привести к окончательному вытеснению «полонизма» из его «последнего общественного убежища – костёла». (*Комзолова А.А.* Указ. соч. С. 321.)

<sup>415</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 303. С. 134. О неудачной агитации епископа Жилинского в Северо-Западном крае в пользу дополнительного католического богослужения на русском языке, бойкотировавшейся местным духовенством, см.: *Комзолова А.А.* Указ. соч. С. 323 – 325.

того как Константин Николаевич резко высказал государю своё отрицательное отношение к его решению): «Всё время разговаривали про Потапова и теперешнюю историю по поводу крестьянского дела в Северо-Западном крае, которое Потапов хочет совершенно исказить и начал было, но вывернулся по милости Шувалова, а теперь устроил так, что губернатора Вильны Шестакова выгоняют оттуда, и что ужасно, отчисляют от свиты. Кроме его, что ещё печальнее, это то, что Батюшкова тоже увольняют из Вильны, за что, ещё не знаю подробностей. Вот и служи после этого верой и правдой русскому делу и государю, когда тебя всякий мерзавец может очернить и выгнать как собаку! Это больше чем грустно и даже ужасно»<sup>416</sup>. Константин Николаевич также в тот день отметил в дневнике, что «всё время с Сашкой говорили про эти дела, и про страшную власть той партии. Он видит, понимает и грустит, а государь совершенно опутан и намеренно ослеплён»<sup>417</sup>. По-видимому, цесаревич умолчал в дневнике о том, что и сам так или иначе просил у отца за опальных администраторов. «Могу, кажется, утверждать, – писал адмирал И.А. Шестаков в воспоминаниях, – что наследник и великий князь Константин ходатайствовали за меня, но государь был очень гневен и отвечал: «Vous ne connaissez pas le dessous des cartes!»<sup>418</sup>. С какой бы высоты ни шёл подобный приговор, я не могу принять его без торжественного протеста. Карты были подтасованы, и монарху, конечно, не могла прийти мысль, что в деле участвовали бесчестные игроки»<sup>419</sup>. Князь В.П. Мещерский тоже вспоминал о попытке вел. кн. Александра Александровича заступиться за Шестакова с Батюшковым перед отцом и о том, «каким глубоким огорчением отозвалось в сердце цесаревича это печальное политическое событие. Оставаться простым зрителем этого эпизода не позволяли ему ни его русское сердце, ни его личные чувства уважения к Батюшкову и Шестакову, ни его благородный правдолюбивый характер, и он явился защитником обоих перед лицом своего родителя-государя, но защитники Потапова оказались сильнее, сильнее тем, что они не отступили перед клеветой, а на такой почве цесаревичу бороться со сторонникам Потапова не приходилось»<sup>420</sup>.

Для характеристики взглядов наследника любопытен также эпизод, произошедший в феврале 1870 г., когда «несколько отъявленных феодалов» из лифляндского дворянства, как писал

---

<sup>416</sup> Там же. С. 106.

<sup>417</sup> Цит. по: *Воронин В.Е.* Русские правительственные либералы. С. 212. Об обстоятельствах увольнения Шестакова и позиции вел. кн. Константина Николаевича подробно см.: Там же. С. 202 – 218. О сближении цесаревича с дядей в этот время на почве враждебности к Шувалову и его сторонникам свидетельствует в своём дневнике в конце августа 1869 г. и А.А. Киреев: «Он (Константин Николаевич. – В.А.) мне рассказал, что когда происходили прения по другому жгучему вопросу (об изъятиях некоторых лиц из правил о числе свидетелей) в Государственном совете, то наследник был на стороне его и других либеральных членов, но Шувалов одолел. «А всё-таки сила на их стороне», – повторял он с грустью». (ОР РГБ. Ф. 126. Д. 6. Л. 1.) Князь Д.А. Оболенский отмечает в дневнике на пороге нового 1870 г. об Александре II, что «с великим князем Константином Николаевичем он в самых холодных отношениях, с наследником также, ибо знает, что они не разделяют ни его опасений, ни его доверия к графу Шувалову». (Записки Оболенского. С. 194.)

<sup>418</sup> «Вы не знаете изнанки карт!» (фр.).

<sup>419</sup> *Шестаков И.А.* Указ. соч. С. 509.

<sup>420</sup> *Мещерский В.П.* Мои воспоминания. С. 342.

граф Д.А. Милютин, подали императору прошение, в «котором жаловались на мнимое нарушение привилегий, дарованных краю в отношении религии, языка и обособленности местного законодательства». По словам Дмитрия Алексеевича, резолюция, данная в ответ Александром II, «удивила ливонских баронов, не привыкших к такому категорическому отпору со стороны государя, и тем более, что высочайшая резолюция была опубликована как бы в угоду тем, которых немецкие феодалы Прибалтийского края называли «русскою партией»<sup>421</sup>. Совсем иначе расставил акценты в этом вопросе цесаревич, находивший, что с ливонцами, просивших «пустяки и вещи, которые им даны быть не могут», обошлись чересчур мягко, поскольку «решили отказать во всём, но и ничего больше; никакого наказания, выговора, ничего, а очень, очень жаль, и в особенности для русского дворянства это даже обидно»<sup>422</sup>. В конечно счёте, в качестве некоего итога «оппозиции» наследника курсу правительства в национальном вопросе звучит письмо Александра II к сыну летом 1871 г., когда Александр Александрович с семьёй отправился на отдых в Эстляндию. «Мне нечего повторять вам и в особенности тебе, – писал император, – чтобы при приезде вашем в Гапсаль, где вас верно встретят с прежним радушием, вы были приветливы со всеми, зная, как я смотрю на тамошнее дворянство, всегда верно служившее России, что наши ультра-патриоты забывают, упрекая им их немецкое происхождение, которым они вполне вправе гордиться, как мы нашим. Помни, что с тою репутациею, которую тебе сделали, тебе вдвойне должно быть осторожным и при случае высказываться в моём смысле, а не в противном. Зная благородство и прямоту твоих чувств, я уверен, что ты себя покажешь тем, чем ты должен быть»<sup>423</sup>.

Хотя «оппозиционность» наследника «шуваловской партии» и правительственной политике во внутренних вопросах не шла дальше повседневного общения с представителями «русской партии», многочисленных негативных высказываний в дневнике, переписке и разговорах и отдельных попыток вмешательства в дела, в общественном мнении его деятельность и её политическое значение, очевидно, сильно преувеличивались и раздувалась, постепенно создавая ту самую «репутацию», о которой император упоминал в письме к сыну. «Умоляю Вас, дорогой Александр Александрович, – писал цесаревичу Мещерский 28 марта 1867 г., – избегайте всего, что может служить поводом Вас обвинять в слишком резком проявлении Вашего образа мыслей политического и Ваших воззрений на современное, как бы грустно оно ни было! Умоляю Вас не смотреть на всё слишком мрачно, а для этого видеть и слышать надо побольше людей. Поверьте, Россия не зависит от того, что думает или делает Валуев или Рейтерн! 2) не выражайте при посторонних ваших суждений, ибо помните, что Вы наследник престола и на Вас обра-

<sup>421</sup> Милютин Д.А. Воспоминания. 1868 – 1873. С. 250.

<sup>422</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 303. С. 237, 242.

<sup>423</sup> Там же. Д. 669. Л. 121.

щены все взоры. От такой резкости в суждениях, которая неизбежно доходит до государя, малопомалу в отношениях будет холодность и неискренность, и Вы потеряете возможность в важные и трудные минуты возвышать голос у царского престола в защиту правды! Даже здесь я слышал отголоски, приписывающие Вам значение главы оппозиции» (Мещерский писал из Твери. – В.А.)<sup>424</sup>. Впоследствии князь не единожды возвращается в письмах к этой теме. «Как я уже писал Вам, – сетовал Владимир Петрович в письме от 28 августа 1867 г. – не раз приходилось мне слышать толки о том, что Вы заставляете себя предполагать во главе самых резких обличителей многого, что у нас делается. Вырывавшиеся по временам суждения Ваши были схвачены на лету, дополнены, преувеличены и возведены в целые речи, будто Вами сказанные в минуту негодования против какого-либо агента правительства». «Не зная отчётливо Ваших отношений к государю, – продолжал там же князь, – не могу об них судить обстоятельно; но по всему, что я слышал и от Вас, и от лиц, о том знающих, убеждаюсь, что в них нет той глади, которая есть следствие искренности. [...] Как наследник престола, Вы не можете стоять в фальшивом положении к государю, в особенности если государь Ваш – Вас так любящий отец; при натянутых и неискренних отношениях вся Ваша жизнь будет парализована и принесёт Вам много горьких минут! Вот почему прежде всего, если есть известная натянутость в отношениях (не семейных, но политических), то Вам прежде всего надо во что бы то ни стало из этого фальшивого положения выйти, а для этого надо, чтобы между государем и Вами не было посредников, которые бы истолковывали ему по-своему Ваши мысли и Ваши речи»<sup>425</sup>.

В связи с политической деятельностью цесаревича совместно с общественными деятелями в течение 1868 г. Мещерский обращал внимание Александра Александровича и на следующее обстоятельство: «Люди так созданы, что благодарность забывают скоро; они же первые будут говорить о влиянии на Вас такого-то и такого-то и опять же будут иметь что-то вроде кредита в общественном мнении, ибо уже прежде предыдущие события поставили их к Вам в отношения довольно близкие. Взгляните кругом в другие государства. Нигде и никогда имя наследника престола не связывается с какими бы то ни было предприятиями. Даже в государстве свободном, как Англия, наследник является только в главе общей благотворительности и народного образования. Как только он связывается партией, он лишается силы, ибо вооружает против себя всё, что к этой партии не принадлежит, если приобретает, то дешёвую популярность благодаря усилиям партии, которая разлетается как дым при первой неудаче»<sup>426</sup>. Однако Мещерский и сам, несмотря на высказываемую им критику, одновременно способствовал тому, что имя цесаревича связывалось с «русской партией» и оппозицией правительству. Благодаря его усилиям

---

<sup>424</sup> Мещерский В.П. Письма. С. 253.

<sup>425</sup> Там же. С. 359 – 360.

<sup>426</sup> Там же. С. 618.

во второй половине 60-х – начале 70-х гг. вокруг наследника складывается «кружок» противников «аристократической партии», регулярно собиравшийся с участием великого князя для дискуссий о насущных общественно-политических проблемах<sup>427</sup>. В марте 1870 князь Д.А. Оболенский, побывав на одном из таких «вечеров», отмечал в дневнике, что «для юного цесаревича это может быть не без пользы, иногда разговоры бывают очень оживлённы и откровенны. Наследник принимает в них живое участие. Общее впечатление, произведённое им на меня, следующее: очень ещё юн и незрел, о вещах имеет поверхностное понятие, но не лишён здравого смысла, способен принять впечатление и упорно сохранить его. К умственному труду непривычен, одарён памятью и, кажется, характером, даже, быть может, упрям. Что из него выйдет, никак сказать нельзя. Дальнейшее его развитие будет зависеть от обстоятельств и от людей, его окружающих. Симпатии весьма национальные, даже до исключительности, много в этом отношении хороших задатков, дай Бог, чтобы они разумно и правильно развились»<sup>428</sup>. Неудивительно, что в свете всех толков вокруг имени наследника и реальными проявлениями его недовольства шефом жандармов, последний не преминул заинтересоваться «кружком» Мещерского (и, очевидно, не без желания императора). По словам самого Шувалова (сказанным Мещерскому в 1871 г. и переданным им в воспоминаниях), он был «обязан знать не только то, что говорится около цесаревича, но то, что думают и говорят по поводу политических воззрений цесаревича, дабы всегда быть в состоянии разным нелепостям, доходящим до государя, противопоставлять одну только правду. Положение наследника престола, начиная с известного возраста, всегда делается самым трудным положением в государстве. Но ещё более затрудняется тем, что есть люди, заинтересованные эксплуатировать щекотливость этого положения и извлекать выгоды посредством искусственного возбуждения теней между государем и наследником». Утверждая, что сам он к таким людям не принадлежит, Шувалов заметил, что наследник «не жалуется немцев и очень ревностно стоит за самолюбие русской национальности, я знаю также, что есть люди, которые хотят во что бы то ни стало делать из цесаревича начальника политической русской партии, но в то же время я должен сказать, что нельзя с большим тактом держать себя и быть безупречным в своём трудном положении и в способе проявления своих симпатий и своих убеждений, что это проявляет цесаревич, и я никогда не упускал случая на это обращать внимание государя»<sup>429</sup>. Но как бы то ни было, подозрительное отношение к собраниям у Мещерского явно существовало, поэтому (а также вследствие ухудшений личных отношений Владимира Петровича с цесаревичем) в начале 1871 г. они сошли на нет. «Вы собираете к себе людей, чтобы возбуждать брата против государя», – сказал князю вел. кн. Владимир Алек-

<sup>427</sup> Подробнее об этом см.: *Дронов И.Е.* Консервативный проект для России. С. 32 – 36; *Он же.* Кружок князя Мещерского. С. 76 – 85.

<sup>428</sup> Записки Оболенского. С. 224.

<sup>429</sup> *Мещерский В.П.* Мои воспоминания. С. 365 – 366.

сандрович (по признанию Мещерского, сделанному много позднее, в 1885 г.)<sup>430</sup>. Летом же 1871 г. Мещерский писал наследнику, жалуясь на отрицательное отношение к нему братьев цесаревича и прекращение «вечеров», что «здесь анекдот явится с прикрасами – доказывающий будто, что Вам хотят читать мораль; здесь явится другой анекдот, доказывающий, что Мещерский ищет всякого повода важничать, вмешиваться в Ваши дела и для этого прикрывает себя маскою преданности; а там скажут, что Вас хотят ставить во главе какой-то оппозиции государю, или что такой-то своею бестактностью Вас компрометирует». Судя далее по письму, до Мещерского дошли слова самого Александра Александровича о том, что «я устраиваю вокруг Вас партию, что я возбуждаю разговоры антиправительственные, что вообще смешно ездить на вечера ко мне!! и т.д. И что же? Переписка и разговоры прекратились. Вечера один за другим лопа-лись!»<sup>431</sup> По свидетельству графа Шереметева, впоследствии, во время Русско-турецкой войны цесаревич однажды «разговорился о прежних вечерах у князя В.П. Мещерского и высказывал сожаление, что нет таких уголков, где можно было бы собираться и видаться с людьми»<sup>432</sup>. Между прочим, тогда, в 1871 г., Мещерский, отчаянно пытаясь убедить наследника возобновить «вечера», как раз и писал о том, что необходимо «от времени до времени ставить Вас в такую среду, где бы Вы могли приобрести *среди людей с разными убеждениями тот нравственный материал, посредством которого ни я, ни кто другой в отдельности не могли бы иметь на Вас влияние*»<sup>433</sup>.

Примечательно, что летом 1874 г. Александр II вновь вынужден был указать наследнику, связавшему своё имя с известными либеральными земскими деятелями, считавшимися оппозиционно настроенными к правительству, на его неосмотрительность. Аргументы, особенно выделенные императором, весьма были схожи со словами графа Шувалова, сказанными за три года до этого Мещерскому. «К крайнему моему удивлению и, должен сказать, *неудовольствию*, – писал государь сыну, – дошло до моего сведения, что в имеющую образоваться в Москве комиссию для сооружения Исторического музея приглашены *твоим именем* по представлению генерал-адъютанта Зелёного состоять членами: князь Черкасский, князь Щербатов, Юрий Самарин и бывший голова Лямин. Набор сих лиц, ещё так недавно навлекших на себя моё *неудовольствие*, что не могло не быть тебе известно, возбудил в Москве большое удивление и весьма неблагоприятные толки! Вот краткая характеристика этих личностей. Князь Черкасский был вынужден подать в отставку с должности градского головы вследствие составленного им обще с Юрием Самариным весьма неуместного адреса. Князь Щербатов так же в самых неуместных выражениях ещё нынешней зимой на Дворянском собрании в Москве протестовал против моего

<sup>430</sup> Цит. по: Дронов И.Е. Круг князя Мещерского. С. 84 – 85.

<sup>431</sup> «Моя преданность Вам имеет одну основу...». С. 156.

<sup>432</sup> Мемуары графа Шереметева. С. 487.

<sup>433</sup> «Моя преданность Вам имеет одну основу...». С. 161.

рескрипта на имя министра просвещения. Лямин же, чтобы не явиться в качестве городского головы в мундире к губернатору, предпочёл подать в отставку едва год тому назад. Если подробности эти не все тебе были известны, то генерал-адъютант Зелёный не мог их не знать, и потому *непростительно*, что он осмелился тебе их рекомендовать и выставить тебя как бы *покровителем личностей*, известных всей Москве и всей России *своим противоправительственным направлением*. Надеюсь, что оно послужит тебе уроком впредь быть более осторожным, *не забывая того, что я тебе неоднократно говорил*, зная по своему собственному опыту, что всегда были и найдутся люди, которые стараются сделать из наследника главу враждебной партии царствующему императору. Я слишком знаю благородство твоих чувств и потому уверен, что никакие подобные попытки не могут иметь успеха. Но вот тебе доказательство стремлению воспользоваться твоею неопытностью и выставить тебя как бы покровителем оппозиционной партии. Ты поймёшь, любезный Саша, как оно мне больно и за тебя, и за меня, ибо другие тебя не знают, как я тебя знаю. Надеюсь при этом, что ты всегда будешь достоин прозвания, данного тебе милым нашим Никсою (покойный цесаревич Николай Александрович. – В.А.): *честного человека*. Аминь»<sup>434</sup>. В ответном письме цесаревич сожалел, что невольно огорчил отца, и признавался, что «во-первых, я не придавал никакого значения этому, собственно говоря, пустому назначению в члены комиссии, а во-вторых, трудно было их миновать, так как все эти личности, как гласные думы, весьма способствовали мысли осуществления музея, и вряд ли без них это дело прошло бы так скоро и удачно через думу, и отстранить их от этого дела было бы почти что невозможно без явного оскорбления»<sup>435</sup>. Видимо, следует признать, что, не полагаясь на политическую проницательность и такт Александра Александровича и постоянно беспокоясь по этому поводу, император всё же не сомневался в искренности его сыновней, человеческой преданности. Здесь, по-видимому, стоит согласиться с утверждением князя Мещерского, высказанным им в воспоминаниях (при всей их апологетике по отношению к Александру Александровичу), что «в известных куртизанских кружках слова «Аничков дворец» звучали как синоним какого-то особого политического лагеря, по сплетням одних – реакционного, по словам других – оппозиционного, и хотя император Александр II слишком любил своего сына и слишком твёрдо верил в него, чтобы подчиняться влиянию подкрадывавшимся замыслам клеветы, но всё же клевета оставляла а la longue (надолго) известную горечь в уме государя в виде оттенков беспокойства, которые, в свою очередь, огорчали честнейшую и всегда открытую душу цесаревича»<sup>436</sup>.

<sup>434</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 669. Л. 140 – 141. Год спустя Александр II вновь писал цесаревичу, что имеет в нём «добросовестного помощника», и что «милый наш Никса не ошибся, называя тебя *честным человеком*, и я уверен, что ты всегда будешь достоин этого имени». (Там же. Л. 144.)

<sup>435</sup> Там же. Ф. 678. Оп. 1. Д. 732. Л. 11 – 11 об.

<sup>436</sup> Мещерский В.П. Мои воспоминания. С. 829.

Очевидно, что фиаско, которое потерпели «вечера» у Мещерского, раздуваемые слухи и недовольство отца заставили наследника прекратить активную критику Шувалова и его сторонников. Во всяком случае, с начала 70-х гг. упоминания о них практически исчезают со страниц дневника и писем цесаревича. Интересно, что при обсуждении в Государственном совете реформы народного просвещения и вопроса классического и реального образования в 1871 – 1872 гг. вел. кн. Александр Александрович вначале поддерживал «классиков», на стороне которых была и «шуваловская группировка», а затем «реалистов». При этом источники не дают возможности понять мотивацию наследника, однако вполне допустимо высказанное в литературе мнение, что он шёл вслед за своим дядей, вел. кн. Константином Николаевичем, позиция которого менялась так же кардинально<sup>437</sup>. Лишь незадолго до падения Шувалова цесаревич, пожалуй, единственный раз за всё время пребывания графа на посту шефа жандармов открыто выступил против него и его предложений, да и то был вызван на это самим императором. 21 декабря 1873 г. на заседании Совета министров гр. Шувалов и его сторонники потребовали передать в ведение губернских и уездных предводителей дворянства надзор за народными школами<sup>438</sup>. Тут же был прочитан проект рескрипта, предreshавший основные начала будущего закона. После того, как прозвучал ряд возражений против намеченной меры, Александр II, по свидетельству Д.А. Милютин, «обернулся к наследнику цесаревичу и строгим тоном спросил его: «А ты – сочувствуешь ли предлагаемой мере?» Наследник вовсе не был готов к такому вопросу; никогда ещё не случалось в прежних заседаниях Совета, чтобы государь спрашивал его мнение. С некоторым смущением, но довольно решительно наследник ответил: «Нет, не сочувствую...» Тогда государь грозно сказал ему: «А я одобряю предложенную меру и считаю её необходимой. Я делаю это не столько для себя, сколько для тебя и для твоего сына, для будущего вашего спокойствия и безопасности...» Объявив затем своё окончательное решение, государь встал, а мы все вышли из Совета молча, в грустном раздумье»<sup>439</sup>. Князь Д.А. Оболенский, рисуя с чужих слов ту же картину заседания, тоже отмечал, что «говорят, до сих пор не было примера, чтобы государь в присутствии других вызвал наследника на ответ»<sup>440</sup>. Это заседание Совета министров получило самый широкий резонанс в правительственных сферах. Про спор императора с наследником также писали в своих дневниках вел. кн. Константин Николаевич, П.А. Валуев, А.А. Половцов<sup>441</sup>.

Сам цесаревич, не упоминая о размолвке с отцом, отметил в дневнике, что «был Совет министров у папа по поводу народных школ и надзора за ними и, к сожалению, пришли к такому

<sup>437</sup> Об этом см.: *Воронин В.Е.* Русские правительственные либералы. С. 237 – 253.

<sup>438</sup> Подробно об этом см.: Там же. С. 316 – 327.

<sup>439</sup> *Милютин Д.А.* Дневник. 1873 – 1875. С. 70.

<sup>440</sup> *Записки Оболенского.* С. 345.

<sup>441</sup> Дневник Валуева. Т. 2. С. 285 – 286; ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 9. Л. 22 – 22 об.; Там же. Ф. 722. Оп. 1. Д. 105. Л. 73 – 74.

решению, которое меня очень огорчило как самое пустое предложение, и я даже писал потом об этом к папа, но не знаю, какое впечатление произвело это на папа. Конечно, во главе этого милого предложения стоят Шувалов, Толстой и Тимашев, как все принадлежат к одной клике и танцуют под дудочку Шувалова, и ещё надо причислить к ним дурачка Палена, который лает и поддакивает везде Шувалову. Вернулся домой совершенно расстроенный»<sup>442</sup>. В письме к императору Александр Александрович пытался как можно мягче изложить свою позицию, но категорически отказывался её изменить: «Прости мне, милый па, что я пишу тебе, но позволь мне объяснить тебе, почему я не мог согласиться с предложением графа Шувалова. Его предложение было так неожиданно, и никому не было известно о том, что предполагается подобная мера, а этот вопрос слишком важен, чтобы решать его сейчас же, не обдумав, как это сделать, и как устроить, чтобы действительно подобная мера могла принести пользу». «Ведь мы решительно не знаем, — отмечал цесаревич, — насколько подобный надзор со стороны предводителей дворянства может принести пользу. И могут ли они кроме своих довольно обширных дел заниматься ещё надзором за народными школами. Было бы более чем грустно, если после подобного важного рескрипта ничего бы к лучшему не переменялось и осталось бы всё по-прежнему. Моё глубокое убеждение, что именем государя нельзя так неосторожно распоряжаться, и вообще употреблять его как можно реже, а в настоящем деле — это положительно злоупотреблять им, и поэтому прости мне, милый па, но я решительно не могу разделять мнение графа Шувалова и прочих, которые об этом, видно, иначе думают. Я совершенно разделяю мнение, которое, впрочем, я полагаю, и все разделяют, а именно, что необходимо принять самые энергические меры для остановки вредного влияния на народные школы лиц недоброжелательных, но как это сделать, это ещё вопрос, и вопрос очень важный, и надо уже принять меры действительные, а не такие, которые ещё подлежат большему сомнению. Прости мне, милый па, это письмо, но я считаю своим долгом объяснить тебе мои сомнения, которые не успел высказать во время Совета, и что заставило меня не согласиться с предложением графа Шувалова, с которым я никогда не соглашусь, потому что это решительно против моей совести»<sup>443</sup>. Тональность и содержание этого письма, наверное, лучше всего выразили характер и степень «оппозиционности» великого князя в данном вопросе.

Подводя итог государственной деятельности цесаревича Александра Александровича в сфере внутренней политики до середины 70-х гг. следует сказать следующее. Внезапно сделавшись наследником престола, молодой великий князь был психологически не готов сразу воспринять свалившуюся на него ответственность. С одной стороны, не без помощи своего окружения,

---

<sup>442</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 306. С. 49 – 50. Любопытно, что А.А. Половцов писал о защитниках данного предложения примерно в тех же тонах: «Говорили о мере Толстой, Валуев и чуть ли не кретин Пален». (Там же. Ф. 583. Оп. 1. Д. 9. Л. 22 об.)

<sup>443</sup> Там же. Ф. 678. Оп. 1. Д. 729. Л. 276 – 277 об.

прежде всего, князя В.П. Мещерского он признавал необходимость всесторонней образовательной и нравственной подготовки к трону, с другой – с трудом преодолевал свойственные себе «философское» равнодушие к жизни и своим государственным обязанностям, а попросту говоря, лень и инертность вкупе со склонностью к тихой жизни частного человека. На это, собственно, зачастую и наталкивались усилия окружения цесаревича подвигнуть его к более активной деятельности.

Тем не менее, постепенно Александр Александрович втягивается в происходившие в «верхах» политические перипетии, среди прочего, движимый искренним желанием принести посильную пользу на своём поприще. Однако практически в каждом вопросе, в котором наследник принимал участие или по поводу которого хоть как-то высказывался (постольку поскольку это вообще находило отражение в источниках), заметно сильное влияние близких к нему лиц и даже буквальное следование их взглядам и предложениям. Так, благодаря графу И.И. Воронцову-Дашкову цесаревич на долгие годы сделался сторонником группировки фельдмаршала князя А.И. Барятинского, боровшейся с преобразованиями военного министра Д.А. Милютина. В 1869 г. разгорелся крупный конфликт наследника с Военным министерством и лично с Милютиным и его ближайшим сотрудником А.А. Баранцовым по вопросу перевооружения армии новым типом винтовок. Потерпев неудачу (хотя в известной мере поспособствовав ускорению перевооружения), Александр Александрович затаил неприязнь к военному министру, постепенно всё более убеждаясь в его «вредности». Во время подготовки очередных реформ в армии в начале 70-х гг. цесаревич контактирует с противниками Милютина и, очевидно, несочувственно или, во всяком случае, скептически относится к проектам министра. Однако никакого явного противодействия ему не оказывает, да и высказывается довольно сдержанно.

Если влияние Воронцова ограничивалось в основном военной сферой, то князь В.П. Мещерский, К.П. Победоносцев и в меньшей степени князь Н.А. Орлов определяли отношение цесаревича к расстановке сил в правительстве, сложившейся после 4 апреля 1866 г. Начало государственной деятельности Александра Александровича совпало с усилением группировки графа П.А. Шувалова, так называемой «аристократической партии». Вслед за своим окружением наследник крайне отрицательно отнёсся к шефу жандармов и его сторонникам, видя в них олицетворение «космополитизма» и «западничества», чуждых «национальным интересам» России. Наиболее ярко это проявилось в вопросе национальной политики на окраинах (Северо-Западный край, Прибалтика), отношению к земству и печати. В национальном вопросе позицию наследника определяла также нелюбовь к полякам и в особенности к немцам, начало которой, видимо, было положено в детские и юношеские годы великого князя. Неприязнь к «шуваловской партии» вместе наследником разделял и вел. кн. Константин Николаевич, в силу чего дядя

и племянник солидаризировались по многим вопросам в Государственном совете и кулуарно обсуждая действия своих противников. В то же время Александр Александрович сильно расходился с генерал-адмиралом и его сторонником министром финансов М.Х. Рейтерном в вопросах развития промышленности и железнодорожного строительства, став под влиянием окружения на протекционистские позиции. Но всё же вряд ли стоит в то время говорить о той серьёзной неприязни цесаревича к дяде, которая имела место впоследствии.

Несмотря на то, что наследник почти не предпринимал сколько-нибудь открытых шагов против «шуваловской партии», за ним укрепились устойчивая репутация «оппозиционера» курсу правительства и самому императору. Основные причины этого – неосмотрительность самого Александра Александровича, слишком откровенно высказывавшего свою неприязнь при публичных, что порождало многочисленные слухи и сплетни, деятельность его окружения, прежде всего Мещерского, вольно или невольно подставлявшего наследника, поскольку на «вечерах» для цесаревича, организованных князем, собирались те, кого считался приверженцами «русской партии» и противниками «шуваловского засилья». Сам Александр II, по-видимому, искренне верил в честность наследника и в отсутствие у него каких-либо «оппозиционных» поползновений, однако всерьёз беспокоился влиянием окружения на молодого и неопытного цесаревича. Если Александр Александрович делал попытку вмешаться в дела, то император, как правило, отдавал предпочтение мнению представителей правящей бюрократии. В свою очередь, у наследника, во-первых, росло ощущение, что ему не доверяют, не дают возможности проявить себя, с другой – ему казалось, что отца окружают недобросовестные сановники, стремящиеся подчинить монарха своему влиянию и изолировать его от помощи и советов сына. В то же время важно подчеркнуть, что при всём этом нельзя говорить о наличии какой бы то ни было вражды между Александром II и цесаревичем. Скорее, речь может идти либо о взаимном непонимании, либо об определённой психологической несовместимости между императором и наследником, но никак об отсутствии добрых чувств между ними друг к другу.

## Глава 2. Внешняя политика России в восприятии наследника престола

### *§1. Европейская сфера внешней политики*

Как и во внутривполитических делах, вел. кн. Александр Александрович, сделавшись наследником, вполне был осведомлён о всех важнейших переменах в области международных отношений, он присутствовал на докладах министра иностранных дел князя А.М. Горчакова у императора на и на заседаниях Совета министров, на которых обсуждались внешнеполитические вопросы. Александр II делился с сыном самыми секретными дипломатическими мероприятиями. Например, о тайной военной конвенции, заключённой между Россией и Германией в 1873 г., долгое время, помимо канцлера и военного министра Д.А. Милютина, знал только один наследник, притом что германский император не нашёл нужным сообщить о том же кронпринцу<sup>444</sup>. Другое дело, что цесаревич не так уж часто делился своими впечатлениями о текущей внешней политике, поэтому его отношение к этим вопросам и их понимание можно рассматривать лишь ситуативно, применительно к конкретным эпизодам или более глобальным явлениям. Это тем более оправданно, что наследник не отличался особенно систематическими взглядами на иностранные дела и часто, как и в делах внутренней политики, находился под влиянием своего окружения.

Неприязнь наследника к немцам (или, в сфере международных отношений, скорее конкретно к Пруссии и «пруссакам») и его «национальная» ориентация во внутренней политике во многом определяли взгляды Александра Александровича и на внешнеполитические задачи России в Европе. (Конечно, свою роль играли и тёплые родственные отношения с датской королевской семьёй, которая не могла не быть враждебной к Пруссии после поражения, нанесённого ею Дании.) Более того, отношения России и Германии практически и есть та единственная крупная проблема в европейской внешней политике правительства, которую можно более или менее проследить в восприятии наследника престола. В дневнике Александра Александровича до

---

<sup>444</sup> Милютин Д.А. Дневник. 1879 – 1881. М., 2010. С. 97.

Франко-прусской войны 1870 – 1871 гг. следов явного недовольства Пруссией немного. Попадаются отдельные несочувственные записи, вроде сделанной во время Австро-прусской войны 1866 г., что «каналы пруссаки порядком поколотили австрийцев»<sup>445</sup>. Оказавшись осенью 1867 г. проездом в Берлине, наследник принимал Бисмарка, с которым «говорил долго и много спрашивал его о теперешних делах Пруссии, о последней войне. Бисмарк объяснял по-своему, и заметно было, что он многое скрывает и лишнего не скажет ни за что. Говорили тоже о вопросе Северного Шлезвига, но результат очень неудовлетворительный, и, кажется, кроме некоторых городов Пруссия ничего не отдаст Дании»<sup>446</sup>. Однако несомненно, что вместе с вполне чётко выявившимся во второй половине 60-х гг. отношением наследника к остзейскому вопросу и остзейским немцам (и немцам вообще) соседствовало и его нерасположение к Пруссии. Князь В.П. Мещерский в письме от 28 августа 1867 г. с большой настойчивостью втолковывал наследнику о «важном государственном значении для России Ваших отношений к Пруссии»: «На днях в «Московских ведомостях» я прочёл выписку из одной популярной прусской газеты, где по поводу династических отношений Прусского и Российского домов было сказано, между прочим, что *«отношения эти в будущем грозят разрушиться»*. «Кто знает, – продолжал Мещерский, – не есть ли такой взгляд отголосок тех чувств раздражения и обиды, с которыми прусское посольство (приезжавшее осенью 1866 г. специально к свадьбе наследника. – В.А.) выехало из Петербурга и причина коих заключалась в приёме, Вами им сделанном. [...] Если интересы России и её будущности Вам дороги, то во что бы то ни стало Вам надо всё предпринять, чтобы загладить впечатления минувшей осени. Измерьте доблестным Вашим сердцем, можно ли сравнить те минутные тягости, которые Вы на себя возложили, приневоливая к любезностям с пруссаками, с теми опасностями, которые угрожают России от перемены в отношениях к нам этого соседа»<sup>447</sup>. Какие-то основания для подобного внушения, вероятно, были, и надо полагать, что именно об этом эпизоде цесаревич писал в дневнике 3 декабря 1866 г.: «Папа мне сказал, что он слышал, как будто я дурно принял прусского посланника графа Рёдерна. Я был этим очень удивлён и желал бы знать, кто это сочинил. Потом папа мне сказал ещё, что вообще недовольны моим приёмом, что я очень сухо принимаю лиц, которые мне представляются. Это опять неправда, потому что напротив того я стараюсь как можно лучше принимать. Все эти вещи мне очень неприятны и я желал бы очень знать, кто занимается тем, чтобы пересказывать папа всё это»<sup>448</sup>. Быть может, в данном случае речь действительно шла лишь о простой, без всякой задней мысли, неучтивости Александра Александровича, ещё и превратно изложенной

<sup>445</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 299. С. 135.

<sup>446</sup> Там же. Д. 301. С. 68. «Скажите мне, в каком положении дело уступки Северного Шлезвига Дании? – спрашивал у наследника князь Н.А. Орлов 1 сентября 1866 г. – О нём говорится в договоре Пруссии с Австриею, а в законе, представленном прусским палатам нет о том и помина. Я не отстану от этой мысли». (Там же. Д. 944. Л. 64 об.)

<sup>447</sup> Мещерский В.П. Письма. С. 363.

<sup>448</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 300. С. 10.

императору, но основания для подобных толков были. В апреле 1867 г. А.А. Половцов дал в дневнике яркую характеристику взглядов великого князя. По окончании одного из заседаний Русского исторического общества, «наследник, глядя на портреты двух прусских королей, ныне царствующего и покойного, спросил: «Почему эти портреты здесь?» Ему отвечали, что то подарки этих королей князю Горчакову. «Вот приятно получать такие подарки», – сурово и скороговоркою произнёс наследник»<sup>449</sup>.

Франко-прусская война, нашедшая большой отклик во всём русском обществе, тем более не могла не вызвать реакции цесаревича. Его негативное отношение к Пруссии, а также к явно прогерманской позиции императора, никогда не скрывавшего симпатии к родственному прусскому королевскому (а затем и императорскому) дому, выявилось совершенно отчётливо. 2 июля 1870 г., за два дня до мобилизации прусской армии, вел. кн. Александр Александрович писал жене в Данию, что «из Парижа последние известия нехороши, и французы, кажется, решительно хотят войны». При этом он открыто выражал надежду на поражение Пруссии. «Я был бы очень рад, и ещё больше буду радоваться, если они поколотят пруссаков. Вообще эта война будет весьма интересная, как на суше, так и на море. Французы уже начали готовить свой флот и вооружают свои броненосные суда. Я жду с большим нетерпением, когда французы объявят войну, и дай им Бог наказать этих проклятых пруссаков и хорошенько их побить. Мы от этого только выиграем, таково моё мнение. Отлично будет, если французы пошлют свой флот в Киль или другой прусский порт, потому что французский флот лучше и больше, чем прусский. Словом, эта война будет самым интересным, что можно наблюдать в настоящее время. Хоть бы нам не пришлось участвовать, а я боюсь, потому что, ты знаешь, у нас симпатизируют пруссакам, которые в один прекрасный день на свой лад изъяснят нам свою признательность! Момент чрезвычайно интересный». «Надеюсь, – прибавлял великий князь два дня спустя, – что Дания не упустит случая вернуть свои провинции, но, разумеется, не вмешиваясь в войну. Я уверен, что если французы победят, то это и так можно будет устроить»<sup>450</sup>.

По-видимому, зная о настроениях своего сына, Александр II категорически запретил адъютанту цесаревича П.А. Козлову отправиться в качестве наблюдателя во французскую армию, что наследник попытался было устроить через французского посла генерала Флёри<sup>451</sup>. Находясь во время войны на отдыхе в Дании, отцу цесаревич свои впечатления и надежды 30 июля 1870 г. излагал весьма осторожно: «Приехавши сюда, я узнал о победе пруссаков и о сильном потрясении французской армии. Дай Бог, чтобы эта победа пруссаков ускорила и упрочила бы мирное состояние Европы. Здесь эта победа сделала сильный поворот; все те, которые желали

<sup>449</sup> Там же. Ф. 583. Оп. 1. Д. 7. Л. 6 об.

<sup>450</sup> Там же. Ф. 642. Оп. 1. Д. 700. Л. 69 – 69 об., 71 – 71 об. (подлинник на русском и французском языках).

<sup>451</sup> Там же. Ф. 677. Оп. 1. Д. 641. Л. 21.

войны, приутихли совершенно, хотя их было очень мало. До сих пор с кем я ни говорил здесь о политических событиях, все радуются и счастливы, что Дания осталась нейтральной, и что последнее поражение французов образумило всех тех, которые желали войны, и тем избегла Дания неизбежную свою гибель»<sup>452</sup>. Однако в куда более откровенном письме великого князя к Мещерскому от 9 августа звучат совсем иные настроения: «Грустно, очень грустно и тяжело всё, что Вы пишете и много правды в Ваших словах. [...] Часто я думаю о положении России в скором будущем. [...] Поневоле приходится серьёзно подумать о нашей родине, и до неё скоро доберутся поганые пруссаки, и до сих пор есть люди, которые уверены, что она (Пруссия. – В.А.) наша союзница. Не понимаю решительно образа действий нашего правительства, и что за ослепление. Да, покажут нам пруссаки, что значит союз и дружба, и увидим мы тогда, что за дураки мы были всё время. Всё им делали угодное, во всём им помогали, тогда когда они нам ровно никогда и никакой услуги не оказали. Здесь решительно никто не может понять нашей дружбы к пруссакам и не верят этому как делу невозможному. Да, грустно, очень грустно видеть, как мы сами готовим для себя неизбежную опасность и заботимся только о том, чтобы по возможности облегчить пруссакам занять наши балтийские провинции, а может быть, и дальше... Но мне не верится, чтобы это был бы конец, а я уверен, что французы ещё дадут себя знать свиньям пруссакам. О! как я был бы счастлив!»<sup>453</sup>.

Между прочим, сделав отступление, нужно заметить, что мнимое намерение Пруссии, а впоследствии Германии, захватить Прибалтику, оставалось для цесаревича своего рода жупелом, усугублявшим негативное отношение к новому могущественному соседу на западе. В июне 1880 г. германский кронпринц Фридрих Вильгельм, приезжавший в Петербург на похороны императрицы Марии Александровны, имел с Александром Александровичем беседу об отношениях России и Германии, чтобы, как свидетельствует германский посол генерал Швейниц, заложить «основу для точек соприкосновения, если бы страсти грозили натравить два соседних народа друг на друга». В результате наследники «сошлись на том, что обоим государствам война друг против друга совершенно не нужна и нанесла бы лишь большой ущерб обеим сторонам, да и причины к подобной войне нигде нельзя усмотреть. В качестве единственного возможного повода к такому конфликту цесаревич мог назвать не что иное, как желание князя Бисмарка аннексировать прибалтийские провинции». Чтобы убедить цесаревича в обратном, кронпринцу пришлось даже прочитать ему маленькую «лекцию» о том, что представляет собою Германская империя и как она складывалась<sup>454</sup>. Бисмарк, чуть позже непосредственно от кронпринца узнавший о содержании переговоров, был просто взбешён тем, что «великий князь мог сказать и

<sup>452</sup> Там же. Ф. 678. Оп. 1. Д. 729. Л. 209 об. – 210.

<sup>453</sup> Oxford Slavonic Papers. 1962. P. 117, 118.

<sup>454</sup> Denkwürdigkeiten. Bd. II. S. 117.

подумать нечто подобное; уж он-то, казалось бы, информированный более других, не должен бы высказывать такого рода вздор». Швейниц же, возражая канцлеру, напомнил тому о давней точке зрения Каткова, согласной со взглядами Александра Александровича, что «прибалтийские провинции необходимо русифицировать прежде, чем Германская империя будет готова и достаточно сильна, чтобы захватить их»<sup>455</sup>. Впрочем, кронпринц, судя по всему, вообще полагал, что подозрения, высказанные наследником, господствуют в русских «верхах». П.А. Валуев отметил в дневнике 2 июня 1880 г.: «Видел графа Шувалова. Он слышал от германского кронпринца, что ему говорили и государь, и цесаревич, и военный министр о намерении Германии отвоевать у нас остзейцев. Кронпринц удивлён. Я тоже, – но тем, что ему об этом говорили»<sup>456</sup>.

«Какое ужасное известие мы узнали, приехавши сюда. Мак-Магон разбит, армия сдалась, и император Наполеон взят в плен! Это ужасно!»<sup>457</sup> – записывает в дневнике Александр Александрович по возвращении из Дании 24 августа 1870 г. о поражении французской армии под Седаном, тогда как Александр II по тому же самому поводу писал княжне Е.М. Долгоруковой: «Бог с нами. [...] Великая весть, вот прекрасный результат, который превзошёл все мои ожидания»<sup>458</sup>. Как пример разительного отличия во взглядах императора и наследника на происходящее можно привести и отношение цесаревича к награждению солдат и офицеров германских армий русскими наградами. «Я получил, мой добрый и милый друг, письмо Ваше от 2/14 октября – писал великому князю его постоянный корреспондент Н.А. Орлов. – Вполне разделяю Ваше мнение. Раздача Георгиевских крестов произвела на меня самое грустное впечатление. Бисмарк говорит про Государя: «C'est un vrai ami de la Prusse»<sup>459</sup>»<sup>460</sup>. Впрочем, в этом отношении наследник не был одинок. Д.А. Милютин вспоминал, что «государь не скрывал своей радости при получении каждой телеграммы о победах германских войск: немедленно посылала королю Вильгельму поздравительные телеграммы, а по временам – Георгиевские кресты, в таком притом большом числе, что щедрость эта возбуждала в петербургском обществе сетование и насмешки»<sup>461</sup>. 9 сентября один из участников «кружка» Мещерского, князь Д.А. Оболенский, по тому же поводу записывает в дневнике об Александре II, что у него «личное сочувствие, ви-

---

<sup>455</sup> Ibid. S. 135 – 136.

<sup>456</sup> Валуев П.А. Указ. соч. С. 100. Ср. с записью графа Д.А. Милютина о разговоре с германским престолонаследником 27 мая того же года. На замечание Фридриха Вильгельма о необходимости поддержания традиционной дружбы между Германией и Россией Дмитрий Алексеевич отвечал, что «в этом вполне убеждены у нас все сколько-нибудь обладающие здравым смыслом, что если в Германии так распространилось убеждение во враждебном к ней настроении в России, то главным образом способствовала тому журнальная полемика, которая постоянно раздувает и преувеличивает всякое возникающее в политике недоразумение. К этому прибавил я, что и созданную мне репутацию немцефоба обязан я то же прессе, особенно благодаря нашим балтийским немцам. Слова эти были поняты принцем совсем в ином смысле, в каком были мною высказаны; он начал было отрицать всякие помыслы Германии на прибалтийские наши губернии». (Милютин Д.А. Дневник. 1879 – 1881. С. 204 – 205.)

<sup>457</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 304. С. 21.

<sup>458</sup> Цит. по: Милютин Д.А. Воспоминания. 1868 – 1873. С. 637.

<sup>459</sup> «Это истинный друг Пруссии» (фр.).

<sup>460</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 945. Л. 50 – 50 об.

<sup>461</sup> Милютин Д.А. Воспоминания. 1868 – 1873. С. 284.

димо, преобладает над всеми иными соображениями. Всё это вызывало и теперь вызывает сильную реакцию, которая сосредотачивается в лице наследника, вернувшегося на днях с женою из Дании. Вдаваясь в противоположную крайность ненависти к пруссакам и страха перед их возрастающим могуществом, он, кажется, не скрывает чувств своих на внешнюю политику»<sup>462</sup>. Отсюда ясно, что так или иначе новые поводы считать наследника «оппозиционером» могли возникать, в том числе и у государя. Лишь в письме к императрице 16 октября Александр Александрович писал: «Вообще, что за страшные результаты этой войны и как укрепитя и увеличится вся Германия, что не очень выгодно для нас, и рано или поздно, я убеждён, мы должны будем на собственных плечах почувствовать силу Германии». Правда, наследник тут же оговаривался, что «довольно о политике, и я боюсь надоесть тебе, милая ма, а в особенности боюсь, что мой взгляд на нынешние события может быть неверен»<sup>463</sup>.

Вместе с этим, при столь эмоциональном восприятии позиции императора и части «верхов» в отношении побед пруссаков наследник, по-видимому, не принимал во внимание или даже просто не понимал соображений Александра II, который в лице Пруссии надеялся заручиться союзником для отмены нейтрализации Чёрного моря<sup>464</sup>. Последнее, само по себе, безусловно, импонировало цесаревичу, но чёткого осознания внешнеполитических механизмов решения проблемы у него не было. После заседания Совета министров 17 октября 1870 г., на котором обсуждалась известная циркулярная нота Горчакова, разосланная правительствам европейских государств два дня спустя, Александр Александрович отметил в дневнике, что «первый шаг сделан, и теперь остаётся уповать на Господа, что Он нам поможет в этом деле и тем избавит Россию от вечно тяготеющего на ней западного ига!»<sup>465</sup> Матери наследник писал немного погодя о том, «какой огромный шаг сделала Россия, решившись, наконец, разделаться с трактатом 1856 года. Дай Бог теперь провести этот важный вопрос до конца и без войны. Но главное – настойчиво требовать своё право и ни на шаг не отступать от своих прав, которых, кажется, не посмеет опровергать ни одно из европейских государств, показавших уже несколько раз, как они исполняют свои трактаты, тогда как Россия в продолжение уже 14 лет не нарушала своего трактата ни одного разу»<sup>466</sup>. Но всё же взгляд цесаревича (хотя и достаточно поверхностный, он даже ошибочно полагал, что речь идёт об уничтожении всего трактата), настаивавшего на необходимости для России самостоятельной политики на международной арене, независимой от «великих держав», более или менее соответствовал мнению при русском дворе<sup>467</sup>.

---

<sup>462</sup> Записки Оболенского. С. 231.

<sup>463</sup> ГА РФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 115. Л. 121 об. – 122.

<sup>464</sup> Об этом см. подробнее: *Захарова Л.Г.* Указ. соч. // Новая и новейшая история. 2005. №4. С. 144 – 145.

<sup>465</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 304. С. 55.

<sup>466</sup> Там же. Ф. 641. Оп. 1. Д. 115. Л. 123 об.

<sup>467</sup> Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XIX в. М., 1978. С. 176 – 185.

Что же касается событий продолжавшейся войны, то в дальнейшем он лишь довольно сухо фиксировал некоторые известия о боевых действиях и о ходе мирных переговоров. Когда же в Санкт-Петербург прибыл глава Временного правительства Франции А. Тьер, получивший в российской столице от официальных лиц, по выражению Д.А. Милютин, лишь «платонические заявления соболезнования о судьбе, постигшей Францию, да некоторые слабые надежды на нравственное заступничество»<sup>468</sup>, Александр Александрович «принимал г-на Тьера, который мне очень понравился, и я очень приятно с ним разговаривал, и много интересного он рассказывал»<sup>469</sup>. «Франкофильство» великого князя, впрочем, вряд ли простиралось настолько же далеко, как неприязнь к Пруссии. Скорее, под влиянием окружения и чтения в первую очередь, как и ранее, периодической печати, выражавшей точку зрения «русской партии» (особенно «Московских ведомостей» М.Н. Каткова), у него складывался образ Франции как единственного противовеса растущей угрозе со стороны Пруссии, а затем Германии. Генерал Швейниц осенью 1869 г. прямо называл московскую печать, ратующую за «дружбу» России с Францией, «оракулом для наследника»<sup>470</sup>. Франко-прусская война сделалась главным объектом внимания «Московских ведомостей». Порицая саму деятельность Наполеона III и возводя причины неудач французов в войне и общественно-политической жизни ещё к революции 1789 г., Катков, тем не менее, оставался на стороне Франции. В одной из статей, 19 июля 1870 г., Михаил Никифорович писал, что рост могущества Пруссии в ходе войны неизбежно повлечёт за собою уменьшение влияния России, ведь и без того «Пруссия выставила против нас ряд грозных крепостей и вооружилась рассчитанной сетью железных дорог, а северо-восточные границы нашего западного края по-прежнему идиллически открыты»<sup>471</sup>. Очевидно, что суждения, высказываемые цесаревичем, вполне сходились с подобными взглядами и подпитывались ими. Между прочим, примечательно мнение Александра Александровича о Наполеоне III, как о виновнике поражения французов и просто весьма несимпатичной личности. Описывая вел. кн. Михаилу Николаевичу пребывание с отцом в Париже в мае 1867 г., наследник отзывался о французском императоре не иначе, как об «урode»<sup>472</sup>, и признавался В.П. Мещерскому, что «неприятное чувство сидеть возле такого человека»<sup>473</sup>. «Что за несчастная участь Франции и до чего довёл её Наполеон III – это ужасно!» – восклицал цесаревич уже в августе 1870 г.<sup>474</sup>

«Франкофильские» настроения наследника разделялись и князем Н.А. Орловым. «Я знаю, – писал он Александру Александровичу, – что прусское влияние неискоренимо при нашем Дворе.

<sup>468</sup> Милютин Д.А. Воспоминания. 1868 — 1873. С. 299.

<sup>469</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 304. С. 35.

<sup>470</sup> Briefwechsel. S. 61.

<sup>471</sup> Оболенская С.В. Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России. М., 1977. С. 179 – 181.

<sup>472</sup> Там же. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2743а. Л. 22.

<sup>473</sup> Oxford Slavonic Papers. Vol. 10. P. 111.

<sup>474</sup> Ibid. P. 118.

Но признаюсь, что надобно быть слепым, чтобы не понять, что если Францию сотрут с политического поприща, то не будет ни политического равновесия, ни мира надёжного в Европе»<sup>475</sup>. «Скажите, как у нас смотрят на всё это? – вопрошал цесаревича Николай Алексеевич. – Статьи Каткова, по-моему, весьма справедливы. Пруссия будет нам опасным врагом, и пройдут года, пока мы не будем в состоянии с нею бороться»<sup>476</sup>. «О политике нельзя ничего писать по почте, – предупреждал Орлов своего корреспондента 23 сентября 1870 г., – но почти каждую неделю я пишу князю Горчакову. Вам, вероятно, посылают мои письма. Если скрывают, то, вероятно, с целью, чтобы я не развратил Ваши понятия и не отвратил Вас от родственной преданности к дядюшкам»<sup>477</sup>.

Князь Мещерский, на письмо которого цесаревич как раз и ответил 9 августа 1870 г. столь эмоционально, также с сожалением писал про «ряд блестящих побед колбасников и ряд печальных поражений французов», и что «невольно у всех на языке то, что хочешь не хочешь приходит в голову: чёрт возьми, эдак и до нас доберутся, а мы готовы ли и будем ли когда-либо готовы?»<sup>478</sup> Однако нельзя согласиться с категорическим мнением, высказанным в литературе, что Мещерский целиком разделял суждения августейшего корреспондента и своими пространными посланиями лета 1870 г. якобы внушал наследнику, что «главная схватка – с немцами – впереди», и что задача будущего царствования – вооружённая борьба с Германией<sup>479</sup>. Действительно, князь последовательно критиковал проводившуюся Россией внешнюю политику, рассматривая её как «протезирование» амбициям Пруссии, однако сам постепенно склонялся к изоляционизму и «национальной» политике, а в Пруссии и объединившейся Германии всё больше видел здоровый консерватизм, защищаемый Бисмарком<sup>480</sup>. Именно в этом он и старается убедить наследника в своих письмах. «Пруссия – замечательное государство в том отношении, что оно восприяло из революции 1789 года только её великие и благие стороны», – писал князь 10 августа. – В Пруссии власть правительства сильнее и священнее, чем у нас, но в то же время эта сила нечувствительна капризами или действиями произвола, она чувствительна всею массою народного благосостояния или конца в конец государства и порядком ежедневного управления». «А можем ли мы подражать Пруссии? – вопрошал Мещерский. – Материально нет, ибо у каждого государства свои порядки, но принципами – да, не только можем, но даже должны»<sup>481</sup>. Позже, но также в связи с последними европейскими событиями (провозглашение

<sup>475</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 944. Л. 155 об. – 156.

<sup>476</sup> Там же. Л. 158.

<sup>477</sup> Там же. Д. 945. Л. 49 – 49 об.

<sup>478</sup> Там же. Д. 895. Л. 178 – 178 об.

<sup>479</sup> *Далин В.М.* Последние Романовы и князь Мещерский // Вопросы истории внешней политики СССР и международных отношений. М., 1976. С. 286 – 287; *Оболенская С.В.* Указ. соч. С. 156 – 158.

<sup>480</sup> *Карцов А.С.* Русский консерватизм второй половины XIX – начала XX в. (князь В.П. Мещерский). СПб., 2004. С. 259 – 269.

<sup>481</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 895. Л. 190 – 190 об.

Германской империи и отмена части статей Парижского трактата), 24 марта 1871 г. Владимир Петрович формулирует для наследника основные принципы внешней политики: «На вопрос: чего же желать, ответ прост и ясен. *Национальной политики и только!* то есть признания России силою самостоятельную, не нуждающуюся ни в каком союзе, и действующей так, как в данный момент велят ей интересы. Нужно – то внешний союз с Пруссией, нужно – то внешний союз с Австрией, Турцией, с кем угодно, но чтоб никогда внутренняя политика не подчинялась другому двигателю, кроме своих государственных интересов»<sup>482</sup>. Вероятно, по крайней мере отчасти эти положения Мещерского могли бы найти положительный отклик у цесаревича, о чём «очень желал бы знать» и сам князь, однако никакого отзыва на это письмо не известно.

Между тем, в общественном мнении, как России, так и Германии, по-видимому, окончательно сложилось мнение о том, что германофобия наследника русского престола приведёт с его воцарением к войне двух империй. В частности, Мещерский неоднократно повторял об этом Александру Александровичу. «Трудно и мрачно оно (будущее цесаревича. – *В.А.*); и ещё труднее и ещё мрачнее тем, что нет ни единого во всей Германии человека, который бы не был уверен, что Вы враг немцев»<sup>483</sup>, – писал он ему в июле 1871 г. Возвращается князь к этому вопросу и пять лет спустя, осенью 1876 г., побывав в европейских столицах во время поездки на Балканы. По словам Мещерского, в Германии «ныне всякий образованный человек, сверху до низу, все твёрдо убеждены, что в Ваше царствование будет война России с Германией, потому что Вы ненавидите Германию и немцев». И далее Владимир Петрович настойчиво убеждал цесаревича в том, что «долго, очень долго ещё, на два, три или четыре царствования национальная политика для России требует союза с Германией во что бы то ни стало. Война с Германиею – это гибель нашей династии, гибель Ваша и страшнейшая опасность для России!»<sup>484</sup> В русском обществе настроения Александра Александровича также оценивались, как самые радикальные. «Все думают – писал в дневнике А.А. Киреев в декабре 1874 г., – что когда наследник сделается царём, он объявит войну Германии – не думаю, из-за чего? Вот когда придётся делить Австрию – дело иное!»<sup>485</sup> Бывший начальник военно-учебных заведений генерал А.Ф. Забелин вспоминал в эмиграции, что даже в Закавказье, где он жил во второй половине 60-х гг., «в особенности распространялись слухи о нерасположении молодого наследника к немцам и о том, что с воцарением его немедленно разразится война с Германией. В Петербурге, куда я приехал в 1873 г., уже открыто говорили о неприязни наследника к Германии и ко всему немецкому. И наши российские немцы платили ему тем же»<sup>486</sup>. Граф С.Д. Шереметев также писал о начале 70-х гг., что

<sup>482</sup> «Моя преданность Вам имеет одну основу...» С. 142.

<sup>483</sup> Там же. С. 154.

<sup>484</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 895. Л. 303 об., 304.

<sup>485</sup> ОР РГБ. Ф. 126. Д. 6. Л. 100 об.

<sup>486</sup> Забелин А.Ф. Воспоминания об императоре Александре III // Военно-исторический вестник. 1958. №11. С. 20.

«в это время цесаревич слыл за лютого германофоба, хотя репутация эта была преувеличена. Она имела некоторое основание и подкреплялась явною враждебностью к немцам цесаревны»<sup>487</sup>.

Цесаревич знал об этих толках и в мае 1873 г., вскоре после визита в Петербург германского императора Вильгельма I, вынужден был даже оправдываться в письме к матери: «Дай Бог только, чтобы эти добрые отношения Пруссии к России оставались на долгое время, и тогда, конечно, мы на долгое время можем быть покойны, но кто может положиться за это, вот беда! — писал он. — Меня всегда обвиняют в том, что я не люблю немцев и в особенности пруссаков. У меня вовсе нет ни особенной симпатии, ни особенной антипатии к пруссакам, но если дружба наша с Германиею нужна России, то конечно я всегда готов быть в самых лучших отношениях к нашим соседям. Я одному только никогда не поверю, пока они нам не покажут это на деле, что Пруссия истинно нам привержена. Что касается до доброго и честного старика короля, то я конечно верю, что пока он жив, Пруссии нам нечего бояться, а что будет после — один Бог знает; но одно можно положительно сказать, что конечно не Россия первая прервёт хорошие отношения свои с Пруссией!»<sup>488</sup> Однако в свете имевших место высказываний наследника, особенно в период Франко-прусской войны, его утверждение об отсутствии «особенной антипатии» к пруссакам выглядит несколько лукавым, а рассуждения о «честности» Вильгельма I и «истинной приверженности» Пруссии к России отдают явным идеализмом, а не трезвым политическим расчётом и действительным пониманием внешнеполитических задач.

В контексте отношения к Германии интересна реакция наследника на отказ от принятия православия женой вел. кн. Владимира Александровича, урождённой немецкой принцессы, оставшейся лютеранкой. Вскоре после женитьбы брата Александр Александрович писал вел. кн. Михаилу Николаевичу в январе 1875 г. о вел. кн. Марии Павловне, что «одно ещё меня пугает, это то, что она немка в душе, с *германско-бисмаркскими* идеями, и вряд ли откажется от них когда-нибудь, а живя в России и бывши великой княгиней русской, это не может нравиться здесь, и долго еще будут на нее смотреть, как на немку, а не как на русскую великую княгиню!»<sup>489</sup> Что цесаревич имел в виду под «германско-бисмаркскими идеями», выразительно подчеркнутыми в письме, по-видимому, объясняет запись в дневнике князя Д.А. Оболенского, сделанная ещё накануне свадьбы: «Принцесса Мекленбургская потому, главное, упорствует в своём желании остаться протестанткой, что под влиянием прусской политики она считает для немецкой принцессы теперь, когда все немцы после погрома Франции подняли головы, унижительным подчиняться каким-либо условиям»<sup>490</sup>.

<sup>487</sup> Мемуары графа Шереметева. С. 435.

<sup>488</sup> ГА РФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 115. Л. 166 — 166 об.

<sup>489</sup> «Любящий тебя племянник Саша...» // Исторический архив. 2012. №5. С. 158.

<sup>490</sup> Записки Оболенского. С. 352.

Итак, во второй половине 60-х – начале 70-х гг. устойчиво проявились антигерманские взгляды наследника престола во внешней политике, сохранявшиеся и впоследствии. Пруссия, а затем Германская империя представлялись вел. кн. Александру Александровичу серьёзной угрозой России на Западе и, прежде всего, её прибалтийским владениям со значительным немецким населением. Одновременно цесаревич критиковал «прогерманскую» ориентацию в правительстве, при Дворе и у самого императора, особенно в период Франко-прусской войны 1870 – 1871 гг. Всё это способствовало складыванию и распространению мнения, как в России, так и в Германии, что будущий царь – действительный враг западного соседа империи и, воцарившись, будет вести с ним войну. К причинам формирования подобных взглядов великого князя следует отнести, по-видимому, уже имевшиеся психологическую неприязнь к немцам и сложившуюся «национальную» ориентацию наследника во внутренней политике, влияние окружения, в том числе В.П. Мещерского и Н.А. Орлова, прессы, выражавшей интересы «русской партии», а также родственные связи с датской королевской семьёй. Вместе с этим, суждения Александра Александровича по «германскому вопросу» не отличались глубиной понимания, а скорее напротив, были чересчур эмоциональны и идеалистичны, часто высказывались под воздействием минутных впечатлений. Помимо этого, в целом цесаревич высказывался за независимую от «великих держав» внешнюю политику России в Европе, одобряя в этой связи отмену части статей Парижского трактата.

## *§2. Восточный кризис середины 1870-х гг.*

Отношение великого князя Александра Александровича к Восточному вопросу, судьбам Османской империи и балканских славян во многом формировалось под влиянием его окружения. Известно, что представители «русской партии» вокруг наследника, прежде всего, В.П. Мещерский и К.П. Победоносцев, так или иначе одобряли идеи «славянской солидарности» и поддержки братских народов, находящихся «под игом» Турции. Со второй половины 60-х гг. они подчёркивали значение и важность «славянского вопроса» именно для наследника престола, как выразителя «национального» начала. В.П. Мещерский, рассказывая цесаревичу о «Славянском съезде» в Москве летом 1867 г., отмечал, что «многое из этих сходов и речей имеет значение серьёзное для нас, русских, а потому может интересовать Вас более, чем кого-либо другого. [...] Дело серьёзнее, чем кажется, и если единство славян политическое – мечта, то не мечта сближение с теми из славянских племён, которые питают, несмотря ни на какие препятствия, чувство искренней симпатии к России и возлагают на неё надежды в будущем». Вместе с этим Мещерский сетовал на то, что «русское правительство держит себя относительно задунайских и придунайских славян слишком холодно и боязливо», что «со временем может поколе-

бать их чувство преданности к нам»<sup>491</sup>. На это Александр Александрович отвечал, что письмо князя его «очень интересовало, именно, где Вы говорите о славянах. Я почти ничего не слышал о них и очень рад был узнать хоть что-нибудь о их пребывании в Москве»<sup>492</sup>. К.П. Победоносцев, посылая наследнику в октябре 1869 г. книгу московского историка-слависта Н.А. Попова «Россия и Сербия» писал, что «сербское дело во многих отношениях имеет важность для России»<sup>493</sup>. Через графа И.И. Воронцова-Дашкова могли доходить до наследника, так или иначе, идеи, высказываемые в своих работах генералом Р.А. Фадеевым, призывавшим не только к неизбежной войне за освобождение славян, но и к созданию «общеславянского союза» государств во главе с Россией. (Разумеется, что за всем этим скрывалась также полемика с Военным министерством по вопросу новой организации вооружённых сил.)<sup>494</sup>

Одним из первых событий на Востоке, привлёкшим внимание наследника, стал эпизод, связанный с Критским восстанием 1866 – 1869 гг., обсуждавшийся в высших правительственных сферах. 20 января 1868 г. цесаревич заносит в дневник: «Было очень интересное совещание наших послов барона Будберга из Парижа и Игнатьева из Константинополя. Они оба представили свои соображения о нынешней политике, а князь Горчаков написал свой ответ и читал его. Было много возражений со стороны послов, но князь не принимал их и почти что слышать не хотел. Папа был за наших послов, так что Горчаков был совершенно уничтожен. Главное решение – действовать теперь по Восточному вопросу соображаясь с обстоятельствами и бросить лишнюю благородность, которая теперь в политике не годится. С этим князь Горчаков ни за что не соглашался, но мы достаточно видели на деле, к чему вело это благородство в политике и рыцарский характер императора Николая I-го. Заседание было очень интересное, и я очень рад, что был на нём»<sup>495</sup>.

Запись эта отражает, хотя и довольно своеобразно, тенденции, противоборствовавшие в российском внешнеполитическом ведомстве. В середине января 1868 г. посол в Константинополе Н.П. Игнатьев представил меморандум по Восточному вопросу, предлагая канцлеру князю А.М. Горчакову взять курс на поддержку освободительной борьбы криту и прервать всяческие сношения с Европой, демонстрируя незаинтересованность России в отношениях с ней по этому поводу. В целом, главной задачей Игнатьев считал создание на Балканах независимых государств при поддержке России. Канцлер же настаивал на создании Османской империей административных автономий в своих балканских владениях, в чём и искал поддержки европейских

<sup>491</sup> Мещерский В.П. Письма. С. 286, 290.

<sup>492</sup> Там же. С. 665.

<sup>493</sup> Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1. М., 1925. С. 9 – 10.

<sup>494</sup> Кузнецов О.И. Указ. соч. С. 38 – 44.

<sup>495</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 301. С. 213.

держав<sup>496</sup>. Во всяком случае, уже здесь проявилась солидарность Александра Александровича со взглядами Игнатьева, в которых наследнику, судя по всему, виделись признаки решительной и независимой внешней политики в противоположность «лишней благородности» (если не слабости) Горчакова. Личность Игнатьева и его деятельность в «славянском вопросе» уже тогда пользовалась одобрением в окружении наследника. Во время «Славянского съезда» в Москве летом 1867 г. Мещерский писал цесаревичу, что «от сербов, с которыми в особенности я подружился, я слышал самые восторженные отзывы об Игнатеве, нашем после в Константинополе. [...] Пока он в Константинополе, влияние России обеспечено на Востоке, а в нынешнее время это влияние ввиду скорого будущего может много значить для судьбы бедных наших братий на Дунае»<sup>497</sup>. На взгляды наследника могла напрямую влиять и славянофильская пресса, в частности, читаемые им газеты И.С. Аксакова «Москва» и «Москвич». И хотя на их страницах прямая критика нерешительности русской дипломатии отсутствовала, за настойчивыми заявлениями этих газет о настоятельной необходимости решить критскую проблему скрывалось требование активизации помощи Криту и Балканам<sup>498</sup>.

Однако настоящая заинтересованность в Восточном вопросе и немалая роль цесаревича в нём проявились позднее, во время кризиса середины 70-х гг. на Балканах и Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг., что неоднократно отмечалось в литературе. Наряду с императрицей Марией Александровной, вел. кн. Константином Николаевичем, графом Н.П. Игнатьевым и Д.А. Милютиным, наследника обычно причисляли к сторонникам военного решения возникшего конфликта. Однако взгляды и деятельность великого князя в этот период до сих пор не становились предметом специального анализа<sup>499</sup>.

Новый виток кризиса на Балканах, как известно, начался с восстания в Боснии и Герцеговине в июле 1875 г. Александр II, опасаясь его обострения, старался согласовать свои действия с союзниками<sup>500</sup>. 23 сентября (5 октября) 1875 г. он писал цесаревичу, что «в настоящем кризисе согласие с Австрией и Германиею более необходимо, чем когда-либо»<sup>501</sup>. Вел. кн. Александр Александрович тогда еще не проявлял особого интереса к разгоравшейся на Балканах борьбе и развернувшейся вокруг нее дипломатической переписке. Тем не менее, уже 30 июня 1875 г. известный публицист отставной генерал-майор Р.А. Фадеев подал ему записку, доказывая, что «столкновение между правительством и христианским населением Османской империи должно

<sup>496</sup> Сенкевич И.Г. Россия и критское восстание. 1866 – 1869 гг. М., 1970. С. 169 – 170; Хевролина В.М. Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатев. М., 2004. С. 187 – 218.

<sup>497</sup> Мещерский В.П. Письма. С. 289 – 290.

<sup>498</sup> Сенкевич И.Г. Указ. соч. С. 175 – 179.

<sup>499</sup> Восточный вопрос во внешней политике России. С. 201; Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981. С. 10 – 11; Твардовская В.А. Александр III. С. 223 – 225; История внешней политики России. Вторая половина XIX в. М., 1997. С. 178; Чернуха В.Г. Александр III. С. 16 – 18; Мамонов А.В. Самодержавие и «славянское движение». С. 60 – 77; Уортман Р.С. Указ. соч. С. 258 – 265.

<sup>500</sup> Захарова Л.Г. Указ. соч. С. 150; История внешней политики России. С. 176 – 177.

<sup>501</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 669. Л. 154.

произойти в самом близком будущем» и «Россия, даже против своей воли, неизбежно окажется втянутой в эти события», поскольку «не поддержать «турецких» христиан означало бы для России нравственное поражение». При этом Фадеев напоминал о своем авантюрном проекте, одобренном русским послом в Константинополе Н.П. Игнатьевым, согласно которому следовало ослабить Турцию, поддерживая сепаратистские устремления египетского хедива<sup>502</sup>. В декабре 1875 г. через К.П. Победоносцева наследник престола получил от Петербургского славянского комитета серию статей русских и зарубежных «знатоков славянского дела» и «прекрасно составленную» карту расселения южнославянских народов, за что выразил благодарность<sup>503</sup>.

Внимание Александра Александровича к событиям на Балканах периодически можно заметить по его переписке и дневнику. «Что-то будет весною с Востоком?! – задавался он вопросом в письме к вел. кн. Михаилу Николаевичу 17 декабря 1875 г. – До сих пор ни к какому результату с Портою не пришли, а восстание идёт своим порядком, и по достоверным слухам Сербия и Черногория уже сильно начинают поддаваться восстанию и положительно решились, если к весне не будет всё улажено, то принять полное участие в восстании, а тогда Бог знает, чем всё это кончится!»<sup>504</sup> Сходное отношение выражено и в дневнике 23 февраля 1876 г.: «Восточный вопрос начинает всё более и более запутываться, и Бог знает, чем всё это кончится!?»<sup>505</sup> Таким образом, определённого и ясного понимания происходящего со стороны наследника не наблюдалось, напротив, его точка зрения вновь во многом зависела от чужого взгляда. 3 апреля 1876 г. князь Н.А. Орлов, видимо отвечая на неизвестное письмо цесаревича, пишет ему: «Вы спрашиваете, что я думаю об Восточном вопросе? [...] Мне кажется, что лучше всего убедить Европу в необходимости полного невмешательства в турецкие дела. Тогда Румыния, Сербия, Черногория и Греция будут помогать восставшим братьям и будут воевать с султаном. Враждующие стороны ослабнут в борьбе и сделаются уступчивее в обоюдных требованиях. Тогда мы можем явиться посредниками, и тогда, с Божиею помощью, нам, может быть, удастся освободить (переговорами, а не оружием) большую половину Балканского полуострова. [...] Другого плана не могу придумать. Он представляет ту огромную выгоду, что не вовлечёт нас в войну, которая в настоящее время была бы настоящим бедствием для России»<sup>506</sup>. Очевидно, под влиянием этого письма в дневнике Александра Александровича появляется 29 апреля следующая запись: «В Берлине теперь идёт конференция и переговоры между Горчаковым, Бисмарком и Андраши. Каков будет результат, увидим?! Я думаю, что никакого, потому что ни к чему иному прийти нельзя, как предоставить самим христианам разделаться с турками, а главное, на что надо на-

<sup>502</sup> Кузнецов О.И. Указ. соч. С. 88 – 89; Хевролина В.М. Указ. соч. С. 235.

<sup>503</sup> Письма Победоносцева. С. 40; К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 2. Минск, 2003. С. 567.

<sup>504</sup> «Любящий тебя племянник Саша...» // Исторический архив. 2013. №1. С. 114.

<sup>505</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 307. С. 71.

<sup>506</sup> Там же. Д. 946. Л. 26 – 29 об.

стаивать, это чтобы никакая нация не вмешивалась в их дела, а потом уже вопрос выяснится сам по себе так или иначе. Я вполне уверен, что это единственный и лучший результат, который можно желать»<sup>507</sup>.

В течение 1876 г. деятели набиравшего силу в России «славянского движения» поддерживали отношения с вел. кн. Александром Александровичем через близких к нему людей, прежде всего, К.П. Победоносцева и графа И.И. Воронцова-Дашкова (начальника штаба цесаревича по Гвардейскому корпусу). О Воронцове впоследствии его сотрудник по Министерству двора В.С. Кривенко вспоминал, что «славянское движение середины 70-х годов подхватило графа. Он усиленно содействовал, чтобы оно не погасло в самом начале; деятельно работал над вербовкой добровольцев-офицеров, снабжением их материальными средствами и отправкой их в Сербию»<sup>508</sup>. Попытались воздействовать на наследника и через салон императрицы Марии Александровны, у которой помощь славянам встретила горячее сочувствие. Так, профессор В.И. Ламанский, делавший в мае 1876 г. в присутствии императрицы чтения «об исторических судьбах славянства», по свидетельству Победоносцева (помогавшего в организации чтений) в письмах к Е.Ф. Тютчевой и графу С.Д. Шереметеву, более всего рассчитывал на цесаревича, и тем более было огорчительно, когда наследник не смог побывать на наиболее интересном чтении, а другим, менее удачным, остался недоволен<sup>509</sup>.

Отрицать симпатии наследника к «славянскому движению» и попытки содействия ему, безусловно, нельзя. 22 апреля 1876 г. А.А. Киреев отмечает в дневнике слова наследника, сказанные неизвестному лицу (в тексте дневника для его имени оставлен пропуск, но оно так и не было вписано), что «он вполне сочувствует делу Славянского комитета и жалеет о том, что не может принять *деятельного* в нём участия»<sup>510</sup>. Примерно те же самые слова Киреев занёс в дневник месяц спустя, рассказывая о приезде в Россию представителя «русской партии» в Чехии Гарраха, «очень хорошо» принятого цесаревичем<sup>511</sup>. В мае 1876 г. наследник также принимает у себя Р.А. Фадеева, ведёт с ним речь о событиях на Балканах и о помощи восставшим болгарам. Как явствует из письма самого генерала к Н.П. Игнатьеву, цесаревич одобрил заключения Фадеева о том, что общая политика России должна способствовать деятельности русского посла в Константинополе, который якобы один только своим личным влиянием, несмотря на все препоны, отстаивал «русское дело» на Востоке, и выразил своё «неограниченное доверие» к Игнатьеву. Кроме того, Фадеев, занимавшийся сбором средств для помощи восстанию, «заручился от наследника выражением, что русским людям теперь естественнее всего благотворить

<sup>507</sup> Там же. Д. 307. С. 98.

<sup>508</sup> Кривенко В.С. В Министерстве двора. Воспоминания. СПб., 2006. С. 144.

<sup>509</sup> ОР РГБ. Ф. 230. К. 4408. Д. 11. Л. 13 об.; РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 1335. Л. 15. См. об этом также: Мамонов А.В. Правящая бюрократия. С. 109 – 110.

<sup>510</sup> ОР РГБ. Ф. 126. Д. 6. Л. 120.

<sup>511</sup> Там же. Л. 122 об.

несчастливым булгарам». Была им представлена и записка о состоянии и решении Восточного вопроса и положении русской дипломатии<sup>512</sup>. Последняя, представленная также Игнатьеву и Н.К. Гирсу, по свидетельству Д.А. Милютина имела даже некоторое сочувствие у императора<sup>513</sup>. Позже, в сентябре, Александр Александрович принимает косвенное участие в помощи оружием со складов Военного министерства балканским славянам, причём Фадеев старался использовать в своих интересах не только и не столько самого наследника, сколько его имя, злоупотребляя этим<sup>514</sup>. Когда русским офицерам было разрешено отправляться на Балканы добровольцами, 24 августа 1876 г. А.А. Киреев отметил, что «наследник даёт каждому из своих офицеров (гвардейских) по 800 рублей на проезд в Сербию»<sup>515</sup>. «Всем известно, что наследник цесаревич принимал и продолжает самое деятельное участие в славянском деле, — писал в дневнике военный министр. — К сожалению, к нему втираются в доверие такие пройдохи, каков, например, Ростислав Фадеев и ему подобные. Исходящая из Аничковского дворца агитация идёт совершенно вразрез официальной политике; государь это знает и смотрит сквозь пальцы»<sup>516</sup>. «Интрига не дремала вокруг двора цесаревича, — вспоминал граф С.Д. Шереметев, — и военная партия преимущественно старалась привлечь к себе цесаревича. Лица, пользовавшиеся его сочувствием — Черняев, Фадеев и прочие, деятельно старались привлечь его к сочувствию готовящейся затее. Отчасти им удалось повлиять на графа Воронцова, а косвенно и на цесаревича, который принимал к сердцу готовящееся движение и по молодости лет и по неопытности содействовал известному настроению»<sup>517</sup>.

Всё это стало причиной того, что досужие языки прочно связывали имя наследника престола с «партией действия», оппозиционно настроенной по отношению к правительству и добивающейся объявления войны Турции. Однако при недостатке источников, как уже верно отмечалось в литературе, всё же «трудно сказать, где проходила грань между действительным участием наследника в «славянском движении» и слухами и мистификациями, распространявшимися руководителями этого движения в своих интересах», «чем меньше великий князь высказывался, тем больше ему приписывалось»<sup>518</sup>. В этом отношении показательным также свидетельство, содержащееся в агентурном донесении от 10 апреля 1876 г., направленном в III Отделение. «Редактор-издатель журнала «Гражданин» князь Мещерский, — говорилось в нём, — распространяет слух, что журнал его подвергся запрещению не за какую-либо статью, а собственно ввиду опасения разъяснений и той поддержки, какую мог оказать этот журнал политике наследника цеса-

<sup>512</sup> ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4050. Л. 24 – 25, 26 об.

<sup>513</sup> Милютин Д.А. Дневник. 1876 – 1878. С. 84 – 85; см. также: Кузнецов О.И. Указ. соч. С. 93 – 94.

<sup>514</sup> Кузнецов О.В. Указ. соч. С. 96 – 99.

<sup>515</sup> ОР РГБ. Ф. 126. Д. 6. Л. 130.

<sup>516</sup> Милютин Д.А. Дневник. 1876 – 1878. С. 126.

<sup>517</sup> Мемуары графа Шереметева. С. 590.

<sup>518</sup> Мамонов А.В. Самодержавие и «славянское движение». С. 69 – 70.

ревича, идущей, по уверению князя Мещерского вразрез с политикой государя императора. Князь Мещерский, как известно, уверяет, что «Гражданин» есть личный орган наследника цесаревича»<sup>519</sup>. Тем самым в какой-то мере повторялась рассмотренная выше ситуация конца 1860-х – начала 1870-х гг. когда вел. кн. Александра Александровича точно так же считали если не главой, то, по крайней мере, деятельным сторонником «национальной партии» и, главное, рьяным «оппозиционером» правительственному курсу.

И снова двусмысленность подобного положения, по-видимому, гораздо лучше осознавалось как окружением наследника, так и императором, чем самим Александром Александровичем. Победоносцев, при всём его сочувствии к «славянскому делу», летом 1876 г. призывал цесаревича к осмотрительности с людьми, «которые могли бы понести и раздуть Ваше слово», советовал опасаться принимать у себя «ревнителю» и помнить, что «в теперешнем положении Вашем то будет золотое слово, которое останется невысказанным»<sup>520</sup>. Когда же, как пишет в дневнике А.А. Половцов, к Воронцову-Дашкову явилась депутация московских купцов, чтобы просить графа возглавить сбор средств для поставки оружия болгарам, то испрашивая позволения Александра II, граф первым делом предусмотрительно заверил государя, что цесаревич ничего не знает об этом предприятии. В свою очередь, император, «настаивая на том, чтобы кто-нибудь другой принял на себя верховное распоряжение этим делом», «выразил ту мысль, что вероятно московские купцы и обратились к Воронцову потому, что он близко стоит к цесаревичу». «Без сомнения, – сказал Воронцов, – только не подумайте, государь, что бы они хотели сколько-нибудь выставить имя цесаревича против Вашего. – Нет, – отвечал государь, – цесаревич слишком честен для того, и я слишком в нём уверен. Его могут обойти, но прямо против меня восстановить не могут. – Вы можете быть в том уверены, государь, – сказал Воронцов-Дашков, – было время, когда его могли с успехом подбить, но это время окончательно прошло»<sup>521</sup>.

Александр II и лично напоминал сыну об осторожности и опасности увлечения «славянским делом». «Признаюсь, я ничего путного не ожидаю, а предвижу кровавую развязку. Дай Бог только, чтобы она не вовлекла нас в войну, – писал он цесаревичу из Эмса 25 мая (6 июня) 1876 г. о балканских повстанцах, – которую, разумеется, не мы начнем в пользу славян, ибо русские интересы для меня дороже славянских, что ты от меня неоднократно слыхал, и я вполне уверен,

---

<sup>519</sup> ГА РФ. Ф. 109. Оп. 1а. Д. 2181. Л. 1. Сам В.П. Мещерский вспоминал, что будучи одержим «бесом братушколюбия» и возбуждённый «слухами, представлявшими Россию в печальной зависимости от европейской антиславянской коалиции», он «пришёл в такой воинственный и славянофильский азарт, что в один присест накатал длинную статью под заглавием «Славянская летопись», где напомнил предания измены и коварства Австрии и доказывал, что есть для России нечто хуже и опаснее войны – роль прислужницы Европы и мир, купленный ценою русского позора». В результате «Гражданин» был приостановлен на два месяца. Впрочем, князь утверждал, что хотя статья и «озлила» больше всего министра внутренних дел Тимашева, «государь, которому её показали, не рассердился. Он сказал, что она чересчур горяча и необузданна, но что в ней есть верные мысли...» (*Мещерский В.П. Мои воспоминания. С. 449 – 450.*)

<sup>520</sup> Письма Победоносцева. С. 45 – 46.

<sup>521</sup> ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 11. Л. 62 – 64.

что и ты разделяешь мой взгляд, несмотря на возгласы части нашей прессы и публики». Император уповал еще на то, что «мы находимся в полном согласии с Германиею, Австриею, Франциею и Италиею» и «одна только Англия старается делать нам неприятности на каждом шагу и хочет выставить себя единственною покровительницею распадающейся Турции»<sup>522</sup>. Со своей стороны, наследник престола сожалел, что политические осложнения мешают отцу отдыхать и лечиться, возмущался «политикой эгоизма» Великобритании и вопрошал в конце июня: «Что-то будет теперь? Очень интересный и знаменательный момент истории!»<sup>523</sup>.

В начале сентября, в разгар «славянской» агитации, будучи в Царском Селе, вел. кн. Александр Александрович впервые более или менее определенно высказался в дневнике о сложившемся в стране положении: «Вся Россия говорит о войне и желает ее, и вряд ли обойдется без войны. Во всяком случае она будет одна из самых популярных войн, и вся Россия ей сочувствует»<sup>524</sup>. 21 сентября император телеграммой вызвал цесаревича в Крым, как обычно, желая, чтобы наследник находился в курсе всех основных внешнеполитических вопросов, «потому что обстоятельства слишком важны, и он хотел, чтобы я знал все подробнее и был бы здесь, пока все не разъяснится или решится», – записывает великий князь в дневнике по приезде в Ливадию<sup>525</sup>. Военный министр Д.А. Милютин объяснял даже вызов наследника «странным предчувствием» Александра II, что он, подобно своему отцу, не переживет войны, начало которой становилось все более неизбежным<sup>526</sup>. Между тем, в Петербурге сразу распространились слухи, что великий князь вызван для личных объяснений с государем из-за славянофильской агитации «партии действия», «которые задевали Царское Село»<sup>527</sup>. Это предположение до некоторой степени оказалось верным. На первом же совещании в Ливадии по приезде цесаревича 25 сентября государь стал упрекать канцлера Горчакова в поддержке отправления в Сербию русских запасных солдат, по мнению Милютина, «в косвенное назидание наследнику цесаревичу. Он даже упомянул об излишнем и неуместном усердии некоторых гвардейских начальников, которые побуждали молодых офицеров брать отставку, чтобы отправляться в Сербию»<sup>528</sup>. В последнем случае Александр II явно намекал в первую очередь на Воронцова-Дашкова.

Сам Александр Александрович в день прибытия в Ливадию отметил в дневнике, что принимал участие в совещании «с Горчаковым, Милютиным, Игнатьевым и графом А.В. Адлербергом». «На этом заседании папа высказал его мнение и решение, а именно, что если мы не добьемся политическими переговорами до положительного результата, то он другого

<sup>522</sup> Там же. Ф. 677. Оп. 1. Д. 669. Л. 157. Подробнее см.: *Захарова Л.Г.* Указ. соч. С. 152 – 153; *Международные отношения на Балканах 1856 – 1878 гг.* М., 1986. С. 259 – 260.

<sup>523</sup> ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 732. Л. 53 об., 60 об.

<sup>524</sup> Там же. Ф. 677. Оп. 1. Д. 307. С. 117.

<sup>525</sup> Там же. С. 119.

<sup>526</sup> *Милютин Д.А.* Дневник. 1876 – 1878. С. 126.

<sup>527</sup> Дневник Валуева. Т. II. С. 390.

<sup>528</sup> *Милютин Д.А.* Дневник. 1876 – 1878. С. 130.

исхода не видит, как объявить войну Турции. Вот первое впечатление, которое я вынес из заседания»<sup>529</sup>. Как раз накануне в Ливадию вернулся граф Ф.Н. Сумароков-Эльстон, который привез ответ императора Франца Иосифа на запрос Александра II об австрийских намерениях на Балканах и возможности совместных действий в Боснии и Болгарии. «Миссия Сумарокова-Эльстона, – сообщал цесаревич жене, – вновь доказала нам, что мы ни на кого не можем рассчитывать и что мы должны действовать одни. Папа предложил австрийскому императору теперь же занять своими войсками Боснию и Герцеговину, а нашими – Болгарию, чтобы защитить эти провинции от турок и попытаться прекратить войну. Австрия под любым предлогом на это не соглашается, но, по крайней мере, сообщает, что, если мы объявим войну Турции, она не будет нам мешать, но, со своей стороны, оккупирует Боснию и Герцеговину и удержит часть этих провинций насовсем. Папа доволен этим письмом императора Франца Иосифа – по крайней мере оно искренне и показывает нам, чего хотят австрийцы. Англичане ежеминутно меняют свою позицию, так что на них больше нельзя рассчитывать»<sup>530</sup>. В разговоре с Милютиным император тогда же заметил, что «уже потерял надежду на коллективное решение вопроса и с прискорбием видит необходимость изолированного действия»<sup>531</sup>.

С нескрываемым негодованием цесаревич характеризовал английскую политику. По его мнению, Великобритания совершенно забыла о долге «христианской державы». Когда в начале октября были получены известия, что в случае, если Россия порвет дипломатические отношения с Турцией и предпримет враждебные ей действия, Англия займет своими войсками и флотом район Босфора, вел. кн. Александр Александрович писал дяде вел. кн. Михаилу Николаевичу: «Это, конечно, мы предвидели, но надеялись, что после всего того, что происходило в Англии в это последнее время, и того негодования нации против правительства, оно не посмеет идти заодно с турками, но как видно Англия не имеет срама и не признает себя христианской страной, а хуже самих мусульман! Это делает ей честь, и только история со временем оценит всю заслугу христианству, принесенную этой милой нацией»<sup>532</sup>.

С первых же дней пребывания в Крыму вел. кн. Александр Александрович проявил себя сторонником решительных действий и резко критиковал престарелого князь А.М. Горчакова, якобы только оттягивавшего неизбежную войну. Сложно сказать, насколько наследник престола понимал замыслы канцлера и в какой степени в тот или иной момент его настроение соотносилось со взглядами отца, однако, судя по всему, немалое влияние на цесаревича оказывало регулярное общение с Н.П. Игнатьевым. Последнее только способствовало росту прежних симпатий Александра Александровича к послу в Константинополе. Игнатьев, следуя своим прежним

<sup>529</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 307. С. 119.

<sup>530</sup> Там же. Ф. 642. Оп. 1. Д. 705. Л. 12–12 об. (подлинник на французском языке).

<sup>531</sup> Милютин Д.А. Дневник. 1876 – 1878. С. 129.

<sup>532</sup> «Любящий тебя племянник Саша...» // Исторический архив. 2013. №1. С. 125.

принципам, на протяжении всего Восточного кризиса отстаивал независимость политики России от «европейского концерта» (особенно от Австро-Венгрии), требовал «ясной и положительной» программы, напоминал, что «пока ведутся беспредметные дискуссии, льется кровь, теряется время»<sup>533</sup>. «Мы все ждем, ждем и ждем, а чего ждем – конечно войны!.. Вот что значит нерешительная дипломатия полурасмягченного канцлера!!!» – сетовал наследник в письме к брату, вел. кн. Владимиру Александровичу<sup>534</sup>. «Игнатъев не знает уже, что и делать, – делился тогда же цесаревич с женой, – и как с достоинством выпутаться из этого, он утверждает, что Горчаков полностью потерял голову, и даже Боткин ему сказал, будто он замечает у канцлера симптомы старческого маразма!». Игнатъев, полагал вел. кн. Александр Александрович, «очень хорошо понимает настоящий момент, которым если мы не воспользуемся, то дело будет испорчено на долгое время, если не навсегда. Чем раньше мы объявим войну, тем лучше для России и выгоднее»<sup>535</sup>. Позже наследник престола писал Победоносцеву: «К счастью, когда я приехал сюда, то застал Игнатъева, который раскрыл глаза всем и так их пичкал, что, наконец, пришли к какому-нибудь плану действий»<sup>536</sup>. Когда же в конце октября под давлением России Порты согласилась на двухмесячное перемирие с Сербией, цесаревич не скрывал от Победоносцева своей досады на то, что «опять предлог объявить войну не удался»: «Дипломатия так все запутала, что без положительного повода войну нельзя объявить Турции»<sup>537</sup>. Поддержку своим взглядам Александр Александрович мог найти и в письме князя В.П. Мещерского, написанном им в начале октября в Петербурге после возвращения из поездки в Сербию и Черногорию (и, очевидно, полученном ещё в Ливадии). Под впечатлением увиденного Владимир Петрович без колебаний уверял цесаревича в том, что трудно отыскать более благоприятного момента для вооружённого вмешательства России, поскольку «Германия и Франция не тронутся, а Англия одна вряд ли посмеет идти на войну с Россиею, и что с турками могли бы справиться две дивизии, война России и Турции именно теперь безусловно нужна»<sup>538</sup>.

Наряду с этим, тот же Победоносцев в письмах к наследнику эмоционально описывал, «в каком возбуждении находится в эту минуту русское общество». «Многим уже представляется, – утверждал он, – что правительство погрузилось в какую-то апатию, в сознание внешней и внутренней своей слабости», и растёт «недовольство и недоверие к власти, которая ни в чем явственно и определительно не высказывается». Ему представлялось, что «если все это кончится ничем или каким-нибудь смазанным миром к нашему стыду и к удовольствию *так называемых* союзников наших, все нынешнее возбуждение общества, выступающее теперь наружу, *войдет*

<sup>533</sup> Восточный вопрос во внешней политике России. С. 201, 212; Хевролина В.М. Указ. соч. С. 235 – 236.

<sup>534</sup> ГА РФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 378. Л. 43 об., 44 об.

<sup>535</sup> Там же. Ф. 642. Оп. 1. Д. 705. Л. 16 об. (подлинник на французском языке).

<sup>536</sup> Победоносцев и его корреспонденты. С. 569.

<sup>537</sup> Там же. С. 569.

<sup>538</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 895. Л. 302.

*внутри* и между правительством и народом может возникнуть такая глубокая рознь, какой у нас еще не бывало в истории»<sup>539</sup>. Возможно, что именно об этом письме или копии с него шёл позднее разговор Александра Александровича с графом С.Г. Строгановым (во всяком случае, в записи А.А. Половцова об этом есть какая-то неточность: письмо Победоносцева собственно к Александру II не известно) о том, что «он в Ливадии получил прекрасное письмо от Победоносцева для представления государю, но что он, цесаревич, никогда не решится передать это письмо государю, а отдал его государыне, у которой оно, вероятно, и осталось»<sup>540</sup>. Мещерский также писал, что «вдруг неожиданно и негаданно является такая минута, когда от правительственной политики требуется то именно, чего она тщательно избегала: *определённой цели*. Это отсутствие определённой цели продолжает существовать и теперь. В России, в Вене, в Берлине и в Белграде меня поразило то, что никто не знает: чего именно мы хотим, и это-то составляет главную причину нашей слабости, главную причину нынешней розни между Россиею, как общество, народ, и между его правительством»<sup>541</sup>. Соответственно и в письмах цесаревича из Ливадии появляются суждения, что несмотря на ненужные попытки решить дело миром, «все-таки кончится войною или страшной бурей внутренней!»<sup>542</sup>.

Впрочем, следует подчеркнуть, что настроения вел. кн. Александра Александровича в Ливадии отнюдь не определялись только полученными письмами Победоносцева и Мещерского. Хотя, конечно, Константин Петрович и князь, хорошо зная взгляды и чувства наследника, установившееся ранее не без их собственного содействия, могли на него воздействовать. Но политику министров цесаревич бранил задолго до их писем, уже 30 сентября он писал цесаревне: «Просто тошно становится, когда подумаешь, до чего мы дошли, и что за мелкие и подленькие личности стоят у нас во главе правительства, и ни одного человека нет в администрации, который был бы хоть чем-нибудь в роде государственного человека; ничего подобного, и это только и заметно в подобных нынешних трудных обстоятельствах, вся эта сволочь чиновники, заботящиеся о своем брюхе и больше ничего, а не министры Российской империи! Нет у папа ни одного человека порядочного, который говорил бы ему правду и был бы правда его помощником, и знал бы, и любил Россию, и был бы истинно русским человеком, служащий своему государю и отечеству из убеждений, а не как наемник! Я один ничего не могу сделать и ничего говорить не могу, потому что папа не поверит мне, а если был бы здесь теперь хоть фельдмаршал Барятинский, много можно было бы переговорить с ним и с папа и вывести все на чистую воду; а теперь что, каждый врет чепуху и ничего полезного предложить не умеет!»<sup>543</sup>. И вовсе неуди-

---

<sup>539</sup> Письма Победоносцева. С. 48 – 50.

<sup>540</sup> ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 11. Л. 99.

<sup>541</sup> Там же. Ф. 677. Оп. 1. Д. 895. Л. 289 об.

<sup>542</sup> Там же. Ф. 642. Оп. 1. Д. 705. Л. 39 об. – 40.

<sup>543</sup> Там же. Л. 20 – 20 об.

вительно, что «мелким и подленьким личностям» противопоставлялся князь А.И. Барятинский. Ещё со времен «ружейного дела» и борьбы в «верхах» за перспективы военной реформы фельдмаршал оставался для цесаревича признанным авторитетом и своего рода «светлой личностью» по сравнению с сановниками, находящимися у власти. Так и осенью 1876 г. он рекомендовал отцу, размышлявшему о том, кого бы поставить во главе Действующей армии на Балканах, обратиться за советом к Барятинскому, который «настолько знает мир и так опытен в военных делах»<sup>544</sup>.

Вел. кн. Владимир Александрович, остававшийся в Петербурге, но осведомленный о событиях в Ливадии (не располагая лишним временем для переписки, вел. кн. Александр Александрович, приехав в Крым, просил жену прочитывать брату «все, что может его интересовать»<sup>545</sup>), во многом сочувствовал цесаревичу и в то же время старался смягчить категоричность его суждений. «Из писем к Минни я мог ясно понять, какие тяжелые минуты ты должен был переживать с первого дня твоего пребывания в Ливадии, – писал он 18 октября. – Нет сомнения, что годы долгого спокойствия, как внешнего, так и внутреннего, полезны для всякого государства; для России же в особенности, после нашего страшного крымского погрома. Но, с другой стороны, это же самое спокойствие имеет также и свои невыгоды: оно приучает людей, а нас, русских, в особенности, жить спустя рукава». В своих оценках вел. кн. Владимир Александрович был более рассудителен: «Ты обвиняешь людей высокопоставленных, что они не любят России и не знают, и с первым я не могу быть вполне согласным: я убежден, что они ее по-своему, да любят. Вернее, они ее не знают: с этим я вполне согласен». При этом каждый министр «тянет в свою сторону, общей солидарности никто из них не хочет признавать». «При таких условиях общей цели существовать, конечно, не может, – заключал великий князь. – Помнишь же, как папа неоднократно об этом горевал и даже высказывал откровенно свои мысли по этому поводу самим министрам? Нечему дивиться, что в трудные минуты советников дельных нет»<sup>546</sup>.

Общая неприязнь цесаревича к министрам отца особенно резко проявилась в его отношении к министру финансов М.Х. Рейтерну, который был вызван в Ливадию, чтобы указать, на какие средства можно рассчитывать в случае войны. (Не следует при этом также забывать той неприязни к Михаилу Христофоровичу, которая сформировалась у наследника ещё во второй половине 60-х гг.) 3 октября 1876 г. Рейтерн подал императору записку, в которой с завидной академичностью, но не считаясь с реалиями международной ситуации, доказывал, что Россия не выдержит «европейскую войну». Война, полагал он, неминуемо приведет «не только к расстройству», но и «к погрому наших финансовых и экономических интересов», и Россия «будет под-

<sup>544</sup> Там же. Л. 16 об. – 17 (подлинник на французском языке).

<sup>545</sup> Там же. Л. 27.

<sup>546</sup> Там же. Ф. 677. Оп. 1. Д. 737. Л. 56 – 57.

вергнута такому разорению, с которым никакие бедствия в ее прошедшем сравниться не могут». Александр II усмотрел в этом критику своего царствования и проведенных им реформ, заметив на следующий день Рейтерну во время совещания, что «средства есть, но надобно уметь и хотеть их достать»<sup>547</sup>. До совещания записку читал только наследник престола, с возмущением писавший жене: «Привезли сюда на днях министра финансов, чтобы переговорить с ним о средствах для ведения войны. Представил он сегодня записку. Папа дал и мне ее прочесть и что же – ничего в ней нет, как то, что всякому ребенку известно, что война – весьма разорительная вещь и повлияет на нашу промышленность. Да Боже, кто же этого не знает, да не это у него спрашивали, а про средства, или как он полагает приступить к изысканиям средств, ни слова; и это называется русский министр финансов, понимающий интересы и достоинство России, да к черту этого поганого немца; слава Богу, найдется на матушке России из 80000000 жителей хоть один министр финансов настоящий! Просто ужас берет видеть и слушать все это, а вдобавок в этой поганой Ливадии, далеко от всего, никого не видишь из людей мыслящих и не с кем переговорить, посоветоваться. На бедного папа жаль смотреть, правда и мне кажется, что он теперь только начинает страшно разочаровываться во всех лицах, образующих его правительство; теперь только ясно будет ему все, и что за люди на местах министров, что за бездарность, пошлость и пустота его окружают. Это разочарование, я уверен, сильно подействует на него! А я, первый его помощник, я, нарочно вызванный сюда, сижу, слушаю, вижу и ничего один не могу сделать и что же я могу один против их всех, а не будь это в Ливадии, а в Петербурге, я уверен, многое можно было бы совершенно перевернуть к верх ногами и направить все дело на новую, свежую и здравомыслящую дорогу!?!?»<sup>548</sup>. Помимо крайней несдержанности в оценках, здесь проявились и привычные антинемецкие взгляды вел. кн. Александра Александровича. В письме к вел. кн. Михаилу Николаевичу о Рейтерне цесаревич выразился еще резче: «На него нечего и рассчитывать, просто колбасник немец; слава Богу, и без него найдутся средства на матушке России»<sup>549</sup>.

В письмах из Ливадии цесаревич постоянно отмечал свое одиночество и бессилие, отсутствие единомышленников, с которыми можно было бы посоветоваться (за исключением Игнатьева, с которым обсуждались, однако, лишь вопросы внешней политики). «Более ненормального положения быть не может, как теперь, – писал он Победоносцеву, – все министры в Петербурге и ничего не знают, а здесь все вертится на двух министрах: Горчакове и Милютине. Канцлер состарился и решительно действовать не умеет, а Милютин, конечно, желал бы избегнуть вой-

<sup>547</sup> Куломзин А.Н., Рейтерн-Нолькен В.Г. М.Х. Рейтерн: Биографический очерк (с приложениями из посмертных записок М.Х. Рейтерна). СПб., 1910. С. 158 – 159, 160 – 161, 166.

<sup>548</sup> ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 705. Л. 25 об. – 26 об.

<sup>549</sup> «Любящий тебя племянник Саша...» // Исторический архив. 2013. №1. С. 124.

ны, потому что чувствует, что многое прорвется наружу»<sup>550</sup>. Между тем именно военный министр 4 октября представил Александру II записку, подготовленную и привезенную в Ливадию Н.Н. Обручевым, которая предусматривала объявление Турции войны и начало боевых действий уже в конце осени 1876 г.<sup>551</sup> Но если наследник престола не видел вокруг себя людей, признающих неизбежность войны, то многие современники оценивали ситуацию иначе. А.А. Киреев со слов генерала А.А. Зелёного, вернувшегося из Ливадии, писал в начале октября, что «государь и Горчаков очень трусят перед войной (это ему сообщали «дети»), но что государь храбрее смотрит на дела. «Если нужно, – говорит он, – нечего делать, пойдём!»<sup>552</sup> Германский посол Швейниц, приехавший в Крым во второй половине октября, после разговора с императором отмечал «его твёрдое намерение действовать самостоятельно, не верить больше неопределённым обещаниям Турции и силой добиться того, что вся Европа признала справедливыми требованиями христиан»<sup>553</sup>. Рейтерн же вообще нашёл общую атмосферу в Ливадии «крайне воинственной». Впоследствии он вспоминал, что «государь оставался в Ливадии, окруженный небольшим числом лиц, тянущих все в одну сторону, без сообщения с другими своими советниками; он слышал один только голос и видел одну только сторону». В результате император, категорически исключавший вооруженное вмешательство в борьбу на Балканах, «не выдержал и вдруг бросился в сторону, противоположную той, которой держался прежде»<sup>554</sup>. Доходили подобные сведения и в Европу. Ещё 15 сентября А.А. Половцов, находясь в Париже, записывает в дневнике известия «о воинственном настроении в Ливадии», два дня спустя разговор с веймарским герцогом, находящимся в постоянной переписке с Александром II, убеждает Половцова «в том, что в Ливадии действительно начинает превозмогать желать (так в подлиннике. – В.А.) идти с войском в Турцию»<sup>555</sup>. «За исключением Адлерберга, они там все сошли с ума», – заявил Рейтерн Н.К. Гирсу по возвращении из Ливадии в Петербург<sup>556</sup>. Любопытно, что о министре двора графе А.В. Адлерберге вел. кн. Александр Александрович также писал, как о чуть ли не единственном здравомыслящем человеке среди окружавших Александра II в Ливадии лиц, правда, совсем по другому поводу: через него и императрицу наследник престола пытался уговорить отца поскорее покинуть Крым, поскольку «очень неудобно и неприлично оставаться здесь в такие важные минуты далеко от Петербурга, на окраине и посреди мусульман-

<sup>550</sup> Победоносцев и его корреспонденты. С. 569. Цесаревне наследник также писал, что «Военное министерство не лучше морского, это мы увидим теперь при мобилизации войск!» (ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 705. Л. 20.)

<sup>551</sup> Айрапетов О.Р. Забытая карьера «русского Мольте». Николай Николаевич Обручев (1830 – 1904). СПб., 1998. С. 145, 149; Захарова Л.Г., Мамонов А.В. Предисловие // Милютин Д.А. Дневник. 1876 – 1878. С. 11 – 12.

<sup>552</sup> ОР РГБ. Ф. 126. Д. 7. Л. 3.

<sup>553</sup> Briefwechsel. S. 120.

<sup>554</sup> Куломзин А.Н., Рейтерн-Нолькен В.Г. Указ. соч. С. 185 – 186.

<sup>555</sup> ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 12. С. 4, 6.

<sup>556</sup> Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. Т. II. 1887 – 1892. М., 2005. С. 199.

ского народонаселения»<sup>557</sup>. Не стоит, однако, забывать, что в то время сам Александр II ещё отнюдь не терял надежды на мирный исход, полагая, что подготовительные меры к войне заставят Порту одуматься и подчиниться требованиям России<sup>558</sup>. В письме к княжне Е.М. Долгоруковой 9 октября император, говоря о новых неудачах сербской армии на Балканах, писал, рассуждая куда более взвешенно, чем наследник, что «хотел бы я, чтобы это послужило уроком для наших ультраславянофилов, которым представлялось, что турок можно разбить одними ополчениями» и справедливо признавал, что «если у нас начнётся война, она будет серьёзной, и что мы одними шапками, как у нас многие говорят, турок не забросаем»<sup>559</sup>.

Единственный раз написав Победоносцеву из Ливадии 23 октября, цесаревич, извинялся за «нескладное письмо»: «Оно служит отражением моего нескладного ума от всех теперешних событий, беспокойств, неопределённости и постоянного напряжённого состояния»<sup>560</sup>. Действительно, чрезвычайная эмоциональность отнюдь не способствовала адекватному пониманию происходивших событий, а также поступков и намерений политических деятелей, включая самого императора. К тому же из крымских писем 1876 г. довольно трудно понять, как именно понимал тогда наследник престола интересы России в предстоящей войне и какими виделись ему те «новые люди», которые могли бы достичь желаемого результата. Столь же неопределённо звучит и его запись в дневнике о знаменитой речи Александра II, произнесенной 30 октября в Московском Кремле, которой император, не оставляя ещё надежд на мир и продолжая колебаться, практически отрезал себе пути к отступлению от решения вопроса военным путём<sup>561</sup>. Цесаревич писал, что слова отца «останутся историческими и будут напоминать эту интересную и важную эпоху русской истории, когда участь миллионов христиан должна решиться так или иначе»<sup>562</sup>. Тем не менее, 4 ноября Киреев со слов князя А.А. Суворова отметил, что «государь стоит очень твёрдо. Слава Богу! Цесаревич его поддерживает крепко»<sup>563</sup>.

Дипломатические усилия по предотвращению войны в конце 1876 и начале 1877 г. не вызывали у наследника особого сочувствия. «Невыносимо тяжело наше неопределённое состояние, — писал он вел. кн. Михаилу Николаевичу 8 января 1877 г., — всё ждём, чем кончится конференция в Константинополе, а решат ли так или иначе, не знаешь, что делать потом, на что решить-

---

<sup>557</sup> «Любящий тебя племянник Саша...» // Исторический архив. 2013. №1. С. 125; Победоносцев и его корреспонденты. С. 568 – 569. Интересно, что генерал Швейниц также поэтично заметил, что в Крыму «среди этого мусульманского населения пребывает теперь русский двор, в канун начала великой битвы православного мира с исламом». // Briefwechsel. S. 117.

<sup>558</sup> Захарова Л.Г. Указ. соч. С. 154.

<sup>559</sup> ГА РФ. Ф. 678. Оп. 2. Д. 107. Л. 22 (подлинник на русском и французском языках).

<sup>560</sup> Победоносцев и его корреспонденты. С. 570.

<sup>561</sup> Захарова Л.Г. Указ. соч. С. 155.

<sup>562</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 307. С. 122. Текст речи, написанный рукой Александра II и датированный 29 октября, сохранился среди писем императора к цесаревичу: ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 669. Л. 159 – 160. Впоследствии он был опубликован. См.: Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 687 – 688.

<sup>563</sup> ОР РГБ. Ф. 126. Д. 7. Л. 14.

ся. Европа, по всему судя, вовсе не намерена действовать решительно против турок, даже несмотря на ряд целый пощёчин, которые она получила от Порты в течение прошлого года! Смирение и унижение, заслуживающие полного презрения! Мило и поучительно для всего мира!»<sup>564</sup>. «О политике тошно и говорить, – делился он с дядей своими чувствами в марте, – так противна эта подлая Европа; в 1000 раз хуже турков, они, по крайней мере, магометане, а Европа что! хуже язычников! Теперь сделана последняя попытка соглашения с Европой по восточному вопросу, и Игнатьев послан с этим поручением в Берлин, Париж, Лондон и Вену, и теперь ждем последнее слово Европы, после чего, я думаю, нам придется действовать энергично, если хотим заставить себя уважать»<sup>565</sup>. Между тем, князь Орлов, к мнению которого в вопросах внешней политики наследник прислушивался, предостерегал Александра Александровича: «Не знаю, как Вы смотрите на настоящее положение дел, но умоляю Вас подумать о будущем, – писал Николай Алексеевич 15 ноября 1876 г. – Война, даже самая счастливая, нас истощит и уничтожит тех, о благе коих мы стараемся. Сближение с Англиею приведёт к противоположному исходу. Дизраэли падёт тогда, а война удержит его на месте. В политике главное искусство состоит в умении выжидать и пользоваться обстоятельствами. Мы имеем эту возможность. Когда же начнётся война, мы попадём в зависимость от других. Теперь мы грозны и независимы. При первом выстреле мы отдаёмся на волю берлинских друзей»<sup>566</sup>. «Простите моё донесение и не обвиняйте меня в излишнем миролюбии. Вам прямо скажу, что война разорила бы нас дотла, и целых полвека мы бы не оправились от наших побед (могли бы быть и неудачи)», – прибавлял он 5 марта 1877 г.<sup>567</sup> Из писем Орлова видно, что цесаревич накануне войны также продолжал обсуждать с князем текущие международные проблемы.

Вместе с этим вплоть до начала войны наследник престола старался не афишировать своих симпатий к «партии действия». «Весьма глупая и печальная история с речью Аксакова в Москве; необдуманно и сгоряча все это сделано, – сетовал он 16 марта в письме к К.П. Победоносцеву по поводу конфискации Московским цензурным комитетом номеров «Московских ведомостей» и «Современных известий», в которых была опубликована речь, произнесенная И.С. Аксаковым 6 марта в Московском славянском комитете. – Пожалуйста, когда будете писать Анне Фёдоровне или самому Аксакову, то поблагодарите ее за присланную речь ее мужа и за записку. Боюсь отвечать сам, чтобы не вышло опять какой-нибудь неприятности. [...] Что касается речи Аксакова, то многое в ней мне понравилось»<sup>568</sup>. Между тем в своём выступлении Аксаков клеймил «упрямую кротость» и «назойливое миролюбие» русского правитель-

<sup>564</sup> «Любящий тебя племянник Саша...» // Исторический архив. 2013. №1. С. 134.

<sup>565</sup> Там же. С. 137.

<sup>566</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 946. Л. 45 – 46.

<sup>567</sup> Там же. Л. 56 – 56 об.

<sup>568</sup> Победоносцев и его корреспонденты. С. 570–571.

ства, что вызвало в правительственных кругах крайнее раздражение, если не озлобление<sup>569</sup>. Нежелание цесаревича лично отвечать А.Ф. Аксаковой (урождённой Тютчевой), несомненно, было связано с воспоминанием о том, какой скандал вызвало в 1867 г. перлюстрированное письмо вел. кн. Александра Александровича к Аксаковой по поводу статей Ю.Ф. Самарина о национальном вопросе в Прибалтике.

Восточный вопрос во внешней политике России привлёк большое внимание цесаревича Александра Александровича, что объясняется не только широким участием в перипетиях вокруг этой проблемы близких к наследнику лиц (К.П. Победоносцева, И.И. Воронцова-Дашкова, В.П. Мещерского, Н.А. Орлова). На это раз великий князь сам в гораздо большей степени (как вследствие собственного интереса, так и по воле государя) был вовлечён в события Восточного кризиса – «славянского движения» в России, решения вопроса о вступлении России в вооружённую борьбу с Османской империей и, наконец, непосредственно Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. Уже со второй половины 60-х гг. одновременно с «национальными» взглядами во внутренней политике у наследника формируются симпатии к судьбам «турецких» славян и «славянства» вообще, в этом отношении он разделяет деятельность и «решительность» русского посла в Константинополе Н.П. Игнатьева. В период обострения Восточного вопроса в 1875 – 1877 гг. эти симпатии лишь усиливаются, Александр Александрович поддерживает контакты с представителями «партии действия», агитирующей за помощь балканским славянам, сражающимся с турками, со стороны общественных сил и правительства. Хотя степень участия цесаревича в «славянском движении» до конца определить трудно, в глазах общества он делается если не лидером, то активным сторонником «русской партии» и вновь чуть ли не «оппозиционером» правительственному курсу и императору.

### *§3. Цесаревич на Русско-турецкой войне 1877 – 1878 гг.*

Вскоре по возвращении из Крыма в Петербург, объявления частичной мобилизации армии и отъезда в Кишинёв нового главнокомандующего на предполагаемом балканском театре войны вел. кн. Николая Николаевича наследник, описывая впечатления от этих событий в письме к вел. кн. Михаилу Николаевичу, отмечал, что «в гвардии все распоряжения для мобилизации уже сделаны и продолжаются, но не думаю, чтобы дошло дело до нас!?»<sup>570</sup> В письмах цесаревича к дяде-наместнику конца 1876 – весны 1877 г. имеется довольно много упоминания о подготовке Гвардейского корпуса, вверенного наследнику, к предстоящей войне (в свою очередь

<sup>569</sup> Записки Оболенского. С. 412; Милютин Д.А. Дневник. 1876 – 1878. С. 205. Подробнее см.: Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 232 – 235.

<sup>570</sup> «Любящий тебя племянник Саша...» // Исторический архив. 2013. №1. С. 128.

Михаил Николаевич подробно рассказывал племяннику о подготовке к боевым действиям кавказских войск)<sup>571</sup>. Проводимая мобилизация и предстоящая война объективно должны были стать проверкой реформам, проведённых в армии Д.А. Милютиным. Интересно, что вел. кн. Александр Александрович, вполне в духе претензий, высказываемых ранее по адресу военного ведомства его оппонентами, и своего собственного прежнего отношения к военному министру и его преобразованиям, писал в начале января 1877 г. на Кавказ: «В скором времени должен выйти Высочайший приказ об окончательном формировании корпусов для всей армии, кроме Кавказской, и назначение командиров корпусов. [...] Но к несчастью, с окружной системой про-ка от этого не будет, я это смело могу говорить из моего личного опыта, потому что у меня все вертится и держится только тем, что я в самых лучших отношениях с дядей Низи, а Воронцов (начальник штаба Гвардейского корпуса. – В.А.) с Шуваловым (начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа. – В.А.), чего везде нельзя и ожидать, и то, несмотря на все это, бывают маленькие столкновения, которые мы стараемся решать миролюбиво, что всегда и удается. Например, назначение полковых командиров: очень часто мы не сходимся в мнениях, и я не желаю такого-то лица, предложенного окружным начальником. Я должен отдать справедливость Дяде Низи, что он почти всегда мне уступает, и только благодаря этому и можно вести дело хорошо и спокойно, а не будь этого, то не дай Бог, что может произойти!»<sup>572</sup>

Накануне объявления войны с Османской империей, не представляя еще, каким тяжелым испытанием она окажется, цесаревич восклицал: «Наконец пришел решительный час для России действовать! Да благословит Господь нас всех и дорогое наше Отечество! Что-то будет, увидим. Как-то и отраднее на душе, что наконец решилось, чем ждали, а вместе с тем и страшно за неизвестность в будущем»<sup>573</sup>. Вместе с отцом, отправившимся в Действующую армию на Балканы, должен был следовать и наследник. В воспоминаниях генерала Н.А. Епанчина приводятся слова (попавшие и в некоторые работы), якобы сказанные государем в письме к вел. кн. Николаю Николаевичу, главнокомандующему на балканском театре боевых действий, незадолго до отъезда в армию: «Саша, как будущий император, не может не участвовать в походе, и я хоть этим путём надеюсь сделать из него человека»<sup>574</sup>. Но всё же эту цитату следует считать апокрифом, поскольку среди писем Александра II к брату за конец 1876 – 1877 гг. ничего подобного не обнаружено<sup>575</sup>. Сам же вел. кн. Александр Александрович поначалу даже не знал, в каком именно качестве отправится в Действующую армию (Гвардейский корпус, которым он командовал, в то время посылать на Балканы не предполагалось.). «Папа меня берёт с собой, –

<sup>571</sup> См., например, там же: С. 129 – 134.

<sup>572</sup> Там же. С. 134 – 135.

<sup>573</sup> Там же. С. 140.

<sup>574</sup> Епанчин Н.А. На службе трёх императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 95.

<sup>575</sup> ГА РФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 128.

писал он 15 мая из Петербурга вел. кн. Николаю Николаевичу, – вот всё, что я знаю про себя; о том, желает ли он, чтобы я остался на все время при тебе, или я останусь в армии только то время, пока папа будет при ней, до сих пор я не знаю. Папа мне ничего не говорил об этом, и я остаюсь в совершенном неведении о моей судьбе. Сам я не желаю спрашивать у папа об этом, чтобы не навязываться. [...] Весьма неприятно и тяжело это нерешенное мое положение»<sup>576</sup>. Цесаревич предполагал, что пробудет на театре войны вместе с отцом до переправы русской армии через Дунай и вступления в Болгарию. 26 мая он писал жене из Плоешти: «Если, Бог даст, мы скоро вернёмся, то, может быть, мне удастся и пожить с тобой и детьми в милом Гапсале, но теперь еще рано об этом думать. Что Бог даст?!»<sup>577</sup>. Александру Александровичу казалось даже, что и сама война не продлится долго, и что к концу июня или к началу июля, «Бог даст, всё и кончится»<sup>578</sup>. Постепенно его оценки меняются, но всё ещё остаются не слишком дальновидными: «Нет, теперь по всему видно, что война так скоро не кончится и может продлиться до осени, и то, если никто из посторонних не вмешается. До Константинополя можно дойти в 2 месяца, и если мы будем там к этому времени, то даст Бог, всё благополучно и кончится, и мир будет заключён», – сообщает цесаревич жене 28 июня<sup>579</sup>.

Как раз тогда же, в конце июня, наследник вступил в командование Руцукским отрядом, состоявшим из двух армейских корпусов, одним из которых командовал его брат вел. кн. Владимир Александрович. Отряду было поручено сковать войска противника в четырехугольнике крепостей на востоке Болгарии для обеспечения действий главных сил русской армии на Балканах. Вскоре после перехода Дуная, положение дел для русской армии стало складываться весьма неблагоприятно, что, как признаётся в литературе, стало прямым следствием серьёзной корректировки первоначального плана кампании на Балканах, разработанного генералом Н.Н. Обручевым, предполагавшего «настойчивость и высокое мастерство реализации». Вместо того чтобы избегая длительных осад и штурмов турецких крепостей сразу же продвигаться мощной ударной группировкой вглубь страны, имея целью выход к самому сердцу Османской империи, Константинополю, армия была разделена на три отряда, потеряла инициативу и завязла в кровопролитных боях, оказавшись в своеобразном котле между четырёхугольником крепостей, как раз против которого стоял Руцукский отряд цесаревича, Плевной и Балканским хреб-

---

<sup>576</sup> «Буду свято исполнять свой долг»: переписка наследника цесаревича Александра Александровича с великим князем Николаем Николаевичем // Источник. 1993. № 1. С. 40 – 41.

<sup>577</sup> ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 705. Л. 71.

<sup>578</sup> Там же. Д. 706. Л. 5.

<sup>579</sup> Там же. Л. 38.

том. Последовавшие три неудачных штурма Плевны и продолжительная осада этой мощной крепости выявили несостоятельность вел. кн. Николай Николаевич и его штаба<sup>580</sup>.

Между тем, с выходом Действующей армии к Дунаю проявилось непреклонное намерение Александра II сопровождать её и дальше. «По всему видно, что папа нарочно говорил всем в Петербурге, что он едет в армию, только чтобы присутствовать при переправе Дуная, и что останется 3 или 4 недели, только для того, чтобы отвязаться от всех скучных расспросов и успокоить, но раз, что приехал сюда, и не думает уезжать, – сообщал цесаревич жене 5 июня. – Я это заключаю из разговора дяди Низи с папа, в котором папа сказал дяде: А разве ты думаешь, что я уеду!?! Что это значит, никто из нас объяснить не может. [...] Никто ничего об этом не знает – ни А.В. Адлерберг, ни Милютин, ни дядя Низи, ни даже я!»<sup>581</sup> Д.А. Милютин писал о том, что когда граф Адлерберг попытался в очередной раз заговорить с императором о «неуместности его стремления вперед, к войскам передовой линии» и желательности возвращения в Россию, «государь опять рассердился и на этот раз уже не скрыл своего намерения принять личное участие в бою»<sup>582</sup>. «Решительно не понимаю, – недоумевал вел. кн. Александр Александрович после перехода армией Дуная, – что он будет делать здесь и зачем ему оставаться, и положение его неловкое здесь, потому что он не главнокомандующий и командование над армией не принял, а так ездить за войсками в тылу, по-моему, в высшей степени неприлично и странно»<sup>583</sup>. «Не его личность (императора. – В.А.) нам помехою, но его сан и наша ответственность перед всей Россией, – вторил наследнику вел. кн. Николай Николаевич. – Ну, что же делать, он желает остаться, и баста!»<sup>584</sup> Государь же писал 30 июня брату, что «я, кажется, достаточно доказал тебе, что ни в чём не хочу стеснять твои распоряжения. Но зная, что воля моя есть разделять с нашими славными войсками их труды, опасности и славу, не подобает тебе изыскивать всякие предлоги, чтобы удалить меня от театра военных действий, так как я не с тем приехал в армию, чтобы следовать в её тылу с обозами и парками»<sup>585</sup>.

Вел. кн. Александр Александрович, верный своей давней неприязни к военному министру, напротив стал даже подозревать Милютина в потворствовании намерению отца и в тайных честолюбивых замыслах. «Просто досадно видеть жизнь в Главной квартире папа: переходит с места на место, как цыганский табор, – жаловался он жене 4 августа, – пользы от нее никакой, никому она не нужна, путает и вмешивается во все, а Милютин уже начинает играть роль главнокомандующего или, по крайней мере, роль Мольтке в войну 1870 – 71 г. Для бедного дяди

<sup>580</sup> Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 170 – 173, 181 – 182; Бушнелл Д. Д. Милютин и Балканская война: испытание военной реформы // Великие реформы в России. 1856 – 1874. М., 1992. С. 240 – 241; Золотарёв В.А. Россия и Турция. Война 1877 – 1878 гг. М., 1983. С. 34 – 42; Русско-турецкая война 1877 – 1878 гг. М., 1977. С. 100 – 101.

<sup>581</sup> ГА РФ. Ф. 642. Д. 706. Л. 11 об.

<sup>582</sup> Милютин Д.А. Дневник. 1876 – 1878. С. 267;

<sup>583</sup> Там же. Л. 40 – 40 об.

<sup>584</sup> «Буду свято исполнять...» С. 42.

<sup>585</sup> Там же. Ф. 646. Оп. 1. Д. 128. Л. 19.

Низи, я думаю, это очень неприятно, и вместо того чтобы распоряжаться спокойно ходом всего дела, его суеят, требуют туда-сюда и предлагают свои планы или даже насильно навязывают их»<sup>586</sup>. Упреки эти были не вполне справедливы. Милютин действительно весьма скептически относился как к самому вел. кн. Николаю Николаевичу, так и к его штабу, но отнюдь не считал, что будет лучше, если «начнут распоряжаться многие»<sup>587</sup>. Между тем наследник в письмах к цесаревне продолжал свою критику: «Если кто виноват в том, что теперь приходится нам стоять на месте и ничего серьёзного не предпринимать, то конечно не дядя Низи, который постоянно говорил, что войск мало, надо усилить Действующую армию, а Милютин не хотел, уверяя, что слишком достаточно. Я ещё в Кишинёве просил папа послать хоть часть гвардии, папа был согласен, а опять же Милютин не хотел и отказал. Теперь же Милютин хочет свалить всю вину на главнокомандующего, что весьма некрасиво. Пришлось же в конце концов увеличить армию, да ещё как... [...] Вот последствия упрямого характера Милютина. Я, слава Богу, знаю хорошо все эти дела, а кто не знает, конечно обвиняют главнокомандующего и его штаб, что совершенно несправедливо»<sup>588</sup>. В свою очередь и Дмитрий Алексеевич ещё до вступления наследника в командование Руцукским отрядом с грустью писал в дневнике о том, что «предполагается дать назначения наследнику цесаревичу и великому князю Владимиру Александровичу. – Опять вспомнишь красносельские манёвры». Обоих великих князей он по-прежнему откровенно считал вовсе не понимающими военного дела<sup>589</sup>.

Из Петербурга Победоносцев с конца июня призывал царя и наследника престола «вернуться в пределы России». Константин Петрович опасался, что в случае крупных поражений в Болгарии внутри России и особенно в Петербурге в отсутствие императора «может произойти взрыв», которым воспользуются «неблагонамеренные люди»<sup>590</sup>. Впрочем, трудно сказать, насколько сильно преувеличенные и почти панические страхи Победоносцева оказали влияние на цесаревича, хотя он и писал, что «получил я тоже отчаянное письмо от К.П. Победоносцева, который пишет о печальном настроении умов в Петербурге после неудачи под Плевной и тоже говорит, как все желают возвращения Папа обратно в Россию и как это необходимо в настоящую минуту»<sup>591</sup>. Куда больше, по-видимому, его тревожили сомнения в приличии пребывания монарха в армии «без дела» и переживания за жизнь и здоровье отца, поскольку положение «брата милосердия» при армии разрушительно сказывалось на физическом и душевном состоя-

<sup>586</sup> Из переписки Александра Александровича Романова и его супруги Марии Федоровны // Вопросы истории. 2000. № 4 – 5. С. 120.

<sup>587</sup> Милютин Д.А. Дневник 1876 – 1878. С. 267; 286.

<sup>588</sup> ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 706. Л. 70 – 70 об.

<sup>589</sup> Милютин Д.А. Дневник 1876 – 1878. С. 254, 268.

<sup>590</sup> Письма Победоносцева. С. 68.

<sup>591</sup> Из переписки Александра Александровича. С. 120. Возможно, что именно об этом письме Победоносцева писал в воспоминаниях граф Шереметев, что цесаревич «тяготился не раз его чересчур наступательными приёмами. Не забуду восклицания его во время похода по получении одного из писем Победоносцева. Оно многое выяснило...» (Мемуары графа Шереметева. С. 431.)

нии императора. «Это несчастье, и большое несчастье, что папа сам был под Плевной, – писал цесаревич жене после третьего штурма, – потому что он, не выдавши никогда в жизни ни одного сражения, попал прямо на эту ужасную бойню, и это произвело на него такое страшное впечатление, что он только об этом и рассказывает и плачет, как ребёнок»<sup>592</sup>. «После этого несчастного 30 августа под Плевной, – сообщал он чуть позже матери, – папа сделался страшно нервный и постоянно вспоминает и говорит об этом и часто не только у него слезы на глазах, но плачет. Когда он мне и Суворову раз после обеда читал твое письмо в ответ на его письмо после Плевны, он так плакал, что насилу дочел письмо и несколько раз останавливался»<sup>593</sup>. «Он страшно похудел и кольца не держатся на его пальцах, так что он их снял», – отметил об отце в дневнике вел. кн. Сергей Александрович<sup>594</sup>.

Неудачный третий штурм Плевны произвел полный переворот во взглядах вел. кн. Александра Александровича на ход кампании. Непросто установить, в какой именно момент он изменил свое отношение к вел. кн. Николаю Николаевичу и его штабу, но совершенно очевидно, что, как будет видно далее, немалую лепту в это внесло окружение командующего Рушукским отрядом, и в первую очередь граф И.И. Воронцов-Дашков, начальник кавалерии в отряде. К тому же, недовольство распоряжениями высших начальствующих лиц распространялось в Действующей армии повсеместно. Так, в середине августа Д.А. Милютин с прискорбием отмечал в дневнике, что «и в самой армии начинают понимать слабую сторону начальства, относятся к нему с осуждением и ропотом»<sup>595</sup>. 16 августа, ещё критикуя военного министра и защищая главнокомандующего, цесаревич признавался: «Не думали мы тоже, что до такой степени турки еще сильны, и что войско их будет так хорошо драться, как оно дерется теперь, и в настоящую минуту они численностью превышают нашу армию»<sup>596</sup>. По поводу же самой «третьей Плевны» наследник писал матери: «Все уверены были в невозможности атаковать и, несмотря на это, всё-таки штурмовали. Одним словом – повторилось под Плевной то же самое, что уже было два раза прежде, и в этом я вижу не только безрассудное действие главнокомандующего и его штаба, но преступное, за которое он и все виновники этого страшного дня должны будут отдать отчет не только перед всей Россией, но и перед самим Богом. Подобные преступления даром не обойдутся главнокомандующему, и что бы потом ни было, как бы блистательно ни повёл он дело теперь и впредь, я уверен, что этого дня никто ему не простит и даром ему это не сойдёт. И какой же день он выбрал, именины государя, когда вся Россия празднует этот день в храмах Божьих; этот день был всегда счастливым, мирным днём, а теперь на веки вечные этот

---

<sup>592</sup> Там же. С. 123.

<sup>593</sup> ГА РФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 115. Л. 250.

<sup>594</sup> Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2: 1877 – 1880. М., 2007. С. 113.

<sup>595</sup> Милютин Д.А. Дневник. 1876 – 1878. С. 286.

<sup>596</sup> Из переписки Александра Александровича. С. 122.

день останется в памяти народа, кровавым днём, забрызганный христианской кровью, кровью тысячами русских воинов, принесённых в жертву непростительными действиями своего главнокомандующего»<sup>597</sup>. В дальнейшем яростная критика некомпетентности дяди и его ближайших помощников становится лейтмотивом писем цесаревича с войны вплоть до отъезда с фронта, причём к этому примешивается и национальная неприязнь: «С каждым днём всё больше и больше приходишь к заключению, что дядя Низи – отвратительный главнокомандующий, Непокойчицкий (начальник штаба главнокомандующего. – В.А.) – мерзейший поляк и весь штаб и главная квартира – подлейшая сволочь», – писал наследник жене<sup>598</sup>. О том же он ведёт речь и в одном из писем к императрице: «Ненависть на штаб слишком велика, чтобы её возможно было остановить. К несчастью, в штабу (так в подлиннике. – В.А.) слишком много поляков, а кого же заставишь из русских уважать поляка! Вещь немыслимая и этого никогда не будет!»<sup>599</sup>

Уже в начале сентября 1877 г. Александр Александрович попытался повлиять на сложившуюся ситуацию, чтобы разом решить две проблемы: «бесцельное» пребывание императора на фронте и открывшаяся неспособность главнокомандования. В письме, отправленном цесаревичем императору 10 сентября, положение в армии характеризовалось очень резко: «Мы не можем скрывать от себя, что военные действия с самого начала вступления нашей армии в Болгарию не идут так успешно, как мы ожидали и как мы желали бы, что бы они шли. [...] Распоряжений почти никаких нет, общего плана кампании нет, или если существует, то нам он неизвестен. Вообще, что ни говори, а в Полевом штабе царствует полнейший хаос». Наследник осознавал, насколько подобные высказывания противоречат принципам субординации, однако оправдывался высшими соображениями: «Тебе, может быть, странным покажется, милый па, может быть и больше, что я так пишу и как будто жалуясь на главнокомандующего, хотя я и служу теперь под его начальством. Нет, я далек от того, чтобы жаловаться, это не жалоба, а искренняя, глубокая и, могу сказать смело, общая нас всех военных просьба. Милый душка па, здесь идет дело о чести России, о славе нашей дорогой Родины и, наконец, о славе твоего царствования. Так дело идти не может, в такой обстановке оно не может продолжаться и не должно. Ты *сам* теперь в нашей славной, дорогой армии, так *прими же начальство над ней!* Вот наша искренняя, задушевная просьба, и если бы кто-либо знал, что я пишу тебе об этом, то я уверен, что все, что есть военного в России, присоединилось к моей просьбе. Я не хочу никого обвинять, ни осуждать, оно не к чему и не время теперь; со временем все обнаружится и все узнается, а те-

<sup>597</sup> ГА РФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 115. Л. 250 об. – 251.

<sup>598</sup> Там же. Ф. 642. Оп. 1. Д. 708. Л. 10 об.

<sup>599</sup> Там же. Ф. 641. Оп. 1. Д. 115. Л. 263 об. – 264. Примечательно, насколько резко все эти высказывания Александра Александровича контрастируют с его мнением, высказанным в письме к брату вел. кн. Владимиру Александровичу ещё 11 октября 1876 г.: «Чему я был весьма рад сегодня, это то, что папа решил окончательно в случае войны главнокомандующим назначить дядю Низи. [...] Я надеюсь, что дядя этим будет весьма польщён и рад. При хорошем начальнике штаба я убеждён, что дядя Низи выполнит поручение с успехом». (ГА РФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 378. Л. 43 об. – 44.)

перь только нужно стараться всеми силами скорее исправить дело и повести его иначе, чем до сих пор оно велось, а исправить можно, только если бы ты сам решился принять начальство над нами и взял бы самого же Милютина начальником штаба». «Оно даже не может быть обидно дяде Низи, – уверял отца цесаревич, – потому что оно слишком натурально. Теперь же приходится вся твоя славная гвардия и собрана большая часть всей нашей армии, так что, когда ты объявишь себя принимающим командование всей Действующей армии, это будет общая радость не только твоей молодецкой армии, но и всей России. Ведь император Вильгельм командовал всей армиею в последнюю войну». «Могу и *должен* тебе откровенно сказать, – заявлял вел. кн. Александр Александрович, – что главнокомандующий и его штаб *потеряли всякое доверие* между начальством». «Переговори об этом с Милютиным и А.В. Адлербергом, и они, я уверен, поддержат меня, – советовал он в заключение. – Оно немыслимо, чтобы ты оставался так при армии, и прости мне, милый дорогой па, оно *неприлично*, теперь это *твой долг перед войском и перед Россиею!* Я был бы *не достоин* быть твоим сыном, твоим наследником, если бы не высказался бы откровенно и от души, а что ты на меня не сердишься, что ты мне простишь это письмо, я слишком хорошо тебя знаю, чтобы сомневаться в противном»<sup>600</sup>.

За все 12 лет, что он был наследником, цесаревич, пожалуй, ещё ни разу не писал отцу с такой энергией и не был столь настойчив, отстаивая свое мнение. «Я писал папа откровенно, потому что, конечно, перед ним мне скрывать нечего, – объяснял Александр Александрович 30 сентября свой поступок матери. – Что же мне было делать! Я знал, что папа болен, но терять времени было нельзя, надо было непременно, что я бы предложил ему принять командование армией; конечно, он сам мог бы это сделать без меня, если бы захотел, но ты ведь знаешь, милая ма, до чего папа деликатен в отношении к другим, и я думал ему облегчить эту решимость. [...] По-моему, конечно было бы самое лучшее, если бы папа решился вернуться в Россию. Нет другого исхода, или он должен принять командование армией, или вернуться в Россию; так оставлять невозможно»<sup>601</sup>. Тут же, по-видимому, впервые наметилось и изменение в лучшую сторону отношения наследника престола к военному министру. Теперь Александр Александрович предлагал назначить Д.А. Милютина начальником Полевого штаба при главнокомандующем императоре, т.е. на ту самую «роль Мольтке», которой, как считали в Руцукском отряде, министр добивался летом 1877 г. Одновременно в письмах к жене цесаревич начал с той же страстью осуждать вел. кн. Николая Николаевича и его окружение, с какой до этого его защищал, критикуя Главную квартиру: «Дядя Низи, к сожалению, все взваливает на других и все, по его словам, виноваты, кроме его самого и его штаба; даже и папа виноват, и Милютин – одним

<sup>600</sup> Там же. Ф. 678. Оп. 1. Д. 732. Л. 79 – 80 об., 81 об. – 83 об.

<sup>601</sup> Там же. Ф. 641. Оп. 1. Д. 115. Л. 251 – 251 об.

словом все, все. [...] Я со своей стороны сделаю все возможное, чтобы исправить это грустное и отчаянное положение, но не знаю, хватит ли у меня силы и ума!»<sup>602</sup>

Получив 11 сентября письмо сына, Александр II, по словам Милютина, «был очень смущён и расстроен» и даже «читая это письмо, прослезился»<sup>603</sup>. До какой степени императора взволновало письмо наследника, свидетельствует и он сам: «Я провёл дурную ночь из-за письма Саши, которое я получил, когда отходил ко сну», – пишет государь в тот же день княжне Е.М. Долгоруковой<sup>604</sup>. Для того, чтобы лично поддержать предложения брата, в Главную квартиру прибыл вел. кн. Владимир Александрович. Но и Милютин, и Адлерберг полагали, что императору не следует самому браться за исправление испорченного дела, а его сыновья «легко смотрят на вещи». То, что наследник считал «общей радостью всей России», военный министр признавал крайне нежелательным. «Насколько мне известен характер государя, я уверен, что он не может командовать армией, – констатировал он в дневнике. – Во всяком случае, я с своей стороны не взял бы на себя трудной обязанности начальника штаба при таком главнокомандующем»<sup>605</sup>. Император же так описывал ситуацию в письме к жене 12 сентября: «И он (вел. кн. Владимир Александрович. – В.А.), и Саша умоляют меня, чтобы я сам взял на себя командование армией, как только будут подтянуты все резервы, добавляя при этом, что никто не пользуется большим доверием в Полевом штабе Низи. Должен сознаться, это повергает меня в полное замешательство, ведь до зимы остаётся всего два месяца и у нас больше нет возможности окончить войну в этом году. И имеет ли мне смысл обременять себя этим трудным делом ради двух месяцев, притом, что нет ни малейшей вероятности, что будет достигнут решающий успех? Милютин и Адлерберг, единственные, с которыми я говорил, не разделяют желания наших сыновей, а довольно сильная лихорадка, которая у меня была вчера вечером и сегодня утром, явно не способствовала подробному обсуждению этого трудного вопроса и всё это лишь взволновало меня в ещё большей степени»<sup>606</sup>. Немного позднее Александр II в письме к Долгоруковой объяснил своё окончательное решение отказаться от предложения встать во главе армии следующим образом: «Письмо Саши, столь взволновавшее меня во время моей лихорадки, касалось командования армией – он умолял меня взять его на себя. Но после того, как я об этом зрело подумал и посоветовался с Милютиным и Адлербергом, я счёл правильным отказаться от этого предложения, поскольку вся ответственность за решение легла бы на меня, а у нас оста-

<sup>602</sup> Там же. Ф. 642. Оп. 1. Д. 706. Л. 109 об., 110 – 110 об.

<sup>603</sup> Милютин Д.А. Дневник. 1876 – 1878. С. 302 – 303.

<sup>604</sup> ГА РФ. Ф. 678. Оп. 2. Д. 116. Л. 8 об. (подлинник на французском языке).

<sup>605</sup> Милютин Д.А. Дневник. 1876 – 1878. С. 303.

<sup>606</sup> ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2475. Ч. VI. Л. 212. (подлинник на французском языке).

лось едва два месяца до зимы, когда можно действовать. Когда мой сын явился сюда, он сам это понял»<sup>607</sup>.

Действительно, после этого цесаревич писал жене, что «я боюсь, что уже поздно, потому что вряд ли до зимы кончится кампания, и армии придётся здесь зимовать, что конечно Папа не может и должен будет вернуться в Россию, а принять на 2 месяца командование, чтобы снова передать его другому, невозможно. Милютин был тоже нашего мнения, но не решался предложить это Папа тогда, потому что всё шло так плохо. Милютин сказал Владимиру, что пока он не увидит, что можно рассчитывать на полный успех кампании, он не посмеет предложить Папа командование армией»<sup>608</sup>. Однако кроме этого он с огорчением и разочарованием сообщал, что не услышал от отца ни слова о своем письме и затронутых в нем предметах. «Папа не говорил со мною об этом, несмотря на то, что я ему писал весьма откровенно обо всём. Не знаю, был ли Папа недоволен моим письмом или просто не хочет об этом говорить, но видя, что Папа со мною не заговаривает об этом, я с своей стороны не считал себя вправе первый об этом говорить»<sup>609</sup>. То же самое он написал и императрице<sup>610</sup>.

Одновременно с этим наследник попытался настоять ещё на одном предложении, а именно, начать наступление против турок объединенными силами Рущукского отряда и прибывавшей на Дунай гвардии. «Этим смелым и сильным наступлением, – писал цесаревич отцу 12 сентября, – мы можем изменить разом всё положение нашей армии, и я могу смело сказать, что я уверен, и покончить с этой кампанией в нынешнем году, и даже через месяц или 2. Дай мне только, милый Па, всю гвардию, она будет на днях вся собрана, *благослови меня, помолись за меня Господу*, и я с ней и с *моим, дорогим моему сердцу* Рущукским отрядом тронусь вперёд! А там что Бог даст! [...] Если я не гожусь или ты не имеешь достаточно доверия ко мне, назначь кого угодно, я *не обижусь, не до того теперь*, но я одно скажу: мне кажется, что Господь Сам внушил мне *это*, и одно уж *это* меня поддерживает, и я глубоко уверен в успехе. Владимир, Ванновский и мы все совершенно уверены в успехе и ждём с нетерпением Твоего решения!»<sup>611</sup> В данном намерении снова явно преобладали эмоции, соединявшиеся с немалой долей честолюбия, но отнюдь не с трезвым расчётом. Полагая, что осаде Плевны уделяется слишком большое внимание, Александр Александрович и его начальник штаба П.С. Ванновский представили в Главной квартире императора свой план действий<sup>612</sup>. 16 сентября на совещании у Александра II Ванновский, по словам военного министра, «высказал свои соображения, весьма шаткие и неубедительные, а сам наследник почти ничего не прибавил в подтверждение своего плана». В

<sup>607</sup> Там же. Ф. 678. Оп. 2. Д. 116. Л. 41 – 41 об. (подлинник на французском языке).

<sup>608</sup> Там же. Ф. 642. Оп. 1. Д. 706. Л. 124 – 124 об.

<sup>609</sup> Там же. Л. 124 об.

<sup>610</sup> Там же. Ф. 641. Оп. 1. Д. 115. Л. 251 об.

<sup>611</sup> Там же. Ф. 678. Оп. 1. Д. 732. Л. 85 – 85 об.

<sup>612</sup> Там же. Ф. 641. Оп. 1. Д. 115. Л. 252 об., 253 – 253 об.

результате, император одобрил поддержанные Милютиным предложения Полевого штаба главнокомандующего<sup>613</sup>. Но кроме этого государь, как писал он Долгоруковой, воспользовался приездом сына, «чтобы как следует намылить шею Воронцову и специально сделал это *в его присутствии* (цесаревича. – В.А.), чтобы оба знали, что об этом думать, и ещё раз предостеречь Сашу от роли, которую его хотят заставить играть некоторые люди из его окружения, конечно же, против его воли и вопреки его прямому и верному нраву. Лышу себя, что этот разговор, очень серьёзный, не останется без последствий»<sup>614</sup>. Таким образом, Александр II уже в который раз предостерегал наследника и от чрезмерного увлечения непродуманными идеями, и от вредных влияний.

Здесь стоит отметить, что с генералом Ванновским у цесаревича сложились очень хорошие отношения. В письме к матери великий князь не скупился на похвалы «моему начальнику штаба генералу Ванновскому и всем моим подчиненным, которые свято и добросовестно исполняют свои обязанности». «Истинно могу сказать, – утверждал он, – что не будь этого, все бы пошло Бог знает как. Я привожу в пример мой отряд, чтобы показать, что если хочешь, то все возможно, и порядок будет, но не приписываю себе никакой заслуги в этом деле, потому что иначе его не понимаю, а генерал Ванновский – личность из ряду, выдающаяся и способная, и только благодаря его уму и энергии все идет хорошо, насколько оно возможно здесь при общем сумбуре и отсутствии распоряжений высшего начальства!»<sup>615</sup> Военный министр, побывав в ставке цесаревича, также признал, что Ванновский, «выказал много умения, благоразумия и такта в трудном положении, в которое он был поставлен». Оставаясь пять месяцев в оборонительном положении и занимая растянутую линию против значительно превосходящего в силах противника, Рушукский отряд, благодаря распорядительности Ванновского, выполнил свою задачу, ни разу не потерпев поражения»<sup>616</sup>. От приезжавших из армии об этом знали и в Петербурге: «Цесаревича все очень хвалят за то, что он безусловно подчиняется советам Ванновского и очень осторожен», – отмечал А.А. Киреев<sup>617</sup>. Неудивительно, что именно Ванновский стал в 1881 г. преемником графа Милютина. Беседуя с уходящим в отставку Дмитрием Алексеевичем, Александр III признал, что руководствовался при этом выборе опытом 1877 – 1878 гг.<sup>618</sup>

Тем не менее Александр Александрович продолжал думать о замене главнокомандующего: «Но в случае возвращения папа в Россию, мне кажется, необходимо было бы назначить другого главнокомандующего, – излагал он свои соображения императрице 30 сентября, – и выбора здесь другого и быть не может: конечно, самое лучшее было бы назначить фельдмаршала Баря-

<sup>613</sup> Милютин Д.А. Дневник. 1876 – 1878. С. 307 – 308.

<sup>614</sup> ГА РФ. Ф. 678. Оп. 2. Д. 116. Л. 41 об. (подлинник на французском языке).

<sup>615</sup> Там же. Ф. 641. Оп. 1. Д. 115. Л. 263 – 263 об.

<sup>616</sup> Милютин Д.А. Дневник. 1876 – 1878. С. 348 – 349.

<sup>617</sup> ОР РГБ. Ф. 126. Д. 7. Л. 79 – 79 об.

<sup>618</sup> Милютин Д.А. Дневник. 1879 – 1881. М., 2010. С. 333.

тинского, и он, я совершенно уверен, принял бы это назначение с радостью, и никакая болезнь не помешала бы ему командовать. Об этом я еще не говорил с папа и это моя мысль, которую, впрочем, не разделяют прочие, знающие хорошо князя Барятинского»<sup>619</sup>. Надоумил цесаревича на подобную мысль всё тот же неутомимый Воронцов, один из самых последовательных приверженцев фельдмаршала. Впрочем, учитывая давнюю симпатию самого наследника к Барятинскому, и сам Александр Александрович мог вспомнить о нём, подыскивая возможного приемника дяде. Вел. кн. Сергей Александрович, находившийся в то время при брате, 14 сентября записывает в дневнике, что «граф Воронцов поговаривает о том, как хорошо было бы, если государь не примет командование сам, выписать фельдмаршала князя Барятинского – *этого ещё не хватало, хорошенькое дело было бы!!!*»<sup>620</sup>. Ездивший до этого в Петербург Воронцов «ужасно всё и всех бранил и говорил, что нужно бы выписать хотя бы в качестве консультанта фельдмаршала Барятинского!!!» – записал в дневнике А.А. Киреев<sup>621</sup>. Однако на этот раз наследник не стал предпринимать решительных действий, возможно, поняв их бесперспективность ввиду уже имевших место неудачных попыток повлиять на ситуацию. Ему лишь оставалось уповать на то, что присутствие императора в армии предотвратит рискованные решения вел. кн. Николая Николаевича и его штаба. «Теперь, кажется, пойдет дело лучше, – писал он цесаревне, – потому что им больше не позволяют фантазировать, а всякое общее движение или намерение обсуждается в присутствии папа и Милютина, так что контроль теперь строгий»<sup>622</sup>. От летнего беспокойства за самостоятельность главнокомандующего и мнимые «козни» военного министра не осталось и следа.

Более того, чем дальше, тем менее Александру Александровичу хотелось жертвовать репутацией и хоть как-то связывать своё имя с действиями Полевого штаба вел. кн. Николая Николаевича. Поэтому он не желал покидать Рушукский отряд, с которым «провёл уже 3 месяца походной и боевой службы и пережил серьёзные минуты моей жизни», даже ради возможности возглавить «родную» для него гвардию. «Вдруг бросить все это и попасть в омут грязи, интриги, глупости и беспорядков, нет, это до того противно и как кошмар преследует меня! – делился он своими опасениями с женой 10 октября. – Одно имя «Плевна» мне до того противно, что я слышать больше не могу про нее, и не хотел бы, чтобы мое имя было замарано из-за глупостей

<sup>619</sup> Там же. Ф. 641. Оп. 1. Д. 115. Л. 251 об.

<sup>620</sup> Великий князь Сергей Александрович Романов. Кн. 2. С. 112 – 113.

<sup>621</sup> ОР РГБ. Ф. 126. Д. 7. Л. 78. Последний эпизод вызвал сильное неудовольствие Александра II, который выговаривал наследнику в письме от 19 августа 1877 г., что «до меня с разных сторон дошли слухи о рассказах Воронцова в Петербурге, с горькою критикою всего, что происходит в армии. Если это правда, то оно не делает ему чести и неприлично, как моему генерал-адъютанту и как начальнику твоего штаба». (ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 669. Л. 169 – 169 об.)

<sup>622</sup> ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 706. Л. 125.

главнокомандующего»<sup>623</sup>. Задетое самолюбие цесаревича сказывалось также в том, что он считал Николая Николаевича виновником шестимесячной «пассивной бездеятельности» Рушукского отряда<sup>624</sup>. Негодовал наследник и на безобразия, творившееся в тылу армии благодаря интендантству и товариществу ««Грегер, Горвиц, Коган и Пашов», получившему подряд на снабжение войск продовольствием при содействии главнокомандующего»<sup>625</sup>. «Что за беспорядок в тылу армии, это себе представить нельзя, – писал он цесаревне. – Интендантство продолжает бездействовать, товарищество жидов продолжает грабить казну самым бесцеремонным образом»<sup>626</sup>. Не обвиняя прямо дядю, писал об этом наследник и императору<sup>627</sup>. Поддерживал Александра Александровича и Воронцов-Дашков, возмущавшийся действиями «гениального Полевого штаба» и «жидовской компании»<sup>628</sup>.

Вел. кн. Владимиру Александровичу цесаревич 24 ноября откровенно признался, что «если эта кампания будет столь же безалаберно вестись и впредь, и папа после Плевны возвратится в Россию, я решительно хочу проситься вон отсюда». «Не думаю, – писал наследник престола, – что мне грешно думать о своей репутации, она мне, может быть, более чем кому-либо нужна, и потерять ее из-за бездарности и глупости главнокомандующего мне бы не хотелось». Однако, прибавлял он, «если я увижу, что мое присутствие здесь, в армии, нужно, конечно, я, не задумываясь, пожертвую своей репутацией и даже больше, если Господь того пожелает!»<sup>629</sup> Было, кстати, и ещё одно обстоятельство, помешавшее цесаревичу возглавить войска гвардии, а именно то, что Западным отрядом, куда в то время она входила, командовал румынский князь Карл. И в Главной квартире, и сам наследник сочли положение, которое могло бы создаться таким образом, «неловким»<sup>630</sup>. Когда же после падения Плевны Александр II, возвращаясь в Петербург, собирался дать сыновьям отпуск на Рождество и Новый год, цесаревич решительно

<sup>623</sup> Там же. Л. 120 об., 139 об. Цесаревич небезосновательно противопоставлял свой Рушукский отряд другим частям армии и Полевому штабу в том же письме к цесаревне: «Кто бы ни приехал к нам в отряд, все говорят то же самое: ах, как у вас хорошо, какой порядок, здесь по крайней мере можно вздохнуть свободно и т.п., а у нас тоже могло бы идти всё лучше, если бы были распоряжения от главнокомандующего, а их нет! Воронцов, который, конечно, фраз не любит и не в его характере говорить комплименты, а он, вернувшись к нам в отряд, мне прямо сказал: «это единственный отряд, где есть порядок, где идёт дело, как оно должно идти, и наконец – здесь жить можно!» Можно себе представить, что должно твориться в других отрядах». (ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 706. Л. 140.) Д.А. Милютин, побывав в ставке цесаревича, писал, что он «обходителен и внимателен к своим подчинённым. Ванновский очень хвалил мне его служебные отношения». (Милютин Д.А. Дневник. 1876 – 1878. С. 349.) Генерал Зотов, ездивший к наследнику, также отмечал, что «здесь совсем другой тон, чем в Главной квартире армии. Полная свобода и непринуждённость, а между тем, скромность, вежливость, порядочность, отсутствие школьничества и фанфаронства. Во всём и во всех проявляется замечательное неудовольствие Главной квартирой» (главнокомандующего. – В.А.). (Зотов П.Д. Дневник // Руско-турската война 1877 – 1878 г. Дневники, спомени, записки, кореспонденция. София, 1998. С. 75.)

<sup>624</sup> Зотов П.Д. Указ. соч. С. 75.

<sup>625</sup> Подробнее об этом см., например: Епанчин Н.А. Указ. соч. С. 103; Зотов П.Д. Указ. соч. С. 52 – 54, 67; Милютин Д.А. Дневник. 1879 – 1881. С. 412 – 413.

<sup>626</sup> Из переписки Александра Александровича. С. 133.

<sup>627</sup> ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 732. Л. 87 об., 94 – 94 об.

<sup>628</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 741. Л. 67 – 67 об.

<sup>629</sup> Там же. Ф. 652. Оп. 1. Д. 378. Л. 64 – 64 об., 65 об.

<sup>630</sup> «Буду свято исполнять...». С. 44; Милютин Д.А. Дневник. 1876 – 1878. С. 310.

воспротивился этому<sup>631</sup>. Помимо непрактичности непродолжительного отъезда из армии, Александр Александрович исходил из соображения, что «отпуски из армий в военное время запрещены, не мне подавать пример неисполнения закона»<sup>632</sup>.

Вел. кн. Владимир Александрович в конце ноября 1877 г. в свою очередь напоминал брату о разговоре, состоявшемся, судя по упоминанию Дольного Монастыря, вскоре после третьего штурма Плевны: «Я говорил тебе тогда, что все это так продолжаться не может: многим, и мне в том числе, твоё положение, в том виде, как оно создалось, представлялось совершенно фальшивым, не совместным с твоим званием наследника престола. То же самое, да и многое другое, говорил я папа, но мой голос обратился в голос вопиющего в пустыне. Меня или не могли, или же просто не хотели понять. Петля уже тогда была затянута так крепко, что развязать ее не представлялось никакой возможности». Тем не менее он решительно не соглашался с мыслью брата покинуть армию до конца войны и советовал повидаться с отцом: «Твоё слово, твой голос *должен* быть услышан. Скажу более. Ты имеешь полное право *требовать*, что когда ты говоришь, тебя бы слушали, да и слушали бы со вниманием. [...] Ты *не властен* позволять другим забывать, кто ты такой. Ты *обязан* при теперешних обстоятельствах заявить во всеуслышание твои права и преимущества». Великий князь не сомневался, что император выслушает сына «с благодарностью»: «С ним так редко люди бывают откровенны, так редко приходится ему слышать правду. Наследника своего он не может не понять; не может не желать ему добра»<sup>633</sup>.

Всё это объясняет, почему после отъезда государя из армии цесаревич, беспокоившийся, «как теперь поведут они дело без папа и Милютина»<sup>634</sup>, вступил в прямой конфликт с вел. кн. Николаем Николаевичем и его окружением из-за так называемого «обручевского вопроса»<sup>635</sup>. По согласованию с императором, главнокомандующий собирался, наконец, передать под командование Александра Александровича не только гвардию, но и все войска Западного отряда, который после взятия Плевны в конце ноября начал в тяжелейших зимних условиях переход через Балканы<sup>636</sup>. Предполагалось, что начальником штаба наследника престола в этом случае станет новый командир Западного отряда генерал И.В. Гурко. Но цесаревичу был нужен человек, не только способный руководить крупными операциями, но и достаточно независимый от Полевого штаба. И на это раз подсказка пришла от Воронцова-Дашкова. «На долю Вашего Высочества выпадет задача нелегкая, требующая в исполнителях большой энергии, много осторожности, военных способностей, – писал граф, лечившийся в Вене, 9 декабря. – Вам необходим помощник, то есть начальник штаба, на ряд выходящий, в котором все эти качества были

<sup>631</sup> ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 706. Л. 208 об. – 209 об., 210 об.

<sup>632</sup> Зотов П.Д. Указ. соч. С. 75.

<sup>633</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 737. Л. 78 об. – 79 об.

<sup>634</sup> Там же. Ф. 642. Оп. 1. Д. 706. Л. 220 об.

<sup>635</sup> Газенкамф М.А. Мой дневник. 1877 – 78 гг. СПб., 1908. С. 282.

<sup>636</sup> ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 706. Л. 225 об., 226; Ф. 652. Оп. 1. Д. 378. Л. 66 – 67.

бы соединены. Я знаю только одного человека в России, который бы отвечал этим требованиям, насколько можно судить по его характеру, прошлым занятиям и по тем несомненным услугам, которые он оказал теперь в Малой Азии, – это генерал Обручев. Не мое это личное и единичное мнение, я думаю, не ошибусь, ежели скажу, что это мнение всей нашей военной интеллигенции, начиная с военного министра»<sup>637</sup>. Таким образом, Воронцов прямо указал на Н.Н. Обручева, ближайшего сотрудника Милютина. Впрочем, дальнейшая характеристика генерала Илларионом Ивановичем была весьма своеобразной: «Следует человечество вообще делить на две категории. Первая, это собственно люди; вторая это лимон. [...] Лимоны созданы для того, чтобы из них выжимать сок, выжимать его следует беспощадно. [...] К которой из этих категорий принадлежит Обручев, я не знаю, но что в нём много сока, это несомненно»<sup>638</sup>.

Отвечая Воронцову 21 декабря, вел. кн. Александр Александрович отмечал, что Обручев «человек умный, энергичный и самостоятельный, а это весьма важно – иметь подобного человека при себе. Как человека я его не особенно уважаю, – признавался великий князь, – но для пользы дела возьму его с большой охотой и надеюсь, что он оправдает наше доверие»<sup>639</sup>. В тот же день в обход дяди цесаревич телеграфировал императору, а 3 дня спустя Александр II сообщил, что «на назначение Обручева вполне согласен»<sup>640</sup>. Жене наследник объяснял своё требование, прямо следуя аргументам Воронцова: «Я остановился на Обручеве как на человеке весьма умном, энергичном и занимавшимся много вопросом о Турции. Главное, почему я в особенности настаиваю на его назначении, это потому, что я не имею ни малейшего доверия к дяде Низи и его штабу и их распоряжениям, а принять начальство над Западным отрядом, имея генерала Гурко начальником штаба, как хочет, чтоб я сделал, дядя Низи, я решительно не хочу, потому что Гурко будет фантазировать и делать то, что желает дядя Низи, а не то, что я хочу. Генерал Обручев – весьма самостоятельная личность, и поэтому главнокомандующий и слышать не хочет о его назначении, кроме того. Дядя Низи хорошо знает моё мнение о всей кампании и о его распоряжениях и боится, что я с Обручевым вдвоём будем ему помехой»<sup>641</sup>.

«Обручевский вопрос», как вспоминал М.А. Газенкамф, действительно «чрезвычайно взволновал и расстроил» главнокомандующего, который «весь день и вечер беспрестанно возвращался к этому вопросу и высказывал свои догадки». Ему представлялось, что все это не что иное как «двойная интрига: с одной стороны, в Петербурге, где военный министр усиленно

---

<sup>637</sup> Переписка И.И. Воронцова-Дашкова и императора Александра III // *Исмаил-Заде Д.И.* Указ. соч. С. 209.

<sup>638</sup> Там же. С. 210.

<sup>639</sup> Там же. С. 250.

<sup>640</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 641. Л. 81.

<sup>641</sup> Из переписки Александра Александровича. С. 130. Ср.: Переписка И.И. Воронцова-Дашкова. С. 209.

проводит своего любимца Обручева и расположил в его пользу государя<sup>642</sup>, которого уже успели вооружить против Гурко из зависти приближенные к Его Величеству чины его Главной квартиры; с другой стороны, в штабе цесаревича, где Гурко терпеть не могут, завидуют его военной славе и рады случаю его унизить и оскорбить. Цесаревич Обручева совсем не знает, и если с такою готовностью согласился иметь его своим начальником штаба, то только потому, что ему внушено сильнейшее предубеждение против Гурко»<sup>643</sup>. У цесаревича, тесно связанного с гвардией, роптавшей против сурового командира, действительно имелось предубеждение против Гурко. «Где только Гурко ни командует, – жаловался он Воронцову, – везде или страшные потери от неприятеля, или от тяжелых походов. Ужасно легко смотрит Гурко на все эти вещи и не жалеет ни солдат, ни кавалерию»<sup>644</sup>. Со своей стороны, вел. кн. Николай Николаевич совершенно безосновательно имел личный зуб на Обручева, упрекая последнего в «либерализме», и припоминая мнимые «симпатии» Обручева к мятежным полякам в 1863 г. К тому же, доказанная Плевной правильность предложений Обручева давно вызывала сдержанно-негативное, подозрительное отношение к нему со стороны Полевого штаба, и это раздражение только усиливалось в связи с ростом авторитета Обручева у императора<sup>645</sup>.

Узнав, что главнокомандующий не согласен на назначение Обручева, цесаревич немедленно телеграфировал в Петербург, отказываясь при таких обстоятельствах «принять начальство»: «Это против моей совести. Я никакого доверия не имею к распоряжениям главнокомандующего и его штаба. Я проучен горьким опытом и рисковать своей репутацией вторично не желаю и не могу. Моя участь в твоих руках»<sup>646</sup>. В Петербурге просьба наследника одобрялась всеми и в первую очередь, конечно, военным министром. 27 декабря император даже сказал императрице, что вызовет наследника и вместе с ним поедет вновь в армию<sup>647</sup>. Но поскольку обстановка на Балканах менялась очень быстро и война могла вскоре завершиться, или, наоборот, приобрести новый размах, 2 января великим князьям Александру и Владимиру Александровичам приказали оставаться на своих местах<sup>648</sup>. 9 января 1878 г. император написал сыну: «Принимать тебе командование над Западным отрядом, тогда когда честь всего успеха принадлежит неоспоримо

<sup>642</sup> Незадолго до отъезда Александра II из Действующей армии, вел. кн. Сергей Александрович записывает в дневнике об Обручеве, находившемся в Главной квартире: «Официальной роли у него нет – *друг, большой друг военного министра, вот и всё!!!*» // Великий князь Сергей Александрович Романов. Кн. 2. С. 155.

<sup>643</sup> Газенкамф М.А. Указ. соч. С. 281 – 282.

<sup>644</sup> Переписка И.И. Воронцова-Дашкова. С. 251 – 252. Уже после этого Воронцов писал наследнику, что «у Гурко порок большой для всякого начальника, он о солдате не печётся и их жизни не знает». (Там же. С. 211.) После войны Александр Александрович в письме к цесаревне пенял Гурко на то, что тот «совершенно напрасно» сильно утомлял солдат во время манёвров. (ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 708. Л. 50 – 50 об.) Впоследствии, когда Гурко был уже временным петербургским генерал-губернатором, цесаревич также высказывал против него недовольство. (Милютин Д.А. Дневник. 1879 – 1881. С. 115.)

<sup>645</sup> Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 187, 189 – 190.

<sup>646</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 641. Л. 81 об.

<sup>647</sup> Милютин Д.А. Дневник. 1876 – 1878. С. 353.

<sup>648</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 641. Л. 85.

Гурке, было бы неуместно и тебе самому, наверное, тяжело. Вместе с этим отпадает и вопрос о назначении к тебе начальником штаба генерал-лейтенанта Обручева, которого я со своей стороны признавал вполне способным и достойным»<sup>649</sup>.

Однако вел. кн. Александр Александрович, по-видимому, счел себя обманутым. Из его писем видно, насколько ему хотелось сыграть заметную роль в окончательном разгроме турок вместе с гвардией: «Я знал, что получу отказ от главнокомандующего, потому что он не допускает при себе никакой самостоятельной личности, а мне именно такой и нужен был, – писал цесаревич матери. – Я в одном ошибся: я думал, что папа более энергично поддержит меня в моей просьбе, но вышло так, что мне не удалось в моем желании, и я остался снова в самом странном и неловком положении!.. Я не мог себе представить, что папа пожертвует репутацией *своего сына, своего наследника* из-за каприза главнокомандующего!»<sup>650</sup>. «Нас великолепно водили все время за нос, надули самым наглым образом, держали попусту здесь более месяца, все в надежде, что вернемся к нашим частям, к гвардии... Грустно, что папа так нерешителен, тогда было бы иначе», – жаловался он вел. кн. Владимиру Александровичу<sup>651</sup>. В письмах же к цесаревне прорывались неудовлетворенное честолюбие и обида: «Все время мое положение было ненормальное, самое незавидное, каким-то чернорабочим, а прочим предоставили уже пожинать лавры за Балканами, и именно тем, которые всего менее заслуживали это, как, например, Скобелев, Струков и Гурко!». Успехами за Балканами, считал цесаревич, Россия обязана не им и главнокомандующему, «а молодецким, геройским и чудным нравственным духом русским войскам и частным начальникам»<sup>652</sup>.

Воронцов-Дашков и Победоносцев, лишь понаслышке знавшие о произошедшем столкновении и переживаниях цесаревича, независимо друг от друга старались его успокоить и ободрить. «Ложное положение, которое Вам устроили, должно смущать Вас и расстраивать, – писал Победоносцев. – На душе у Вас, верно, бывает горько, и это чувство, не выходя наружу, может сосредотачиваться внутри запасом горечи, досады, недоверия. Ради Бога, не давайте этому запасу накапливаться. Не забывайте ни на минуту, что уже вся Россия теперь понимает и ценит по достоинству положение, в которое Вы поставлены; в этой мысли, может быть, найдете довольно силы для того, чтобы бороться с тягостью, которая лежит на Вас»<sup>653</sup>. «Нашлись бы люди и даже многие, которые бы воспользовались назначением Вашего Высочества на место Гурко начальником Западного отряда, чтобы кричать о несправедливости и говорить, что цесаревич пожелает пожинать плоды чужих трудов, – отмечал Воронцов. Теперь и этот укор не имеет места, и

<sup>649</sup> Там же. Д. 669. Л. 178 – 178 об.

<sup>650</sup> Там же. Ф. 641. Оп. 1. Д. 115. Л. 266 – 266 об.

<sup>651</sup> Там же. Ф. 652. Оп. 1. Д. 378. Л. 79 об., 80 об.

<sup>652</sup> Из переписки Александра Александровича. С. 133 – 134.

<sup>653</sup> Письма Победоносцева. С. 112, 113.

Ваше Высочество стоит в общественном мнении высоко и неуязвимо, как человек, до конца и во всем исполнивший свой долг. Это лучше и кроме всех лавр, растущих за Балканами»<sup>654</sup>.

И действительно, «обручевский вопрос» и вообще положение наследника престола во время войны имели резонанс как в Действующей армии, так и за её пределами. В Петербурге конфликт Александра Александровича с дядей вовсю обсуждался в яхт-клубе, слухи об этом циркулировали в частях гвардии на Балканах, а вел. кн. Михаил Николаевич с тревогой писал племяннику с Кавказа в начале 1878 г., что об отношениях цесаревича с вел. кн. Николаем Николаевичем «стали до меня доходить разные слухи и вероятно сплетни; рассказывали о твоём назначении командовать частью армии, перешедшей через Балканы с начальником штаба Обручевым, удивлялись и не понимали, что после падения Плевны ты всё-таки не получил более видной роли и не принял вовсе участия в славном походе за Балканы и т.д.»<sup>655</sup>. Одновременно современники полагали, что наследник престола, назначенный командовать Руцукским отрядом, на второстепенном направлении, и тем самым якобы изначально поставленный в неподобающие его статусу условия, полностью выполнил свой долг и укрепил мнение о себе в глазах общества. «Популярность цесаревича и цесаревны растёт ежедневно, – отмечал А.А. Половцов по возвращении Александра Александровича из армии. – Время, проведённое великим князем в Руцукской армии, ещё более умножило его хорошую репутацию. [...] Без всяких фраз, штук и т.п. цесаревич, внимательный к советам начальника штаба Ванновского, совершил примерное отступление, стягивая постепенно войска и отражая неприятеля, где бы он ни напал. И народ, и Мольтке, и всякий беспристрастный, серьёзный человек отдал ему справедливость, а между тем главнокомандующий не переставал бранить и осуждать своего племянника за всё, у него делавшееся»<sup>656</sup>. Адмирал И.А. Шестаков, отмечая, что командующий Руцукским отрядом «вышел с честью из положения несносного» и знал, что «ему не предстояло ничего эффектного, легко оцениваемого массами», удивлялся, «из какого расчёта, по каким соображениям подвергали будущего властелина России случайности быть разбитым каким-нибудь Мегмедом или Сулейманом?»<sup>657</sup> Генерал Зотов недоумевал в дневнике, «как предпочесть Гурко цесаревичу, не дать последнему случая принять участия в триумфальном шествии, которое представляет из себя теперь ход военных операций? Ведь для того, чтобы гнать бегущего и деморализованного неприятеля, не нужно быть гениальным полководцем»<sup>658</sup>. К.П. Победоносцев, говоря о цесаревиче в письме к Е.Ф. Тютчевой и опасаясь, «как бы не влилось ему в душу слишком много желчи», уже после возвращения наследника из армии отмечал, что «время, проведённое с войском,

<sup>654</sup> Переписка И.И. Воронцова-Дашкова. С. 212.

<sup>655</sup> Из дневника А.А. Половцова (1877 – 1878 гг.) // Красный архив. 1929. Т. 2(33). С. 180; *Епанчин Н.А.* Указ. соч. С. 92; ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 902. Л. 103 об.

<sup>656</sup> ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 13. С. 142 – 143.

<sup>657</sup> *Шестаков И.А.* Указ. соч. С. 631.

<sup>658</sup> *Зотов П.Д.* Указ. соч. С. 75 – 76.

было для него жестоким испытанием», однако «он ясен по-прежнему, но вернулся, надеюсь, с большим запасом опыта, купленного недёшево»<sup>659</sup>.

Сам же наследник, несмотря на все неурядицы и обиды, подводя в письме к матери 25 января 1878 г. итог своему пребыванию на Балканах подчеркнул, что «школу мы прошли с Владимиром серьёзную, тяжёлую, трудную, которая нам очень и очень пригодится в жизни, и, слава Богу, прошли благополучно. Оправдали доверие к нам *papa* и *России*, чего же нам больше, а мне в особенности: я исключительно служу и буду служить *papa* и *Родине*, которым я принадлежу всецело и которым я готов пожертвовать всем!»<sup>660</sup> Отцу он тогда же написал, что «Господь благословил нас, и мы не огорчили тебя в эту кампанию. Не хочу входить в разные подробности, объяснения или оправдания. Чтобы не обременять тебя, милый Па, тем более, что даст Бог, мы скоро и увидимся, и ты можешь потребовать от нас то, что тебе угодно. Одно, прости меня за историю с генералом Обручевым, но я по совести не мог иначе поступить и прибавлю, что я намеренно и обдуманно обратился к тебе прямо, а не через главнокомандующего»<sup>661</sup>. Долгие месяцы, проведенные на театре боевых действий, вдали от дома и семьи, воочию увиденные тяготы войны действительно не могли не оказать своего влияния на Александра Александровича, в том числе на его отношение к военной службе. В отличие от «скуки» и ощущения «бессмысленности» своих обязанностей, испытываемых во время ежегодных манёвров в Красном Селе, на войне цесаревич осознавал, что ни смотря ни на что должен сознательно исполнять свой долг военнослужащего, как и все в Действующей армии. «Моя душка Минни – писал наследник жене ещё в начале похода – не грусти и не печалься и не забывай, что я не один в таком положении, а десятки тысяч нас, русских, покинувших свои семейства за честное, прямое и святое дело, по воле государя нашего и по благословению Божьему»<sup>662</sup>. Звучит в письмах подобный мотив и позднее: «Иногда у меня положительно бывает тоска по родине, но я стараюсь прогонять от себя подобные чувства, и не следует давать им воли, тем более, что сколько десятков тысяч людей в таком же положении, как я, а служат и идут, куда прикажут»<sup>663</sup>.

К сожалению, свидетельств, по которым можно было бы проследить отношение цесаревича к результатам войны, очень немного. Ещё во время боевых действий Александр Александрович крайне негативно отзывался о двойной игре «великих держав» и в особенности Великобритании. «Причины нет, чтобы эта война кончилась бы скоро, – пишет он в одном из писем к жене 22 ноября 1877 г. – Если бы мы вели её против одних турок, то тогда наверно кончили бы скоро, но мы ведём её почти против всей Европы, а против Англии почти открыто, здесь сомнений

<sup>659</sup> «...Пишу я только для Вас...» С. 220.

<sup>660</sup> ГА РФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 115. Л. 267.

<sup>661</sup> Там же. Ф. 678. Оп. 1. Д. 732. Л. 101 – 101 об.

<sup>662</sup> Из переписки Александра Александровича. С. 118.

<sup>663</sup> ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 706. Л. 40.

быть не может, что без Англии Турция давно бы была разорена и у неё ни копейки денег нет, а ведёт она всю эту кампанию на английские деньги, английским оружием, зарядами и снарядами. Всё, что попадаетея нам от убитых и пленных, всё с английскими клеймами. Таким образом, эта подлейшая Англия, не объявляя нам открыто войну, а напротив того объявивши нейтралитет, ведёт против нас всю эту кампанию. Что может быть подлее и мерзее этого! Я себя спрашиваю постоянно, неужели всё это пройдёт безнаказанно Англии! Неужели Господь не накажет рано или поздно эту мерзкую, подлую страну, заботящуюся только о своих карманах и наделавшую столько зла христианам! Это невозможно, она будет наказана, и я уверен – страшно наказана! Ничего на сём свете безнаказанно не проходит, и справедливость Божья существует, и если не сегодня, так завтра наша святая цель и святое призвание будет торжествовать!»<sup>664</sup>

Когда в конце войны встал вопрос о занятии русскими войсками Константинополя, цесаревич, хотя и не осведомлённый непосредственно о всех перипетиях вокруг этой проблемы и стоявший от неё в стороне, высказал большую сдержанность, опасаясь столкновения с Великобританией: «Лишь бы не брали Константинополь, а то я боюсь, чтобы не было там полной анархии, не с кем будет вести переговоров, а вместе с тем мы дадим повод англичанам войти в Босфор и занять Галлиполи, что будет весьма печально и иметь дурные последствия для России»<sup>665</sup>, – писал он вел. кн. Марии Фёдоровне 15 января 1878 г. Впоследствии, по словам графа Д.А. Милютин, цесаревич «не раз высказывался резко против всяких соглашений с англичанами»<sup>666</sup>. К сожалению, в течение весны – осени 1878 г., когда решалось устройство Балкан, пересматривались результаты Сан-Стефанского мира, и Россия находилась под угрозой войны с европейскими державами, наследник вовсе не вёл дневника, затем в дневнике и письмах попадаются тревожные, но малозначительные высказывания, как в письме к отцу осенью 1878 г. о том, что «дипломатические известия всё ещё тревожны и далеко не утешительны! Когда же, наконец, мы доживём до полного, внешнего хотя, спокойствия!»<sup>667</sup>, или в дневниковой записи, сделанной после присутствия на докладе канцлера и Н.К. Гирса 28 марта 1879 г., что «каша снова продолжается в дипломатии!»<sup>668</sup>. При этом наследник, вернувшись с Балкан, вновь регулярно присутствовал на всех совещаниях по международным делам<sup>669</sup>. В январе 1879 г. на балу у греческого посланника Браиласа в разговоре с ним, как писал в дневнике А.А. Киреев, «цесаревич выразился очень энергично по поводу результатов войны, он их считает слишком малыми, а

<sup>664</sup> Там же. Ф. 642. Оп. 1. Д. 706. Л. 187 – 187 об.

<sup>665</sup> Там же. Д. 708. Л. 19 об. Князь Н.А. Орлов писал цесаревичу ещё 12 мая 1877 г.: «Не знаю, зачем мы не объявляем Англии, что мы не намерены овладеть Константинополем. Она тогда станет напирать на турок, чтобы привести их к уступкам. В противном случае англичане займут Дарданеллы, а потом и самый Константинополь. Этого, по-моему, следует во что бы ни стало избежать. (Там же. Д. 946. Л. 58 – 59.)

<sup>666</sup> Милютин Д.А. Дневник. 1879 – 1881. С. 133.

<sup>667</sup> Там же. Ф. 678. Оп. 1. Д. 732. Л. 112.

<sup>668</sup> Там же. Ф. 677. Оп. 1. Д. 307. С. 237.

<sup>669</sup> См., например: Милютин Д.А. Дневник. 1876 – 1878. С. 380, 385, 394, 400 и далее; Он же. Дневник. 1879 – 1881. С. 21, 23, 30, 117 и др.

самую войну лишь полуоконченной»<sup>670</sup>. Об отношении цесаревича косвенно говорит и такой факт. Просматривая в конце 1879 г. каталог картин В.В. Верещагина, посвящённых Русско-турецкой войне, и отмечая «всегдашнюю тенденциозность» художника, выразившуюся в подписях к полотнам (по словам цесаревича, «можно по ним заключить одно: либо Верещагин – *скотина*, или совершенно помешанный человек»), Александр Александрович писал А.П. Боголюбову: «Жаль, что это будут единственные картины в воспоминание славной войны 1877 – 78 гг., и это всё, что мы оставим нашему потомству»<sup>671</sup>. В то же время, по-видимому, претерпевает изменение отношение великого князя к «славянскому движению». Как записывает Киреев со слов Е.Ф. Тютчевой 22 февраля 1879 г., наследник «не особенно сочувственно относится к Славянскому комитету (несмотря на то, что во время Сербской войны снаряжал гвардейских офицеров). Теперь, по-видимому, его мнение несколько изменилось, он *всё это* называет «*славянциной*»<sup>672</sup>. Впрочем, не исключена и простая осторожность со стороны Александра Александровича, не желавшего более возбуждать лишних толков и осложнять взаимоотношения с отцом. Когда Киреев стал говорить с наследником о связи между Сербской и Русско-турецкой войнами и о необходимости для государя не оставлять славян без помощи, из чувства милосердия и справедливости, «цесаревич начал смотреть на меня *рассеянно*». Генерал так и не мог решить, «было ли это непонимание или скрытность»<sup>673</sup>.

События 1877 – 1878 гг. на Балканах стали значительным этапом в жизни вел. кн. Александра Александровича, дали ему богатый материал для размышлений и переоценки взглядов, позволили проявить себя в сложных ситуациях, иначе отнестись к воинской службе. Война изменила его отношения с рядом видных военных деятелей, привела к полному разладу с вел. кн. Николаем Николаевичем, но в известной мере примирила с Д.А. Милютиным, его сотрудниками и проведёнными ими военными реформами или, во всяком случае, заставила, наконец, взглянуть на них иначе<sup>674</sup>. В мае 1881 г. император Александр III скажет Дмитрию Алексеевичу: «Эти 20 лет не прошли без пользы; все отдают справедливость тому, что сделано в эти 20 лет. Армия наша и администрация совсем уже не те, какие были 20 лет назад. Последняя война вполне это выказала». Припоминания в этой же связи бездействие интендантства во время войны, государь

<sup>670</sup> ОР РГБ. Ф. 126. Д. 8. Л. 7 об.

<sup>671</sup> РГАЛИ. Ф. 705. Оп. 1. Д. 4. Л. 15.

<sup>672</sup> ОР РГБ. Ф. 126. Д. 8. Л. 11 об.

<sup>673</sup> Там же. Л. 11 – 11 об.

<sup>674</sup> В этом отношении представлял бы несомненный интерес ответ Александра Александровича, если только он был, на вопрос князя Н.А. Орлова, сделанный в письме 27 сентября 1879 г. «Сегодня имею до Вас большую просьбу, милый друг – писал Николай Алексеевич. – Напишите мне, по почте, но исключительно для меня, Ваше мнение о генерале Обручеве. По-моему, у него нет такта. Он высоко стоит в мнении Константина Николаевича, зато Николай Николаевич его далеко не так оценивает. Ваше мнение мне очень нужно знать. Я разумею Ваше откровенное мнение, но *для себя одного*. Я отстал от настоящих правительственных людей. Признаюсь, что не доверяю ни Милютину, ни Обручеву. Вы одни можете меня наставить на путь». (ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 946. Л. 106 – 107 об.)

подчеркнул, что всё, «что зависело от Военного министерства, оказалось вполне удовлетворительным»<sup>675</sup>. Война выявила способность цесаревича наладить работу с подчинёнными (в том числе более опытными, чем он сам), умение ценить самостоятельность и компетентность пусть даже лично несимпатичных сотрудников. Однако и такие яркие, хотя и неоднозначные, его качества, как честолюбие, неосмотрительность, чрезмерная эмоциональность и категоричность, склонность к поспешным, плохо продуманным решениям и инициативам, на фронте вновь проявились в полной мере. Вновь обнаруживаются взаимные непонимание и недоговоренности между наследником и императором, притом что Александра Александровича по-прежнему во все нельзя было упрекнуть в нежелании помогать отцу, а также откровенно высказывать свою точку зрения. В дальнейшем наследник последовательно выступает за активные действия и вмешательство России в борьбу на Балканах, впрочем, никак не оказывая заметного влияния на Александра II и дипломатию, оставаясь скорее сторонним созерцателем и критиком. При этом нельзя даже вполне проследить, насколько чётко цесаревич осознавал как внешнеполитические задачи России, так и мотивы государя и министров. Многие его высказывания по-прежнему отдают излишней эмоциональностью, но не взвешенной оценкой событий. Его восприятие позиции европейских держав в Восточном вопросе также во многом идеалистично: политику Великобритании, потворствовавшей интересам Порты, он оценивает в первую очередь как антихристианские и бесчестные, враждебные «святому призванию» России по освобождению угнетённых балканских народов. Соответственным было и отношение наследника к Русско-турецкой войне, в результате которой он, по-видимому, не считал задачу России на Балканах выполненной.

---

<sup>675</sup> Милютин Д.А. Дневник. 1879 – 1881. С. 334.

### Глава III. Наследник накануне вступления на престол

#### *§1. Проблема развития военно-морского флота в конце 70-х – начале 80-х гг.*

Во второй половине 70-х – начале 80-х гг. на фоне всё более осложнявшейся внешнеполитической ситуации наследник престола вступил в противостояние с Морским министерством и его главой вел. кн. Константином Николаевич относительно путей развития русского флота. В 70-х гг. в силу финансовых затруднений морское ведомство предпочитало сочетать доктрины оборонительного броненосного и крейсерского флотов. В то же время его усилия по обеспечению неуязвимости с моря были явно недостаточными, к началу Русско-турецкой войны на Чёрном море Россия оказалась к ней неготовой. Два построенных там круглых броненосца береговой обороны конструкции адмирала А.А. Попова, прозванные «поповками», отличались сомнительными мореходными качествами и подвергались критике современников<sup>676</sup>. В конце сентября 1876 г. цесаревич в письме к жене из Ливадии, рьяно критикуя «бездействие» всей высшей правительственной администрации в виду предстоящей войны с Османской империей, нелицеприятно отозвался о Морском министерстве и его главе: «Сегодня получили депешу, что турецкому флоту приказано немедленно оставить Кандию, где он находился, и идти в Константинополь; видно, что что-то они готовят для нас. А мы здесь в Чёрном море должны спрятать все наши негодные суда в Николаеве, чтобы их не сожгли, а действовать им и немыслимо. Остаются эти две пакости «поповки», да и их мы не можем нигде употребить, потому что не знаем, куда их послать, и пойдут ли они – это ещё вопрос. Да, *Кокс* поставил себе памятник в нашем флоте, и история не забудет его благодеяний; до того запустить всё и ничего не строить поря-

---

<sup>676</sup> Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 510 – 511; Кирр Л.В. *Op. cit.* Р. 155 – 160; Шевырёв А.П. Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. М., 1990. С. 128 – 130, 154 – 157, 164.

дочного; до чего дошло наше Морское министерство это просто отвратительно и подло! Право, можно его назвать *жולי*<sup>677</sup> *Коко*!!! Свинство, да и только. Говорил я недавно с Н.А. Аркасом (главный командир Николаевского порта. – В.А.) и высказал ему всё, что было на душе, да и он много милого рассказывал»<sup>678</sup>.

Неудивительно, что при таком отношении наследник оказался восприимчив к критике в адрес морского ведомства. Как и в конце 60-х гг. в истории с ружьями на сцену выступил небезызвестный флотский офицер капитан-лейтенант Н.М. Баранов. Взбешённый тем, что в канун войны Морское министерство отвергло его проект развития крейсерского флота, Баранов обрушился с резкой критикой на всю предвоенную политику ведомства и его военные планы в либеральной петербургской газете «Голос». Он не только ставил под сомнение способность министерства руководить флотом, но и оспаривал основные установки, которым оно следовало<sup>679</sup>. В одной из своих статей (сильно отдающей, к тому же, демагогическим пафосом), сохранившейся в рукописном виде в бумагах Александра Александровича, Баранов отстаивал идею о том, что «оборонительный флот – такой же абсурд, каким была бы мысль посадить кавалерию на лошадей с ампутированными ногами». «Заведение броненосцев в России, – писал он, – дело очень выгодное для иностранных заводчиков и вредное для государства». По мнению Баранова, «через несколько лет судно самое прочное и самое дорогое придёт в негодность, оно, ещё будучи верхом совершенства морской техники сегодня, через несколько лет, а, может быть, и месяцев сделается вследствие движения науки вперёд анахронизмом, не отвечающим своей цели». «Самой действительной мерой, – полагал он, – и при том самой дешёвой, оборонять наши моря и побережья было бы не иметь броненосного флота вовсе, а, напротив того, создать флот из

<sup>677</sup> От франц. *joli* – милый (ирон.).

<sup>678</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 705. Л. 19 – 20. Стоит отметить, что насмешливо-уничижительное прозвище «Коко» по отношению к вел. кн. Константина Николаевичу, по-видимому, не случайно появляется в письмах Александра Александровича в середине 70-х гг. Тогда наблюдается резкое ухудшение до того достаточно ровных отношений наследника с дядей, что не в последнюю очередь связано с появлением у вел. кн. Константина и Николая Николаевичей незаконных семей. Цесаревич крайне болезненно отнёсся к попранию семейных ценностей, вероятно, это было связано и с появлением побочной семьи у императора. Когда в ноябре 1875 г. разразился публичный скандал, связанный с удалением из столицы любовницы вел. кн. Николая Николаевича Е.Г. Числовой, в письме к вел. кн. Алексею Александровичу наследник писал, что «сам милейший *Коко* обретается в неопisanном страхе за судьбу своей Дюльциней и её помёта, как нам передавал Феденька Трепов, которому Коко это наметнул! Ха, ха, ха!!!» (ГА РФ. Ф. 681. Оп. 1. Д. 31. Л. 2 – 2 об.) Вел. кн. Михаилу Николаевичу в начале 1876 г. он, возмущаясь сложившимся в семьях великих князей положением, писал, что «меня бесит, что этого многие не хотят понять или не желают, я не знаю, но что ты вполне разделишь мой взгляд на это, я совершенно уверен. Дядю Низи жаль, но больше ничего для него сделать нельзя. С нами он очень мил, как и прежде, и все стараются его рассеивать и занимать, но это все не то; он убитый человек, и жизнь его испорчена и ее не поправить ничем! Дядя Костя с тётёй Сани любезничает страшно, а почему? Оттого, что боится, чтобы и его не разлучили с любовницей!? Милое время и семейные отношения? Не дай Бог никому подобного несчастья!» («Любящий тебя племянник Саша...» Переписка цесаревича Александра Александровича и великого князя Михаила Николаевича. 1874–1878 гг. // Исторический архив. 2013. №1. С. 119.) В одном же из писем к жене с Русско-турецкой войны, узнав, что дядя, оставшийся в Петербурге, посещает театр, цесаревич вовсе не сдерживал эмоций: «Это очень мило: *ignoble* (гнусный, подлый. – В.А.) *Коко*, который продолжал ездить в театр всё это время; да что же ждать другого от этой *дряни! противная тварь!*» (ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 706. Л. 174 об.)

<sup>679</sup> Kipp J.W. Op. cit. P. 162 – 163.

ходких крейсеров, большая часть которых постоянно в мирное время находилась бы в водах Восточного океана и могла бы по первой телеграмме, присланной из Петербурга, разнести ужас опустошительной войны по всем направлениям главных морских торговых артерий»<sup>680</sup>.

Адмирал И.А. Шестаков, «не входя в разбор целесообразности судов и важности их в боевом отношении», вспоминал о «поповках», что «всем было известно, что не только генерал-адмирал, но сам государь был обворожён произведением Попова. Разумеется, они оценили выдумку Попова не по достоинствам, которых не могли анализировать, а по впечатлению на слабые свои органы, поддающиеся безотчётным увлечениям. Как бы то ни было, высшая власть явно и ярко стояла за Попова»<sup>681</sup>. В начале 1877 г. под председательством генерал-адмирала и с участием цесаревича собралась комиссия, призванная решить, какого типа корабли необходимо будет строить для флота, в первую очередь, в Чёрном море. На заседаниях комиссии 22 и 24 февраля 1877 г. между вел. кн. Константином Николаевичем и наследником разгорелась острая полемика по вопросу о строительстве броненосцев. Сохранился собственноручный черновой текст выступления Александра Александровича на одном из этих двух заседаний. В частности, он писал о том, что «я не допускаю возможности для России делать столь дорого стоящие опыты, и снова строить круглые суда в больших размерах, качества которых нам ещё вовсе не известны, по моему мнению было бы преждевременно». Цесаревич полагал, что из опытов над «поповками» можно заключить лишь то, «что они способны передвигаться с места на место». «По моему мнению, – продолжал он, – даже тип броненосцев *«Пётр Великий»* – вовсе не решённый вопрос», поскольку его опыт плаванья из Кронштадта в Ревель «ровно ещё ничего не доказал». По словам наследника, и «англичане положительно своим “Devastation” не довольны»<sup>682</sup>. Сам вел. кн. Константин Николаевич напротив заявил в заседании, что «Пётр Великий» и «поповки» «суть самые сильные суда своего класса в мире»<sup>683</sup>. «Когда же заговорили о «поповках», – записал генерал-адмирал в дневнике 22 февраля, – пошли личности от Попова к Аркасу. Под конец в высшей степени неприличная выходка наследника, который отказывался даже рассматривать новые проекты и модели Попова и требовал того же от тех, которые с ним согласны». После заседания великий князь «объяснил Саше всё неприличие его выходки. Но он так упрям, что не знаю даже, понял ли он меня». В тот же день от генерал-адмирала о «неприличной выходке» цесаревича узнал и государь»<sup>684</sup>. Два дня спустя «Сашка, который всё не может примириться с нашим проектом, а между прочим видит, что мы победоносно разбиваем все

<sup>680</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 425. Л. 13 об. – 14, 15 – 15 об., 18.

<sup>681</sup> Шестаков И.А. Указ. соч. С. 586.

<sup>682</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 365. Л. 2 об. Между тем, в литературе броненосец «Пётр Великий», близкий по типу к английскому броненосцу “Devastation”, построенный по проекту А.А. Попова в 1869 – 1872 гг., признаётся крупным шагом технической мысли в кораблестроении. (Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 512 – 513.)

<sup>683</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 365. Л. 5 – 5 об.

<sup>684</sup> Там же. Ф. 722. Оп. 1. Д. 112. Л. 71.

на него нападки, стал говорить, отчего же мы секретничали и делали из этого мистерию, и заставил меня очень крупно ему на это ответить»<sup>685</sup>. Более подробно об этом эпизоде в заседании рассказано в дневнике А.А. Киреева: «Великий князь Константин Николаевич отлично ведёт дело и отстаивает то, что сделано («поповки»). Цесаревич резко нападает и между прочим сказал, что расходы на судостроение делаются безотчётно и келейно, на это Константин Николаевич ответил резко, что все расходы делаются в виду государя, и что в отчёте он (великий князь) обязан ему (государю) и даст его ему. Вообще положение натянуто, великий князь очень упрям, но и наследник тоже не податлив. «Дядя, – говорил он, – не даром ли мы расходует деньги?»<sup>686</sup> В черновом варианте своего выступления цесаревич писал, что «вообще все дела постройки новых типов судов держались в секрете, в тайне, и наши техники и авторитеты никогда не были приглашаемы для обсуждений этих важных вопросов и никому ничего не было известно, как идёт и поставлено это дело»<sup>687</sup>. В дневнике же обо всех этих разногласиях наследник упомянул лишь однажды вскользь 11 марта: «Были у меня К.Н. Посьет и Г.И. Бутаков, чтобы сговориться с ними всё об той же комиссии под председательством дяди Кости. Комиссия эта была собрана для решения вопроса типа судна, который следует принять у нас для броненосцев. Уже собирались 2 раза и толковали и спорили по 4 часа сряду, и всё ещё к окончательному результату не пришли. Скверное и гадкое это дело, и нечисто ведётся оно А.А. Поповым и компанией!»<sup>688</sup>

Видя, что ему не удаётся добиться успеха в комиссии, наследник предпринял попытку донести до императора правоту своей точки зрения, причём по обыкновению для большей убедительности прибег не только к личной беседе, но и письму. Вместе с письмом 28 февраля он «решился» послать отцу в виде, по-видимому, той самой упоминавшейся записки статью Н.М. Баранова, повторяя его же аргументы. «Рано или поздно, – писал цесаревич, – но к этому придут почти наверное все государства: бросить строить броненосные суда, а нам и теперь уже и не выгодно, и не по силам их строить. Моё глубокое убеждение, что раз решившись не строить броненосцев, мы не только не потеряем, а напротив будем в гораздо более выгодном положении, чем теперь, имея их. [...] Это же будет повторяться всегда, потому что мы не можем угоняться за успехами прочих государств, и всегда в этом отношении будем отсталыми. Ни наши финансы, ни наши механические средства нам этого не позволят, а иметь в большом количестве океанские крейсера – это настоящие призвание русского флота и его будущее. Прости мне, милый па, что я так подробно пишу, но это дело меня сильно интересует, и потом, как я уже тебе сегодня утром сказал, из комиссии под председательством дяди Кости ничего путного

---

<sup>685</sup> Там же. Л. 72 – 72 об.

<sup>686</sup> ОР РГБ. Ф. 126. Д. 7. Л. 37 об.

<sup>687</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 365. Л. 2.

<sup>688</sup> Там же. Д. 307. С. 134 – 135.

не выйдет, и вопрос поставлен совершенно фальшиво»<sup>689</sup>. Александр II, по-видимому, действительно скептически отнёсшийся к начинаниям сына, лаконично написал в ответ на письмо: «Прочту, когда будет время».

Новая фаза противоречий цесаревича с морским ведомством началась после Русско-турецкой войны, когда с весны 1878 г. стал создаваться Добровольный флот, суда которого в случае войны могли быть переоборудованы в крейсера. В очередной записке Н.М. Баранова, посвящённой океанским крейсерам и «морскому обществу», ставшему прообразом Общества Добровольного флота, развивалась мысль о том, что после Русско-турецкой войны противник номер один у России – Великобритания и её флот. Подчёркивалось бездействие в минувшую войну слабого русского флота. Следуя своему опыту минувшей войны, Баранов находил средство для выхода из этого положения – «постройка наилучших современных типов наибо́льших морских судов, которые должны бороздить моря между Кронштадтом, Владивостоком и Николаевым в Чёрном море. Суда эти должны быть всякий момент готовы к выкидке из трюмов коммерческого груза, к наполнению их машинным топливом, к вооружению своих палуб артиллериею и к приспособлению себя к действию минами». Такие крейсера, по мнению Баранова, «могли бы уже громить английские интересы там, где действительно находится их нервный узел, и англичанам было бы неудобно выдумывать причины к зазорному ограждению своих интересов даже там, где их вовсе не существует»<sup>690</sup>. Между тем, вел. кн. Константин Николаевич и большинство старших морских офицеров воспринимали создание Добровольного флота, вдохновляемое московскими славянофильскими кругами, как недальновидное и неумело организованное предприятие, однако соперничающее с морским ведомством. В то время как энтузиасты Добровольного флота указывали на ущерб, который во время Гражданской войны в США крейсера конфедератов нанесли торговому флоту северян, руководство Морского министерства признавало, что подобный способ ведения войны произведёт страшный эффект среди нейтральных государств, да к тому же будет сильно зависеть от наличия заграничных баз для русского флота<sup>691</sup>.

Справедливо отмечалось, что в этот период большое влияние на ухудшение отношений вел. кн. Александра Александровича с главой Морского министерства оказал К.П. Победоносцев, протезировавший проектам Баранова и ему самому в его собственном служебном конфликте с министерством<sup>692</sup>. Им постоянно подчёркивалась бездеятельность вел. кн. Константина Нико-

---

<sup>689</sup> Там же. Д. 641. Л. 69 – 70 об.

<sup>690</sup> Там же. Д. 460. Л. 1 – 13 об. Записка без подписи и не датирована, но очевидно, что она написана в феврале 1878 г., начинаясь словами: «Минул месяц, как наступило перемирие». (Заключено 19 января 1878 г.) Авторство Баранова подтверждается не только характерным стилем и положениями записки, но и тем, что 4 марта наследник послал отцу «записку, которую передал мне флигель-адъютант Баранов о крейсерах в океанах». (Там же. Ф. 678. Оп. 1. Д. 732. Л. 101а.)

<sup>691</sup> Kipp J.W. Op. cit. P. 166 – 167.

<sup>692</sup> Полунов А.Ю. Указ. соч. С. 166 – 169. Меткое суждение о Баранове встречается в воспоминаниях С.Д. Шереметева: «Он появлялся к цесаревичу с образцами каких-то ружей и, как человек несомненно способный

лаевича и его подчинённых по управлению флотом. «Морское ведомство не сознаёт одного обстоятельства, бесспорного, – писал Константин Петрович наследнику в декабре 1879 г. – именно того, что оно дискредитировано во всей России: слава его дурная, повсюду и везде идёт речь о беспорядках в нём, злоупотреблениях, расхищении и трате громадных сумм и прочем»<sup>693</sup>. Вторил Победоносцеву и граф И.И. Воронцов-Дашков. Так, например, 11 апреля 1878 г., он убеждал наследника в необходимости личного контроля над сбором частного капитала в пользу Добровольного флота, поскольку «только Ваше имя внушает доверие, Морскому министерству или Константину Николаевичу не достать гроша»<sup>694</sup>. Позднее, когда Добровольный флот уже был создан, цесаревич писал Победоносцеву, что «с подобным бестолковым и неприязненным министерством ничего не поделаешь. Лесовский (управляющий министерством. – В.А.) – старый колпак, а генерал-адмирал делает, что ему другие вбивают в голову. Просто злость берёт иметь дело с подобными людьми»<sup>695</sup>. Сформулированные Барановым задачи океанского флота вполне отвечало растущей неприязни наследника к Великобритании. Правда, порой обычная для наследника резкость, а также элементарная неосмотрительность вновь приводили его к двусмысленным ситуациям. «Победоносцев принял председательствование в комитете о снаряжении крейсеров на случай войны с Англиею, – писал в дневнике А.А. Половцов 13 мая 1878 г., – и в этом качестве послал в «Правительственный вестник» воззвание к русскому народу, написав редактору этой газеты, что по приказанию цесаревича воззвание это должно быть напечатано в первом имеющем выйти в свет номере. Так и было сделано, и воинственная прокламация появилась в том же номере, где объявлено было о приезде графа Шувалова с мирными от английского правительства предложениями. Государь тотчас запросил Тимашева о том, как воззвание попало в «Правительственный вестник». Тимашев в ответ послал государю подлинное письмо Победоносцева, на котором государь написал: «Очень сожалею. Я уже сделал цесаревичу за это выговор». Вообще весьма неуместно мешать в подобное дело имя цесаревича. Что ни говори, а крейсерство не далеко от разбойничества, а из будущего государя не следует делать начальника разбойников»<sup>696</sup>.

В конце 1879 – начале 1880 г. проекты Баранова, поддерживаемого цесаревичем, встретили вполне сочувственное отношение графа Д.А. Милютина. 4 декабря 1879 г. Победоносцев писал Александру Александровичу о том, что Баранов подал военному министру «записку о средствах к успешному ведению морской войны с Англией», и «Милютин тогда же отвечал Баранову

---

и дельный, очень искусно подошёл к больному месту: к разногласию цесаревича с генерал-адмиралом и с военным министром. Здесь начало его карьеры: сначала поручения за границу по части перевооружения и по морским вопросам, а таким путём незаметно подошёл он к добровольному флоту и тогда сочетался с Победоносцевым, избравшим добровольного генерал-адмирала». (Мемуары графа Шереметева. С. 429.)

<sup>693</sup> Письма Победоносцева. С. 247.

<sup>694</sup> Переписка И.И. Воронцова-Дашкова. С. 215.

<sup>695</sup> Победоносцев и его корреспонденты. Т. II. С. 587.

<sup>696</sup> ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 13. С. 210 – 212.

очень любезным письмом, в котором выражал живейший интерес к делу». «Разумеется, – замечал Константин Петрович, – от Морского министерства невозможно ожидать, чтоб оно вошло искренно в мысль этого плана, – во 1-х, потому что план исходит от Баранова, во 2-х, потому, что, приняв его, надобно осудить всю прежнюю политику Морского министерства. Правда, оно само теперь признаёт нужным приобретать крейсера, но мы видим, как и за какие цены их приобретает. А притом, и главным образом, продолжает строить новые броненосцы за безумные деньги»<sup>697</sup>. 3 января 1880 г. цесаревич встретился с Милютиным, который предложил «оставить на первое время в стороне имя Баранова, а приготовить записку от Общества Добровольного флота и прямо представить её государю». При этом весьма красноречиво замечание военного министра после разговора с Александром Александровичем: «Кроме этого дела наследник цесаревич разговаривал о разных других предметах, даже о политических вопросах. В первый раз случилось мне слышать от Его Высочества продолжительный и связный разговор и, признаюсь, я был предельно изумлён слышать от него дельные и разумные суждения»<sup>698</sup>. 6 марта подготовленная записка была представлена императору. «Записка эта очень заинтересовала Д.А. Милютина, который просматривал её несколько раз и сделал свои замечания и некоторые дополнения»<sup>699</sup>, – писал наследник отцу. «Только бы удалось приостановить постройку этих поганых броненосцев, если действительно Морское министерство собирается их снова строить», – писал он в тот же день Победоносцеву<sup>700</sup>. Действительно, морское ведомство полагало, что завершение в 1878 г. вооружения двенадцати рейдеров дальнего действия удовлетворяло потребности в крейсерском флоте и необходимо было перейти к строительству броненосцев типа «Пётр Великий», 5 на Балтийском и 10 на Чёрном морях. На это через Государственный совет испрашивалось 6 млн. рублей<sup>701</sup>.

24 марта под председательством Александра II состоялось совещание «о развитии добровольного крейсерского флота, как главного орудия для нашей борьбы с Англией». «Само собою разумеется, – писал граф Милютин, – что морякам записка была не по нутру; они объясняли, что и сами постоянно имели в виду, в случае войны с Англией, действовать посредством крейсеров, но что не могут согласиться с мнением, будто Россия должна ограничиться одними только крейсерами, отказавшись вовсе от броненосных судов. В этом отношении они, конечно, правы; в записке Баранова, действительно, заметно некоторые увлечение; но вопрос, который затрагивал наиболее самолюбие моряков и который, между тем, не высказывался гласно, тот: будут ли наши новые крейсера строиться Морским министерством или Управление Доброволь-

<sup>697</sup> Письма Победоносцева. С. 244 – 245.

<sup>698</sup> Милютин Д.А. Дневник. 1879 – 1881. С. 137 – 138. Часть цитаты даётся по первоначальной редакции дневника.

<sup>699</sup> ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 732. Л. 133.

<sup>700</sup> Победоносцев и его корреспонденты. Т. II. С. 593.

<sup>701</sup> Kipp J.W. Op. cit. P. 170 – 171.

ного флота»<sup>702</sup>. Вел. кн. Константин Николаевич в суждении о заседании 24 марта был куда категоричнее: «Началось чтение записки, поданной государю наследником о необходимости иметь нам сильный крейсерский флот и о беспомощности флота броненосного. Есть тут некоторые мысли верные, но всё это преувеличено и пересолено и написано чрезвычайно страстно и, скажу даже, недобросовестно. А потом догадался и узнал, что это дело того же мерзавца Баранова»<sup>703</sup>. Три дня спустя совещание «по пакостной записке мерзавца Баранова» состоялось уже у великого князя. «Нам не трудно было её опровергнуть, – утверждал Константин Николаевич, – доказав всю её односторонность и необходимость не только крейсеров, но и броненосцев. Но наследник так обойдён мерзавцем Барановым и так им ослеплён, что его переубедить невозможно, и каждый из нас остался при своём мнении»<sup>704</sup>. Милютин дал более взвешенную оценку прений: «Моряки, подкреплённые министром финансов, отстаивали свою программу, доказывая необходимость постройки больших броненосцев. Наследник цесаревич спокойно и с видимым хладнокровием поддерживал свою тему и до конца остался при своём. Я, со своей стороны, старался примирить оба крайние мнения, поддерживая необходимость развития средств крейсерства; но в тоже время не исключая и необходимости соразмерного числа броненосцев». После заседания Константин Николаевич «с восторгом» говорил с военным министром о проектах А.А. Попова, строительстве новой круглой, по типу «поповки», императорской яхты «Ливадия» и намерении «заложить на наших штабелях громадный броненосец, который должен превзойти все существующие в мире суда, на удивление Европы. Страшно подумать, сколько ещё миллионов будет потоплено на эти фантазии», – подытоживал Дмитрий Алексеевич<sup>705</sup>. Цесаревич же коротко отметил в дневнике, что «просидели с 1 часу до 4¼ ч. и конечно ни к какому результату не пришли, а заседание было оживлённое, но тяжёлое, и Коко, я думаю, порядочно страдал!»<sup>706</sup>

Александр Александрович не переставал желать морскому ведомству всяческих неудач. «Теперь отправляется в плавание на новой *«Ливадии»* генерал-адмирал, – сообщал он К.П. Победоносцеву в августе 1880 г., – и если это плавание будет удачно, то, конечно, вопрос о «поповках» будет окончательно решён и бесповоротно. Дай Бог, чтобы плавание было благополучно. Я думаю, многие так же желают и ждут с нетерпением»<sup>707</sup>. В ноябре, в день возвращения цесаревича с семьёй из Крыма, Константин Николаевич заехал к нему, отметив, что

<sup>702</sup> Милютин Д.А. Дневник. 1879 – 1881. С. 182.

<sup>703</sup> ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1164. Л. 48.

<sup>704</sup> Там же. Л. 49 об.

<sup>705</sup> Милютин Д.А. Дневник. 1879 – 1881. С. 183. Цесаревич осенью 1880 г. отзывался об адмирале Попове как о «скотине» и надеялся скорее «покончить» с ним и «с его округлением отечественной корабельной архитектуры». (Победоносцев и его корреспонденты. Т. II. С. 599.) Адмирал А.А. Попов и вел. кн. Константин Николаевич, несмотря на постоянную критику, продолжали настаивать на возможности улучшения базовой модели «поповок». (Kipp J.W. Op. cit. P. 172 – 173.)

<sup>706</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 308. С. 12.

<sup>707</sup> Победоносцев и его корреспонденты. Т. II. С. 596.

«встретили меня приветливо, но ни одним словом не упомянули о моём плавании»<sup>708</sup>. Кроме того, беспокоился наследник о возможности передачи судов Добровольного флота в руки министерства в случае финансовой несостоятельности общества. «Если же правительство не найдёт возможным дать субсидию или найдёт бесполезным существование этого общества, – писал он в сентябре обер-прокурору, – то, мне кажется, ни в каком случае не отдавать даром суда общества Морскому министерству. Если же Морское министерство не пожелает купить суда общества, то продать их частным лицам, а вырученный за продажу капитал употребить на народные нужды или хранить его на случай войны и покупки новых крейсеров»<sup>709</sup>. Тем временем, Александр II благосклонно отнёсся к проведённым братом испытаниям яхты «Ливадия». Как полагал Дж. Кипп, государь, с одной стороны, вполне полагался на профессиональное мнение Константина Николаевича в делах флота, с другой же стороны, защита генерал-адмирала от обрушившейся на него критики уже в самом правительстве отвечала стилю императора в управлении: поддержка соревнующихся и даже прямо враждебных группировок в «верхах» ради усиления собственной самодержавной власти». Как бы то ни было, позиция Александра II обеспечила дальнейшее направление стратегии строительства флота. Несмотря на последовавшую через несколько месяцев отставку вел. кн. Константина Николаевича, при новом управляющем Морским министерством адмирале И.А. Шестакове Александром III была утверждена 20-летняя программа модернизации флота, отражавшая те самые принципы его развития, за которые порицалось морское ведомство при Константине Николаевиче, барановские проекты канули в лету, а Добровольный флот, несмотря на тщетные возражения Победоносцева, лишился своей самостоятельности<sup>710</sup>. Однако очевидно, что борьба с Морским министерством в любом случае значительно ухудшила отношения наследника с дядей и, наряду с личной неприязнью, во многом предопределила судьбу генерал-адмирала при новом царствовании.

## *§2. Борьба с революционным движением в конце 70-х – начале 80-х гг.*

До второй половины 70-х гг. XIX в., когда распространение революционного движения в России становится всё ощутимее, практически не имеется свидетельств о внимании к нему наследника престола. Осенью 1872 г. в ответ на одно из писем князя В.П. Мещерского<sup>711</sup>, он отмечал, что «всё, что Вы писали об Интернационале, весьма меня интересовало, потому что я не

<sup>708</sup> ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1165. Л. 60 об.

<sup>709</sup> Победоносцев и его корреспонденты. Т. II. С. 598.

<sup>710</sup> Kipp J.W. Op. cit. P. 172 – 173, 177.

<sup>711</sup> В письме от 4 сентября 1872 г. Мещерский рассказывал наследнику о событиях на V конгрессе I Интернационала в Гааге и в частности о «мерзавце и мошеннике» Бакуanine, который «является апостолом самого гнусного радикализма». (ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 895. Л. 268 об. – 271.)

имел почти никакого понятия об этом обществе»<sup>712</sup>. Одним из первых ярких проявлений «кромолы» собственно в России, которое отметил цесаревич, стала демонстрация у Казанского собора в Санкт-Петербурге 6 декабря 1876 г. «Ты, наверное, из газет узнаешь о глупой выходке молодёжи на Казанской площади 6-го декабря, – писал он вел. кн. Михаилу Николаевичу. – Демонстрация сама по себе дурацкая, но видно, как всё ещё хлопочет и работает наша русская интеллигенция за границей. Утешительно это то, как народ отнёсся к этой выходке, и как их отдубасили собственноручно и помогали полиции забрать и арестовать всех этих болванов. С женщинами тоже не поцеремонились и некоторых сильно оттащали за волосы. Теперь идёт следствие и допросы, и как слышно, к ним применяют телесное наказание, самое существенное в некоторых случаях»<sup>713</sup>. Д.А. Милютин в своём дневнике также выразил точку зрения, которой, судя по всему, придерживался и государь, что происшествие следует расценивать как «фарс», выходку «безумцев», являющихся орудием закулисных, возможно заграничных, агитаторов<sup>714</sup>. При этом, однако, военный министр понимал, что нельзя обойтись одними репрессивными полицейскими мерами против пропагандистов, а необходимо «разобрать дело глубже, раскрыть самые причины, способствующие пропаганде, и указать меры к тому, чтобы враждебные влияния, приходящие извне, не находили у нас благоприятной почвы». Обо всём этом Милютин говорил 16 марта 1877 г. на Совете министров, который, тем не менее, не предложил никакого действенного способа для анализа положения<sup>715</sup>. Цесаревич же после заседания совета дал в дневнике следующие, довольно наивное, видение проблемы: «Был у папа собран Совет министров, для того чтобы обсудить, какие меры предпринять для искоренения той вредной пропаганды, которая к несчастью всё больше и больше распространяется в России; это своего рода коммунисты, большею частью молодёжь, не окончившая образования, отвергающая всё хорошее и стремящаяся к низвержению всего существующего порядка. Решено было назначить 4 министров для выработки проекта и плана для будущей комиссии, которая уже подробно обрабатывает это дело и представит в Комитет министров»<sup>716</sup>.

В дальнейшем Александр Александрович длительное время, по-видимому, обращал мало внимания на деятельность противоправительственных сил. Во время Русско-турецкой войны в октябре 1877 г. от К.П. Победоносцева он получил крайне встревоженное письмо, вызванное известным «процессом 193-х». «В такую пору, – в пору напряжённого до крайности народного чувства, – писал Константин Петрович, – такого волнения и раздражения в умах, – наше правительство придумало пустить в ход громадный политический процесс о революционной пропа-

<sup>712</sup> Oxford Slavonic Papers. 1962. P. 119.

<sup>713</sup> ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2743а. Л. 79.

<sup>714</sup> Милютин Д.А. Дневник. 1876 – 1878. М., 2009. С. 167.

<sup>715</sup> Там же. С. 206 – 207.

<sup>716</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 307. С. 136 – 137.

ганде». Описывая нелепости следственного производства и опасность содержания в заключение такой «компании», возмущаясь действиями должностных лиц, прежде всего, министра юстиции графа К.И. Палена (памятуя о нерасположении к нему цесаревича), Победоносцев настаивал на том, что «следовало бы немедленно произвести разбор всех этих арестантов через комиссию, которую составить из людей честных, знающих и, главное, *независимых* от министра юстиции, причастного к этому делу. Эта комиссия непременно убедилась бы тотчас, что многих совсем не для чего держать, и освободила бы их; другим можно бы просто вменить в наказание длительное заключение и дать им прощение – в такую минуту! Затем осталось бы, может быть, очень незначительное число действительно виновных и подлежащих суду». «Итак, нам не миновать ещё этого соблазна и волнения! – сокрушался он в итоге, сетуя на намерение Палена довести дела до суда. – Нет человека, кто бы решился объяснить государю прямо, что это невозможно»<sup>717</sup>. Наследник отвечал, что «то, что Вы пишете по поводу политического процесса, который теперь, к несчастью, уже начат в Петербурге, просто возмутительно; и нужно же быть таким ослом, как Пален, чтобы поднять всю эту кашу теперь. Я всё ещё надеюсь, что государь так или иначе, но прикажет остановить это дело»<sup>718</sup>. Победоносцев был не единственным, кто обращался к наследнику с этим вопросом, который Александр Александрович довёл до сведения отца. «Генерал-адъютант Мезенцев отвечает тебе на счёт сообщённого тобою письма Друцкого-Соколинского, – писал Александр II сыну 2 ноября 1877 г. – Я первый сожалею и признаю несвоевременность подобного политического процесса, но отпустить прямо на свободу всех виновных значило бы ещё более распространить заразу, как первый опыт нам это доказал, а рассчитывать на раскаяние или на благодарность за прощение нельзя»<sup>719</sup>. Цесаревич, не вдаваясь в дальнейшие перипетии, ответил 9 ноября государю, что «получил ответ от генерал-адъютанта Мезенцова. Конечно, простить всех поголовно трудно и рассчитывать на раскаяние невозможно, но я решился послать это письмо князя Друцкого, потому что другого исхода этому делу нет, а этот политический процесс наделает много шума, и много будет скандала на суде, что в настоящую минуту более чем прискорбно. Конечно, не мне судить, бросить ли это дело или продолжать, но весь вопрос в этом!»<sup>720</sup> 8 апреля 1878 г., вскоре после скандального оправдания В.И. Засулич, Победоносцев в письме к Александру Александровичу подробно разобрал это дело со своей точки зрения, кстати возвращаясь и к «процессу 193-х». И вновь он напирал главным образом на то, что «правительства *нет*, как оно должно быть, с твёрдой волей, с явным понятием о том, чего оно хочет, с решимостью защищать основные начала управления, с

<sup>717</sup> Письма Победоносцева. Т. I. С. 84 – 87.

<sup>718</sup> Победоносцев и его корреспонденты. Т. II. С. 573.

<sup>719</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 669. Л. 176 об. – 177.

<sup>720</sup> Там же. Ф. 678. Оп. 1. Д. 732. Л. 96 – 96 об.

готовностью *действовать* всюду, где нужно»<sup>721</sup>. Впрочем, реакция самого наследника на это письмо, как и на «дело Засулич» вообще, не известна<sup>722</sup>.

Вскоре после покушения на императора, совершённого А.К. Соловьёвым 2 апреля 1879 г., цесаревич отметил в дневнике, что «время положительно скверное, и если не взяться теперь серьёзно и строго, то трудно будет поправить потом годами!»<sup>723</sup>. В самый день покушения на совещании представителей правительственной администрации, обсуждавших учреждение временных военных генерал-губернаторов, по свидетельству графа Милютина, «государь казался спокойным и судил в умеренном смысле; присутствовавший при этом наследник цесаревич высказывался гораздо энергичнее и круче»<sup>724</sup>. Месяц спустя Александр Александрович писал отцу в Ливадию, что «последнее время в Петербурге тихо и никаких новых выходов и безобразий со стороны пропагандистов не было. Только бы теперь не засыпали, а продолжали бы деятельно раскрывать зло. Надо надеяться, что изыщут средства, чтобы искоренить зло и не допускать впредь этих безобразий последнего печального и тяжёлого времени! Не знаю, почему закопались так с Верховным уголовным судом над Соловьёвым и до сих пор не преступили к нему?»<sup>725</sup>. Государь в свою очередь отвечал сыну: «Дай Бог, чтобы строгие меры, принятые в главных центрах революционной пропаганды, раскрыли наконец настоящих деятелей»<sup>726</sup>.

Из этого видно, что наследник стоял за решительную борьбу с революционными силами, прежде всего, карательным путём. Эти настроения безусловно разделялись Победоносцевым, сразу после покушения Соловьёва настаивавшим на том, что «здесь, в Петербурге, и затем в Киеве, Харькове, Одессе надобно объединить власть, вооружив её средствами для *быстрой и решительной* кары»<sup>727</sup>. Кроме того, Константин Петрович, опасаясь, что цесаревич, живущий «на высотах», не может видеть «многого, что видим мы», старался дать великому князю своё видение ситуации: «О нынешних смутах, злодействах и заговорах мнение моё сначала было и есть такое, – писал он 17 мая 1879 г., – что в центре всего это дела – польский комитет. Он всё завёл и всё держит, и всё направляет искусною, дьявольскою интригой. Все эти социалисты, кинжальщики и прочие не что иное, как собаки, спущенные с цепи: они работают бессознательно не на себя, а для польского гнезда, которое рассчитало свои план очень ловко и может достигнуть его *с помощью наших государственных людей*, проповедующих, как, например, Ва-

<sup>721</sup> Письма Победоносцева. Т. I. С. 116 – 121.

<sup>722</sup> В период с 19 марта по 18 ноября 1878 г. цесаревич не вёл дневника (см. ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 307.), однако, очевидно, он присутствовал на заседании Совета министров 3 апреля 1878 г., предметом которого было «обсуждение тех экстренных мер для устранения случаев, подобных делу девицы Засулич». (Милютин Д.А. Дневник. 1876 – 1878. С. 406 – 407.)

<sup>723</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 307. С. 243.

<sup>724</sup> Милютин Д.А. Дневник. 1879 – 1881. С. 51.

<sup>725</sup> ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. 732. Л. 118 – 118 об.

<sup>726</sup> Там же. Ф. 677. Оп. 1. Д. 669. Л. 187 об.

<sup>727</sup> Письма Победоносцева. Т. I. С. 194.

луев, примирение с поляками»<sup>728</sup>. Впрочем, не похоже, чтобы взгляды Александра Александровича на происходящие события пока ещё шли дальше благих пожеланий. Летом 1879 г. его, например, беспокоило то обстоятельство, что происки революционеров могут помешать его отдыху в Дании: «Пожалуйста, спроси у Моренгейма (русский посол в Дании. – В.А.), – просил наследник жену, – какие он написал депеши Гирсу, в которых он говорит о каком-то кружке русских нигилистов в Копенгагене и прочем. Я уверен, что это преувеличено, а если это правда и их знают, неужели полиция не может их удалить из Дании; это было бы весьма грустно, если в Копенгагене разведётся эта сволочь и парша! Этого только не доставало, чтобы они испортили ещё наше милое житьё в Дании!»<sup>729</sup>.

Когда к концу 1879 г. в правительственных кругах созрела мысль, что невозможно бороться с «нигилистами» одними репрессивными мерами и необходимы какие-то уступки, на свет были извлечены проекты вел. кн. Константина Николаевича и П.А. Валуева 60-х гг. по реформированию Государственного совета с привлечением дворянских и земских представителей<sup>730</sup>, цесаревич в свою очередь пытался отыскать средства помочь отцу. «Тяжёлое и грустное время переживаем мы все в России, – писал он матери 19 декабря 1879 г. – Дай Бог нам выйти скорее из этого гнетущего состояния и видеть снова Россию счастливой и спокойной за своё будущее! Хотелось бы мне видеть снова Папа счастливым и спокойным за будущность России и помочь ему, сколько хватит у меня сил и разума. Я не отчаиваюсь и буду стараться непременно достичь этого»<sup>731</sup>. Однако помощь эту наследник напротив видел в ограждении монархической власти от каких бы то ни было конституционных поползновений, в опасности которых старался убедить императора. Победоносцев активно поддерживал цесаревича в этом отношении и направлял его, утверждая, что «в нынешнее смутное время» «повсюду в народе зреет такая мысль: лучше уже революция русская и безобразная смута, нежели конституция». По его мнению, народ, убеждённый, что «правительство состоит из *изменников*, которые держат слабого царя в своей власти», всю надежду возлагает «в будущем на *Вас*, и у всех только в душе шевелится страшный вопрос: неужели и наследник может когда-нибудь войти в ту же мысль о конституции»<sup>732</sup>. С подачи Победоносцева наследник отправил государю письмо, полученное Константином Петровичем от помещика Московской губернии Голохвастова, назвав его протестом

---

<sup>728</sup> Там же. С. 208 – 209.

<sup>729</sup> ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 708. Л. 114 – 114 об.

<sup>730</sup> Воронин В.Е. Русская самодержавная власть. С.40 – 80; Зайончковский П.А. Кризис самодержавия. С. 136 – 147.

<sup>731</sup> ГА РФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 115. Л. 280 об. Тот же мотив звучит и в письме к Победоносцеву несколькими днями ранее: «Так и хочется помочь государю выйти из этого тяжёлого положения, а не знаешь – чем». (Победоносцев и его корреспонденты. Т. II. С. 590.)

<sup>732</sup> Письма Победоносцева. Т. I. С. 248 – 249.

«здорового русского смысла против европейской пресловутой конституции»<sup>733</sup>. «Прости мне, милый па, что я тебя утруждаю этими бумагами и чтением, но в настоящую минуту я считаю, что подобное чтение тебе будет крайне интересно и не потерянным временем», – писал цесаревич<sup>734</sup>. Письмо Голохвастова к Победоносцеву «развенчивало» «миф о европейском конституционном правлении», предостерегало от народного восстания в случае введения конституции в России и предлагало альтернативу для борьбы с революционным движением: «призвать Землю вовремя; и спокойно, спокойно-грозным судом и расправой (по-старинному) [...] покончить прежде всего с этой бедой, со смутой и со смутьянами»<sup>735</sup>. Император вскоре ответил сыну, что прочёл «с любопытством и нашёл много справедливого», а наследник сообщал Победоносцеву, что «государь кроме того на словах говорил мне несколько раз, что читал с удовольствием и что много правды в этом письме»<sup>736</sup>.

Когда 9 января 1880 г. Валуев впервые заговорил с Александром II о своей записке 1863 г., присутствовавший цесаревич явно был «недоброжелателен всякому органическому изменению status quo и всякий «конституционализм» считает гибельным. Явно, также, что он весьма неверно осведомлён о настроении в империи, считая конституционные стремления исключительно *столичными бреднями*, и притом не имел ясного понятия о моих предложениях и не знал, что я ещё в прошлом году высказал во всеподданнейшей записке, que le mot «constitution» ne devait même pas être prononcé<sup>737</sup>. Государь передал цесаревичу, отчасти по моему предложению, отчасти proprio motu<sup>738</sup>, – les pièces du proces<sup>739</sup>»<sup>740</sup>. 14 января Победоносцев с тревогой писал Александру Александровичу о Валуеве, что «на сих днях был слух (кажется, достоверный), что он пустил уже в ход знаменитый своей проект о собрании представителей... Невольно боишься, что в наше время и такие безумные предположения могут иметь успех»<sup>741</sup>. На следующий день наследник отвечал ему, что «о Валуеве и его проекте переговорим, когда увидимся, я узнал многое об этом проекте, и Константин Николаевич тоже впутался в это дело»<sup>742</sup>.

Поэтому неудивительно, что на совещаниях, состоявшихся в конце января 1880 г. в Мраморном дворце под председательством вел. кн. Константина Николаевича, цесаревич продолжал вести «антиконституционную» линию, и во многом благодаря его участию проекты генерал-

<sup>733</sup> По словам Победоносцева, Голохвастов рассказывал «удивительные вещи о мыслях и настроениях в народе, который собирался к нему толпою, упрашивая писать адрес государю от народа против конституции и против Валуева, которого считают главным её зачинщиком». (Письма Победоносцева. Т. I. С. 249.)

<sup>734</sup> ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 732. Л. 127.

<sup>735</sup> Победоносцев и его корреспонденты. Т. I. С. 4 – 16.

<sup>736</sup> Там же. С. 4.

<sup>737</sup> Что слово «конституция» не следует даже произносить (*фр.*).

<sup>738</sup> По собственной инициативе (*лат.*).

<sup>739</sup> Бумаги по делу (*фр.*).

<sup>740</sup> Валуев П.А. Дневник. 1877 – 1884. Пг., 1919. С. 47 – 48.

<sup>741</sup> Письма Победоносцева. Т. I. С. 263.

<sup>742</sup> Победоносцев и его корреспонденты. Т. II. С. 597.

адмирала и Валуева были отклонены<sup>743</sup>. После заседания 25 января он записал в дневнике: «Рассматривали по приказанию папа записки дяди Кости и Валуева о преобразовании Государственного совета, учредив при нём собрание депутатов от представителей: дворянства, земства и городов. Оба проекта были единогласно отвергнуты по многим причинам, о которых здесь я не стану распространяться, так как пришлось бы исписать несколько страниц, а главная причина, что эта мера никого бы не удовлетворила, ещё больше бы запутала наши внутренние дела, и всё-таки в некотором роде была бы одним из первых шагов к конституции!»<sup>744</sup> Александр Александрович также не стал распространяться о своей собственной речи на заседании, дошедшей в записи государственного секретаря Е.А. Перетца. Лейтмотивом её было то, что «проекта не нужно издавать ни сегодня, ни завтра. Он есть, в сущности, начало конституции, а конституция, по крайней мере надолго, не может принести нам пользы. Выберут в депутаты пустых болтунов-адвокатов, которые будут только ораторствовать, а пользы для дела не будет никакой. И в западных государствах от конституций беда. Я расспрашивал в Дании тамошних министров, и они все жалуются на то, что благодаря парламентским болтунам нельзя осуществить ни одной действительно полезной меры. По моему мнению нам нужно теперь заниматься не конституционными помыслами, а чем-нибудь совершенно иным». На недоуменное возражение вел. кн. Константина Николаевича («Но почему же ты думаешь, что будут выбирать одних адвокатов?») наследник, приводя в пример неудовлетворительную работу земских и городских выборных учреждений, ответил, что «при такой апатии общества нельзя ожидать выбора полезных и толковых людей». В качестве же «позитивной программы» цесаревич предложил следующее: «Мысль моя очень проста. Я нахожу, что мы находимся теперь в положении почти невозможном. В управлении нет никакого единства; не говоря уже о генерал-губернаторах, из которых некоторые творят Бог весть что, я не могу не сказать, что единства нет и между министрами. Все идут вразброд, не думая об общей связи. Мало того, некоторые из них думают больше о своём кармане, чем о ведомстве, которое им поручено. Мы должны доложить государю о необходимости установить связь в управлении держаться какой-либо одной общей системы»<sup>745</sup>. При всём этом, видимо, справедлив вывод, сделанный Константином Николаевичем в дневнике после личного разговора с племянником: «Потом у меня длинный и добрый разговор с Сашкой. Он вполне сознает невозможность теперешнего положения, что что-нибудь сделать

<sup>743</sup> Подробнее об этих совещаниях и позиции наследника престола см.: *Воронин В.Е.* Указ. соч. С. 66 – 80; *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия. С. 138 – 144.

<sup>744</sup> Дневник наследника цесаревича великого князя Александра Александровича. 1880 г. // *Российский Архив.* Вып. VI. М., 1995. С. 348.

<sup>745</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 134. Л. 14 – 14 об., 17 об.

необходимо; но что именно? В этом отношении мысли его ещё вовсе не установились и ещё блуждают»<sup>746</sup>.

5 февраля 1880 г. прогремел взрыв в Зимнем дворце, произведший сильное впечатление на Александра Александровича: «Господи, благодарим Тебя за новую Твою милость и чудо, но дай нам средства и вразуми нас, как действовать! Что нам делать!» – подвёл он в дневнике итог дня<sup>747</sup>. Графиня А.А. Толстая вспоминала о словах цесаревича, что несмотря на то, как бы это выглядело в глазах публики, «прежде всего государь должен немедленно покинуть *мерзкий Зимний дворец*»<sup>748</sup>. «Надобно взяться за новых людей. Надобно проснуться, – писал в тот же день наследнику К.П. Победоносцев. – Страшно подумать, – что если завтра опять все заснут и успокоятся? Чудеса не бывают каждый день, и порядок творится человеческими руками. Опять приходит мне на мысль Баранов, – вот за кого следовало бы взяться, чтобы очистить Зимний дворец и водворить в нём порядок»<sup>749</sup>. Так что, по-видимому, неслучайно на следующий же день Н.М. Баранов пишет наследнику письмо. Полагая, что «цель существования революции в руках Бисмарка и Биконсфильда», Баранов считал, что «задачей правительства на сегодня должно быть лишь стремление овладеть положением дел и показать колеблющемуся обществу, что у правительства есть уменье, воля и энергия, т.е. сила быть правительством». «Если во время открытой борьбы с внешним врагом нужно иметь одного главнокомандующего, – писал Николай Михайлович, – то и в момент борьбы с крамоллой нужно против неё поставить *одну* власть, которая не была бы связана ничем в своих действиях, исключая общей программы, утверждённой высочайшей властью. Если бы 2-го апреля был избран один человек, а не несколько равноправных генерал-губернаторов, и если бы под председательством этого лица была образована *полномочная комиссия*, могущая, в *известных отношениях*, распоряжаться делами земли русской, а не в некоторых только губерниях, то наверное острых проявлений революции более бы не было и была бы уже возможность начать радикальное исцеление общей страды. Пока не будет избрано лицо, в руках которого волей государя не будет сгруппирована власть, ныне раздробленная между министерствами, III отделением и генерал-губернаторами, до тех пор успех будет на стороне крамоллы, а не правительства, и положение с каждым днём будет ухудшаться»<sup>750</sup>.

7 февраля Александр Александрович «утро всё провёл у папа, много толковали о мерах, которые нужно же, наконец, принять самые решительные и необыкновенные, но сегодня не при-

<sup>746</sup> Там же. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1164. Л. 14.

<sup>747</sup> Дневник наследника. С. 350.

<sup>748</sup> Толстая А.А. Печальный эпизод из моей жизни при дворе. Записки фрейлины // Октябрь. 1993. №5. С. 105.

<sup>749</sup> Письма Победоносцева. Т. 1. С. 270.

<sup>750</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 698. Л. 31 об. – 32 об.

шли ещё к разумному»<sup>751</sup>. 8-го появилась статья М.Н. Каткова в «Московских ведомостях», содержащая сходные предложения, которые он впервые высказал ещё в апреле 1879 г.<sup>752</sup>. В совещаниях с отцом и высшими сановниками 8 февраля, по словам П.А. Валуева, «цесаревич предлагал невозможную верховную следственную комиссию с диктаторскими, на всю Россию распространёнными компетенциями». Граф Милютин отметил, что «наследник, со своей стороны, настаивал на учреждении следственной комиссии, ссылаясь на пример бывшей комиссии под председательством графа Муравьёва, и явно высказывал недоверие своё к III отделению»<sup>753</sup>. Однако государь отклонил это предложение<sup>754</sup>. Тогда вечером того же дня Александр Александрович написал отцу следующее письмо: «Милый па, посылаю тебе статью из «Московских ведомостей», которую я получил сегодня вечером, и из которой ты увидишь, что не один я придерживаю мысль о сосредоточении в одних руках правительственной, диктаторской власти. Тоже беру на себя смелость представить тебе письмо, полученное мною от бывшего флигель-адъютанта Баранова. У всех та же мысль, и другого исхода нет. Ты сегодня приказал всем присутствовавшим сообразить и представить свои соображения. Смело могу сказать, что они ничего не сообразят и ничего путного не представят. К сожалению, мы это видим за все последние годы, потому что зло всё больше и сильнее распространяется повсюду, и никакие меры, ими предложенные, не принесли пользы. Прости мне, милый па, что я так смело и резко пишу тебе, но у меня душа слишком наболела и сил нет удержаться не говорить тебе совершенно откровенно. Нужны *новые люди, свежие силы*, а с этими мы далеко не уйдём! Время слишком серьёзное, слишком страшное, чтобы не принимать *самых энергичных мер*, а не то будет поздно, и правительству уже не справиться с крамолой! Убедительно прошу тебя, милый па, подумай об этом, и я уверен, что ты согласишься окончательно на это предложение. Я так уверен, что другого *исхода нет и быть не может*. Прости ещё раз, милый па, меня за эти строки, но они исходят из глубины моей души, преданной тебе и России, ты это знаешь, и не раз мне высказывал»<sup>755</sup>. Валуев со слов графа А.В. Адлерберга писал в дневнике, что именно под влиянием этого письма государь к потрясению многих министров изменил своё решение и 9 февраля согласился на создание Верховной распорядительной комиссии во главе с графом М.Т. Лорис-

<sup>751</sup> Дневник наследника. С. 351.

<sup>752</sup> Зайончковский П.А. Кризис самодержавия. С. 150 – 151.

<sup>753</sup> Милютин Д.А. Дневник. 1879 – 1881. С. 156. О критике, высказываемой в «верхах» в адрес политической полиции в конце 70-х – начале 80-х гг., см.: Мамонов А.В. Правящая бюрократия. С. 244 – 254. Победоносцев писал цесаревичу в мае 1879 г.: «У Дрентельна в III отделении, судя по всему, сидят или совсем ничего не понимающие люди или *вовсе изменники*. Ужасно подумать, что из такого невозможного положения нет дороги выбраться. И возможно ли надеяться на открытие преступников, когда честные люди, знающие виновных, *не решаются открыть* этого, ибо действовать можно лишь через III отделение, а там орудуют тайные сообщники злодеев. Каково же русскому смыслу видеть такое бессилие власти и чувствовать, что выхода нет из него. Такого позора ещё не бывало!» (Письма Победоносцева. Т. 1. С. 206.)

<sup>754</sup> Валуев П.А. Указ. соч. С. 59.

<sup>755</sup> ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 732. Л. 131 – 132 об.

Меликовым<sup>756</sup>, которого император к тому времени уже имел в виду для борьбы с террором и проведения дальнейших реформ. Идея экстраординарного органа власти тоже отнюдь не была новой: помимо газетных выступлений М.Н. Каткова в декабре 1879 г. Ф.Ф. Трепов также предлагал образовать две комиссии «с верховными обширными полномочиями». Нельзя забывать и о влиянии на Александра II самого графа Адлерберга и заинтересованности министра двора в назначении Лорис-Меликова<sup>757</sup>. Но всё же столь яркое, эмоциональное письмо, как и твёрдая позиция наследника в целом, очевидно, должны были оказать своё воздействие на решение государя.

В виду всех этих событий примечательна оценка, высказанная Победоносцевым 25 февраля 1880 г. в письме к Е.Ф. Тютчевой. «Цесаревича выдаю, — писал Константин Петрович. — Последние события не могли не произвести на него впечатления. В последнее время он говорит охотнее и свободнее; взгляды его на дело прямые. Но всё-таки все они не сознают истинного положения дел. Они все смотрят на дело так, как будто всё делается каким-то приказом или по волшебству, и, главное, в себя не вникают и не дают себе труда. Боже мой! Как он будет править! Он и не видал, как правят мужи силы и разума. Правление отца его, которое он видит, есть отсутствие разума, силы и воли. Вот, и после таких уроков, после таких ударов, власть всё-таки ещё не опомнилась»<sup>758</sup>.

### *§3. Наследник престола, граф М.Т. Лорис-Меликов и взаимоотношения в императорской семье в последний год царствования Александра II*

Назначение М.Т. Лорис-Меликова на должность председателя Верховной распорядительной комиссии Александр Александрович воспринял с большой надеждой: «Сегодня вступил в новую должность граф Лорис-Меликов; дай, Боже, ему успеха, укрепи и настави его!» — записал он в дневнике 14 февраля<sup>759</sup>. Когда буквально через неделю, 20 февраля, на графа было совершено покушение, цесаревич писал: «Слава Богу, что уцелел этот человек, который так нужен теперь бедной России!»<sup>760</sup> «Сегодня, — отметил он 21 февраля, — начался уже суд над убийцей графа Лориса, и к 3 ч. всё было кончено, а завтра утром назначена уже казнь. Вот это дело и энергично!»<sup>761</sup> С этого времени завязывается довольно обширная переписка графа с наследником, а затем и императором Александром III, прерванная лишь отставкой Лорис-Меликова. Судя по ней и по дневниковым записям, будущий министр внутренних дел регулярно посещал

<sup>756</sup> Валуев П.А. Указ. соч. С. 60.

<sup>757</sup> Мамонов А.В. Граф Лорис-Меликов. С. 36 – 37; Он же. Правящая бюрократия. С. 392 – 396.

<sup>758</sup> ОР РГБ. Ф. 230. К. 4409. Д. 2. Л. 12 – 12 об.

<sup>759</sup> Дневник наследника. С. 352.

<sup>760</sup> Там же. С. 354.

<sup>761</sup> Там же.

Аничков дворец, чтобы час-другой «потолковать» с цесаревичем, причём инициатором встреч обычно был именно наследник<sup>762</sup>. «С самых первых дней, – рассказывает в дневнике со слов графа И.И. Воронцова-Дашкова А.А. Половцов, – Меликов сказал государю следующее: «Ваше Императорское Величество имеете к счастью в цесаревиче такого честного человека, что его следует привлечь ко всему, что будет делаться; такого рода единство может только усилить правительство, отнимая у многих недоброжелателей возможность пытаться интриговать». Государь апробовал (так в подлиннике. Имеется в виду «апробировал», т.е. одобрил. – В.А.) эту мысль, и с тех пор Меликов самым открытым образом ничего не делает без сообщения цесаревичу»<sup>763</sup>. Сам Лорис-Меликов 9 апреля 1880 г., посылая цесаревичу для предварительного ознакомления и возможных замечаний подготовленный в тайне от министров всеподданнейший доклад с анализом положения России, писал: «С первого дня назначения моего на должность главного начальника Верховной распорядительной комиссии я дал себе обет действовать не иначе, как в одинаковом с Вашим Высочеством направлении, находя, что от этого зависит успех порученного мне дела и успокоения отечества»<sup>764</sup>.

В свою очередь, все действия Лорис-Меликова с первых же шагов Александр Александрович воспринимал буквально «на ура». Наследник, как и император, всецело одобрил программу графа, представленной в упомянутом докладе: «Слава Богу! Не могу выразить, как я рад, что государь так милостиво и с таким доверием принял Вашу записку, любезный Михаил Тариэлович. С огромным удовольствием и радостью прочёл все пометки государя; теперь смело можно идти вперёд и спокойно и настойчиво проводить Вашу программу *на счастье дорогой родины* и на несчастье гг. министров, которых, наверно, сильно покоробит эта программа и решение государя, да Бог с ними! Поздравляю от души, и дай Бог хорошее начало вести постоянно всё дальше и дальше, и чтобы и впредь государь оказывал Вам то же доверие!»<sup>765</sup> Что же в докладе могло привлечь внимание цесаревича и вызвать столь восторженное одобрение? Если даже следовать только за прочитанными с «огромным удовольствием и радостью» пометами Александра II, становится ясно, что наследник одобрял мысль Лорис-Меликова о «совершенной несвоевременности» образования той или иной формы народного представительства, разделяя

---

<sup>762</sup> См., например: Переписка Александра III с графом М.Т. Лорис-Меликовым // Красный архив. 1925. Т. 1(8). С. 103 – 105, 107, 109. Ср. с записями в дневнике наследника. 21 февраля 1880 г.: «Вечером был у меня граф Лорис-Меликов, толковали более часу о теперешнем положении и что предпринять». (Там же. С. 354.) 3 марта: «В ¼10 приехал ко мне граф Лорис-Меликов, и мы просидели с ним почти до ½11 ч. Дельно и энергично принялся он за дело, и дай Бог ему успеху!» (ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 308. С. 2.). Если судить по дневнику, то Михаил Тариэлович регулярно просиживал у цесаревича в среднем по 1,5 часа. (Там же. С. 5, 7, 13, 15, 18, 20 и далее.)

<sup>763</sup> ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 15. С. 248 – 249.

<sup>764</sup> Переписка с Лорис-Меликовым. С. 106 – 107.

<sup>765</sup> Там же. С. 108. Ср. с мнением Победоносцева, высказанным в письме к Е.Ф. Тютчевой 25 февраля: «Вот теперь назначили Лорис-Меликова, но и его положение невозможное, если он не сумеет расчистить себе место. С первого же дня всё правительство, в лице гг. министров, встретило его глухим противодействием, и самая главная и трудная борьба его будет с этими господами. Говорят, он умён и хитёр. Если он успеет – сначала обойти их, потом одолеть и отбросить, тогда дело его сделано». (ОР РГБ. Ф. 230. К. 4409. Д. 2. Л. 11 – 12.)

намерение «идти твёрдо и решительно в деле преследования злоумышленников», а для этого «всемерно стремиться к установлению полного единства действий всех органов правительственной власти», соглашался с необходимостью проведения ряда реформ для решения «насуточных потребностей населения», а также «в видах успокоения правильными занятиями возбуждённых умов, жаждущих деятельности, привлечь дворянство, земства и города к участию в таких вопросах, которые близко касаются местных нужд»<sup>766</sup>. Мысль о единстве управления, видимо, должна была особенно приглянуться цесаревичу, как и тот факт, что программа Лорис-Меликова сама по себе выступала альтернативой «бездеятельности» министров, которые, как утверждалось наследником ранее в письме к императору, «ничего не сообразят и ничего путного не представят»<sup>767</sup>.

Исследователями отмечалось, что Лорис-Меликов, одновременно укрепляя собственные позиции, с одной стороны расширил участие цесаревича в государственных делах, с другой – способствовал личному согласию между наследником и государем<sup>768</sup>. А.Н. Куломзин, в то время товарищ министра государственных имуществ князя А.А. Ливена, писал своему начальнику 1 августа 1880 г. (письмо приводится в воспоминаниях Куломзина), что «вообще Лорис-Меликов прилагает все усилия к тому, чтобы установить хорошие отношения между государем и наследником, и по тому поводу пользуется милостью и вниманием наследника»<sup>769</sup>. «Из слов графа Лорис-Меликова, – писал 31 июля в своём дневнике Валуев, – видно, что он – заодно с цесаревичем»<sup>770</sup>. Именно ради благожелательного отношения Александра Александровича Лорис-Меликов причислил к Верховной распорядительной комиссии Р.А. Фадеева и Н.М. Баранова<sup>771</sup>. Генерал Швейниц писал в дневнике в сентябре 1880 г., что Лорис-Меликов «взяв на службу таких людей как Фадеев и Баранов, стремился угодить наследнику». «Отношения к наследнику, наряду с отношениями к императору, – отмечал далее германский посол, – особенно важны для графа, и заботится он об этом с особенной ловкостью; для этого ему преимущественно служит господин Победоносцев, который в качестве учителя цесаревича заслуженно пользуется доверием и расположением последнего»<sup>772</sup>. И хотя последнее утверждение представляется сомни-

<sup>766</sup> Всеподданнейший доклад графа Лорис-Меликова от 11 апреля 1880 г. // *Итенберг Б.С., Твардовская В.А.* Указ. соч. С. 438 – 441.

<sup>767</sup> Примечательно, что после известия о назначении Лорис-Меликова министром внутренних дел, цесаревич, по воспоминаниям графа С.Д. Шереметева, в разговоре в привычном для него стиле нелюбезно назвал прочих министров «коровами». (РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5253. Л. 3 об.) В марте 1881 г., уже после восшествия на престол, Александр Александрович в разговоре в А.А. Половцовым о необходимости правительственного единства, имея в виду министров отца, в том числе, очевидно, и тех, которые ещё продолжали занимать свои посты, пренебрежительно заметил, что «до сих пор министры были такие, что с ними и совещаться не стоило». (ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 18. С. 223.)

<sup>768</sup> *Мамонов А.В.* Правящая бюрократия. С. 423 – 424; *Твардовская В.А.* Указ. соч. С. 228 – 230.

<sup>769</sup> Там же. Ф. 178. К. 9803. Д. 5. С. 25.

<sup>770</sup> *Валуев П.А.* Указ. соч. С. 108.

<sup>771</sup> *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия. С. 166.

<sup>772</sup> *Denkwürdigkeiten.* Bd. II. S. 128 – 129.

тельным, Лорис-Меликов действительно в угоду цесаревичу способствовал назначению Победоносцева обер-прокурором Синода и в Комитет министров<sup>773</sup>. Сошёлся Лорис-Меликов с великим князем и по вопросу отставки графа Д.А. Толстого<sup>774</sup>. Из переписки с Александром Александровичем видно, что Михаил Тариэлович снабжал наследника самой разнообразной информацией. В течение лета 1880 г., когда наследник находился на отдыхе в Гапсале, сообщал ему о текущем состоянии дел в борьбе с крамолой, предупреждал о сведениях, полученных из-за границы, о том, что террористы угрожают жизни юного вел. кн. Николая Александровича<sup>775</sup>. В том же Гапсале Александр Александрович с воодушевлением воспринял известие о ликвидации III отделения и назначении Лорис-Меликова министром внутренних дел. «Это великолепный шаг и давно все его ждали», – отметил он в дневнике<sup>776</sup>. Граф С.Д. Шереметев констатировал, что «цесаревич доволен, потому что давно хлопотал об уничтожении Третьего отделения в настоящем его виде»<sup>777</sup>. Ознакомившись с докладом Лорис-Меликова от 26 июля о причинах этого решения, наследник писал графу: «Я вполне разделяю Ваш взгляд на невозможность продолжения существования Верховной комиссии в том виде, как она была до сих пор»<sup>778</sup>. Полностью сочувствовал наследник престола и сенаторским ревизиям, начатым в ряде губерний по инициативе министра внутренних дел. «Вот это прекрасно; это значит управлять», – заявил он во время соответствующего доклада Лорис-Меликова у императора<sup>779</sup>. В дневнике того же сенатора А.А. Половцова записано, как в конце августа, во время доклада у цесаревича, великий князь «удерживает меня, расспрашивая о ревизии, с крайнею похвалою отзываясь о Лорис-Меликове, его уме и характере». Примерно в то же время обер-прокурор 1-го департамента Сената Марков рассказывал Половцову «об аудиенции своей у цесаревича, Марков передаёт мне наиболее поразившие его слова: «Не всякий бы на месте Лорис-Меликова решился отказаться от принадлежавшей ему исключительной власти и вступить в общее число равноправных министров»<sup>780</sup>.

Между прочим, степень доверительности в отношениях, возникшей между наследником и графом, ярко видна на примере неурядиц в Императорской фамилии и того, что цесаревич совершенно не стеснялся делиться с Михаилом Тариэловичем своими неличеприятными оценками ближайших родственников. Тем же летом 1880 г. разгорелся довольно широко известный, благодаря многочисленным свидетельствам современников, скандал, связанный с помещённой

<sup>773</sup> Зайончковский П.А. Кризис самодержавия. С. 232; Мамонов А.В. Правящая бюрократия. С. 437, 468.

<sup>774</sup> Зайончковский П.А. Кризис самодержавия. С. 215.

<sup>775</sup> Переписка с Лорис-Меликовым. С. 113 – 115; ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 669. Л. 188 – 188 об.; Ф. 678. Оп. 1. Д. 732. Л. 139.

<sup>776</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 308. С. 79.

<sup>777</sup> РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5253. Л. 3 об.

<sup>778</sup> Переписка с Лорис-Меликовым. С. 116. См. также: Зайончковский П.А. Кризис самодержавия. С. 223 – 224; Мамонов А.В. Граф Лорис-Меликов. С. 37 – 38.

<sup>779</sup> ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 15. С. 255 – 256.

<sup>780</sup> Там же. Д. 17. Л. 19, 30 об. – 31.

во французском журнале «La Nouvelle Revue» статье о недавней Русско-турецкой войне. Граф Милютин с возмущением писал в дневнике в конце июня, что «статья эта возбуждает много толков своим тенденциозным содержанием: это панегирик великому князю Николаю Николаевичу, написанный как будто под его диктовку. Чтобы выставить его великим полководцем, вся вина неудач в последнюю войну сваливается на государя, на Военное министерство, на князя Горчакова. [...] Факты извращены и тенденциозно перетолкованы»<sup>781</sup>. Цесаревич, отношение которого к дяде, как известно, в течение войны резко ухудшилось, получив перед отъездом в Гапсаль номера журнала от Лорис-Меликова, также с негодованием писал о в дневнике 11 июля, что «статья отвратительная, и нет сомнения, что написана по приказанию или, по крайней мере, с ведома дяди Низи, потому что в ней есть факты, которые могли быть известны только главнокомандующему или его начальнику штаба. Эта статья так подла и низка, что если бы дядя Низи не был бы просто глуп, можно было бы его назвать подлецом! Во всяком случае весьма и весьма жаль, что эта статья появилась в печати, потому что, слава Богу, всё успокоилось после войны, и начали забывать всю нелепость распоряжений и полную неумелость бывшего главнокомандующего, а теперь он сам подымает всю эту грязь снова, и я лично ему этого никогда не прощу и не забуду!»<sup>782</sup> Лорис-Меликову он несколько дней спустя писал практически в тех же выражениях, что «если Николай Николаевич не был бы *просто глуп*, я бы прямо назвал бы его *подлецом*, потому что все эти статьи ни что иное, как явная ложь и великая подлость!»<sup>783</sup> В ответ Лорис-Меликов сообщал наследнику подробности написания статьи, а кроме того информировал, что «статья в «Nouvelle Revue» не могла не огорчить государя; взгляд его по отношению к тенденциозности и неблаговидности напечатания за границей анонимных статей *совершенно* совпадает с мнением Вашим, и при передаче мне для прочтения изготовленной ответной статьи я доложил государю содержание той части Вашего письма, в которой Вы высказываете вполне одинаковое мнение относительно автора памфлета»<sup>784</sup>. Скандал стал поводом к оставлению Николаем Николаевичем поста командующего Петербургским военным округом и назначением на его место наследника<sup>785</sup>. Александр II писал сыну, что «имел по этому весьма неприятное объяснение с дядей Низи и высказал ему правду. Не знаю ещё, на что он решится

<sup>781</sup> Милютин Д.А. Дневник. 1879 – 1881. С. 210.

<sup>782</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 308. С. 64 – 65.

<sup>783</sup> Переписка с Лорис-Меликовым. С. 111. Интересен рассказ вел. кн. Константина Николаевича А.А. Кирееву о том, как он пытался защитить брата перед императором: «Я говорил государю о брате Николае (ты знаешь, как я его люблю и какой он добрый человек!), что ведь он (государь) не может же сомневаться в преданности брата, ну а если он что-нибудь и сделал, то ведь это по...» Великий князь замялся и выразил мысль, что по глупости». (ОР РГБ. Ф. 126. Д. 8. Л. 152.)

<sup>784</sup> Переписка с Лорис-Меликовым. С. 112.

<sup>785</sup> «Печальным концом драмы дяди Низи, – писал цесаревич в дневнике 19 августа, – было то, что ему внушили, что лучше было бы проситься оставить свою должность и отретироваться на несколько времени. Поэтому в воскресенье 17 числа состоялся приказ об отчислении по болезни и по собственной просьбе Дяди Низи от настоящего его командования». (ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 308. С. 85 – 86.)

после этого. Если он будет просить увольнения от командования, то я его не удержу»<sup>786</sup>. Это весьма обрадовало цесаревича, отвечавшего, что «факт слишком крупен, чтобы пройти безнаказанно»<sup>787</sup>. Половцов писал впоследствии, что «неприятное объяснение» с братом на самом деле было «ругательным разговором», после которого у государя случился нервный удар, сильно повлиявший на его здоровье<sup>788</sup>.

Тесно переплетающиеся вокруг наследника в последний год перед его восшествием на престол государственные и семейные проблемы не могут быть вполне очерчены без всесторонней оценки перипетий, возникших в императорской семье после женитьбы Александра II на княжне Е.М. Долгоруковой. Это событие имело существенное влияние как на отношения Александра Александровича с государем и высшими сановниками, так и на его вовлечённость и заинтересованность в политических делах. Цесаревич узнал о состоявшейся вскоре после кончины императрицы Марии Александровны свадьбе лично от отца 13 августа, когда «папа сказал Минни и мне зайти к нему в его кабинет, и тут, когда мы сели, он объявил нам о его свадьбе, и что он не мог дольше откладывать и по его летам, и по теперешним грустным обстоятельствам, и поэтому 6 июля женился на княжне Долгоруковой». После последовавшего тогда же знакомства со своими маленькими братом и сестрой, Александр Александрович отметил, что «только дома немного пришли в себя после всего нами слышанного и виденного, и хотя я был почти уверен, что так и должно было кончиться, но всё-таки новость была неожиданная и как-то странная!»<sup>789</sup> Графиня А.А. Толстая со слов цесаревны писала, что тогда же Долгорукова сказала, что «император пожелал сделать её своей супругой, она вполне счастлива этим и никогда не позволит себе выйти из своей скромной роли»<sup>790</sup>. Видимо, наследник, в принципе понимавший, что отец женится на своей давней возлюбленной, и готовый примириться с этим, тяжело вос-

<sup>786</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 669. Л. 192 об.

<sup>787</sup> Там же. Ф. 678. Оп. 1. Д. 732. Л. 143 об. – 143а.

<sup>788</sup> *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря. Т. II. М., 2005. С. 443. Д.А. Милютин также писал о имевшем место «очень крупном» разговоре государя с братом. (*Милютин Д.А.* Дневник. 1879 – 1881. С. 215 – 216.) Другие подробности об этой истории и о степени размолвки между Александром II и вел. кн. Николаем Николаевичем см. также: *Дневник А.А. Половцова 1880 г.* // ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 17. Л. 11 об. – 13 об.; *Епанчин Н.А.* Указ. соч. С. 144 – 145.

<sup>789</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 308. С. 82 – 83. Стоит отметить, что до этого наследник проявлял большую деликатность и сдержанность в отношении незаконной семьи императора. Неизвестно, когда именно он узнал о её существовании, но до 13 августа 1880 г. он не единым намёком не обмолвился о ней в дневнике и лишь один раз, в посланном с оказией, а не почтой письме к жене от 12 июля 1879 г. в сердцах писал о том, что «папа продолжает забавляться в Царском Селе с княжной Долгоруковой и уже вовсе не стесняются ни папа, ни она. Мы с Алексеем встретили раз в Павловске папа верхом, а её рядом с ним пешком, и их сопровождают два казака верхом. Другой раз я встретился с княжной Долгоруковой в коридоре дворца после парада кирасир, и я разговаривал с Гурко и Дрентельном, а она преспокойно прошла между нами, и я должен был дать ей руку. [...] Я пишу сегодня всё это, потому что посылаю письмо не по почте, а с А.Н. Стюрлером, и поэтому могу писать всё, что мне хочется, не стесняясь; пожалуйста только, не оставляй моих писем незапертыми, чтобы никто из людей не читал». (ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 708. Л. 90 об. – 91.)

<sup>790</sup> *Толстая А.А.* Указ. соч. С. 119. А.А. Половцов несколько позднее отметил в дневнике, что государь сказал цесаревичу о своей новой супруге: «Она не желает быть ничем иным, как матерью своих детей». Это слово конечно пустое, – комментировал Половцов, – потому что она злая и тщеславная женщина, которая будет добиваться всего возможного». (ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 17. Л. 103 об.)

принял возникшее затем желание Александра II навязать новую семью всей остальной Императорской Фамилии и прежде всего семейству самого Александра Александровича. К тому же, Долгорукова вопреки своим словам слишком демонстративно стала занимать место покойной государыни осенью 1880 г. во время пребывания в Ливадии, а затем зимой 1880 – 1881 г. в Петербурге<sup>791</sup>. Прибыв в Крым 7 октября, наследник записал в дневнике: «Отправились в Ливадию в дом папа, где были встречены в комнатах мама княжной Долгоруковой с детьми! Просто не верится глазам, и не знаешь, где находишься, в особенности в этой дорогой по воспоминаниям Ливадии! Где на каждом шагу вспоминаешь о дорогой душе мама! Положительно мысли путались, и находились мы с Минни совершенно во сне»<sup>792</sup>.

Современники и очевидцы «столкновений и недоразумений» в Ливадии были склонны сгущать краски. «Положение дел критическое, – записывает в дневнике 18 ноября 1880 г. А.А. Половцов, – я разумею, дел семейных, которых нельзя отделять от государственных. Цесаревич и цесаревна приехали в Ливадию, имея от государя обещание, что княжна Долгорукова будет по-прежнему жить в своём доме, вместо того они застали её в комнатах императрицы, в её спальню, в её постели. Государь с ними и со всеми приближёнными говорит о своей женитьбе как о всем известном факте, разъезжает с княгиней Юрьевской, но при этом, делая визиты княгине Воронцовой, никогда не заикнулся ни о своей женитьбе, ни о своей жене, вероятно опасаясь какой-нибудь выходки со стороны невожатой на язык Марии Васильевны. Были такие случаи, что смотря с умилением на кресло покойной государыни и указывая на него, он вспоминал о покойной, а в это время на кресле покоился мопс княжны Долгоруковой. Однажды, встретив на прогулке цесаревича и цесаревну, он пригласил их гулять вместе и незаметно привёл их в домик княжны Долгоруковой, где они застали её вдвоём с Лорис-Меликовым. Показывая цесаревичу и цесаревне этот дом, слабоумный Александр Николаевич остановился пред кроватью княжны и сентиментально сказал: «Voici le lit sur lequel est né Gogo»<sup>793</sup>, т.е. старший из его побочных детей»<sup>794</sup>. С этими же и другими подробностями обстановки в Крыму в сходных тонах изложена в воспоминаниях графини А.А. Толстой, графа С.Д. Шереметева, дневнике А.А. Киреева<sup>795</sup>. Суть конфликта в целом сводилась к тому, что император, стремясь «легализовать» своё второе семейство, «пытался постоянно расширять область уступок, и становилось всё труднее ему угодить. Он не желал ничего понимать, кроме собственных привычек, укоренившихся у него за годы незаконной связи, вводимые им новше-

<sup>791</sup> Насколько наследник тяжело переживал смерть любимой матери, видно хотя бы из его письма к брату вел. кн. Сергею Александровичу 22 июля 1880 г.: «Да, эта потеря *громадная для нас всех* и, Боже, до чего *всё* изменилось во всём, во всём с потерей этого дорогого и ангельского существа! Так грустно, так безотрадно, что выразить нельзя; я могу только чувствовать и глубоко чувствую, но не могу высказать». (ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 52. Л. 23.)

<sup>792</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 308. С. 103.

<sup>793</sup> «Вот кровать, на которой родился Гого» (*фр.*).

<sup>794</sup> ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 18. С. 65 – 66.

<sup>795</sup> Толстая А.А. Указ. соч. С. 128 – 132; РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5253. Л. 6 – 17; ОР РГБ. Ф. 126. Д. 8. Л. 181.

ства были ужасны для его законной семьи, оскорбительны для её чувств и гордости»<sup>796</sup>. Даже выдержанный и весьма тактичный граф Милютин с горечью отмечал в дневнике, что «официальное появление «княгини Юрьевской» произвело на всех нас тяжёлое впечатление», а «государь видимо желает дать своей новой семье официальное положение. От этого жизнь в Ливадии сделалась невыносимой»<sup>797</sup>. Особенно тяжело это сказывалось на самолюбии цесаревны, вынужденной оберегать честь своей собственной семьи и желавшей, вопреки воле императора, всячески отдалить сближение собственных детей с незаконными детьми Александра II. Сам же, наследник по-видимому несмотря ни на что сдерживался и не шёл на открытое высказывание своего недовольства императору, стараясь напротив отыскать компромиссное решение и не допустить усугубления конфликта. «Вообще всё наше пребывание в Ливадии нельзя назвать весёлым и приятным; – отмечал вел. кн. Александр Александрович в дневнике, – были тяжёлые минуты, были разные столкновения, недоразумения и щекотливые объяснения, но в конце концов устроились наилучшим образом, и надеюсь, что теперь больше не будет никаких недоразумений, и что всё пойдёт, как следует»<sup>798</sup>. Граф Шереметев писал, что в Ливадии «я видел безукоризненное до конца исполнение сыновнего долга и присутствовал при внутренней драме, преклоняясь пред величием духа и силою воли того, кому суждено было на следующий год «приять венец и бармы Мономаха!»»<sup>799</sup>. Вел. кн. Мария Фёдоровна «только удивлялась терпению и спокойствию цесаревича», преднамеренно «не замечавшего» многих вещей<sup>800</sup>. «Наша единственная цель, – говорила позднее цесаревна А.А. Толстой, – сохранить мир. Великий князь в этом отношении гораздо выше меня – он смирился и хранит молчание. У меня же – я чувствую – портится характер, и я становлюсь злой из-за того, что я несчастна»<sup>801</sup>. По возвращении в Петербург Мария Фёдоровна писала вел. кн. Сергею Александровичу, что «время, проведённое в Крыму было одним из самых тяжелых и мучительных за всю мою жизнь, ведь я не могла *хладнокровно свыкнуться* с новым переменах, *особенно* в Крыму, где повсюду, даже в самом маленьком уголке, витала душа нашей возлюбленной мама, повсюду, повсюду, так, что мне порой казалось, что я вот-вот её увижу! Это было мучительно, и я благодарю небо за то, что тебя там не было»<sup>802</sup>.

«Про наше житьё в Крыму лучше и не вспоминать, так оно было грустно и тяжело! Столько дорогих, незабвенных воспоминаний для нас всех в этой милой и дорогой по воспоминаниям о милой Мама Ливадии! Столько было нового, шокирующего!» – в свою очередь писал цесаревич

<sup>796</sup> Толстая А.А. Указ. соч. С. 130.

<sup>797</sup> Милютин Д.А. Дневник. 1879 – 1881. С. 233, 235 – 236.

<sup>798</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 308. С. 104.

<sup>799</sup> РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5253. Л. 7.

<sup>800</sup> Там же. Л. 15.

<sup>801</sup> Толстая А.А. Указ. соч. С. 132.

<sup>802</sup> ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 670. Л. 4 – 4 об. (подлинник на французском языке).

братьям Сергею и Павлу Александровичам в декабре 1880 г., но тут же прибавлял, «что против совершившегося факта идти нельзя и ничего не поможет; нам остаётся одно: покориться и исполнять желания и волю папа, и Бог поможет нам всем справиться с новыми тяжёлыми и грустными обстоятельствами»<sup>803</sup>. «В особенности что тяжело, – отмечал Александр Александрович тогда же в дневнике, – это до сих пор ненормальное положение жены папа и его юного семейства, и всё ещё мы тяготимся и очень этим новым положением. Каждый день что-нибудь нового, то княгиня Юрьевская появляется на семейных обедах, то дети показываются публично; возят старшего к нам обедать с нашими детьми, и всё это раздражает семейство, а в особенности Минни и Михен, и ставит их в ещё большее фальшивое положение с княгиней Юрьевской, а отчасти и с бедным папа. Я стараюсь, сколько могу, успокаивать всех, но признаюсь, что самому иногда невтерпёж, потому что положительно заходит иногда слишком далеко и конечно шокирует всех»<sup>804</sup>. «Как жаль бедного папа во всём этом, ты себе представить не можешь, – прибавлял он в письме к Сергею Александровичу меньше чем за месяц до первоапрельской трагедии, – и как надо быть осторожным, чтобы нехотя его не обидеть, потому что он обращает внимание на самые мелочи, на которые прежде и не думал обращать внимания»<sup>805</sup>. В канун нового 1881 года Киреев писал в дневнике, что отношения между Зимним и Аничковским дворцом опять натянуты; цесаревна сама подчиняется, но не хочет отдать своих детей на сближение с детьми Юрьевской»<sup>806</sup>. Характерен разговор того же Киреева с вел. кн. Константином Николаевичем о положении Юрьевской в Императорской Фамилии. Великий князь утверждал, что сведения о её размолвках с семейством неверны, потому что «цесаревич мне сам говорил, что *tout s'est bien passé*<sup>807</sup>; Абаза тоже говорил...» На это в дневнике последовала ремарка Киреева: «Вот наивный человек-то, – подумал я. – Станет ему жаловаться цесаревич на отца!»<sup>808</sup> Примечательно при этом, что фрейлину Д.Ф. Тютчеву наследник просил поблагодарить «за её твёрдость и за её благородный поступок. Она отказалась жить под одной крышей с Юрьевской»<sup>809</sup>.

Искреннее стремление Александра Александровича даже в столь сложной обстановке сохранять добрые чувства к отцу подтверждается и самим императором. Александр II, сообщая в письме к младшим сыновьям о своём браке, подчёркивал, что «первый, которому я об этом объявил, был Саша, и я ставлю вам его в пример всем, как должен вести себя добрый сын и

<sup>803</sup> Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 3: 1880 – 1884. М., 2009. С. 245 – 246.

<sup>804</sup> ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 308. С. 108.

<sup>805</sup> Великий князь Сергей Александрович. С. 247.

<sup>806</sup> ОР РГБ. Ф. 126. Д. 8. Л. 190.

<sup>807</sup> Всё прошло хорошо (*фр.*).

<sup>808</sup> ОР РГБ. Ф. 126. Д. 8. Л. 183.

<sup>809</sup> Там же. Л. 205.

*первый поданный своего государя»*<sup>810</sup>. Трудно сказать, не было ли это вновь своего рода самоуспокоением, но по-видимому наследнику действительно до поры до времени удавалось выдерживать компромиссную линию поведения. Со своей стороны и государь, очевидно, ощущал чувство вины по отношению к сыну и тоже старался сгладить ситуацию. Когда ряд сановников в совещаниях сначала у цесаревича, а затем у императора, решали вопрос об указах Сенату о браке Александра II и узаконении его младших детей, граф Валув отметил в дневнике, что «замечательно доверчиво и тепло отношение государя к цесаревичу»<sup>811</sup>. По-видимому, эти переживания оставались у императора вплоть до рокового 1 марта. Духовник государя Бажанов вспоминал о его исповеди накануне гибели и о том, «как умильно он говорил со мною после исповеди, что он так счастлив, как никогда не был... Почему? что совершилось для этого? – спросил я. – «Да я с детьми своими, сыновьями, совершенно примирился, они меня простили, простили мне, в чём я против них совершил, и я теперь спокоен вполне и мне так легко теперь на сердце...»<sup>812</sup> Другое дело, неясно, как ситуация могла бы развиваться дальше, если бы трагедии не случилось, и насколько у наследника хватило бы терпения и сил и впредь выдерживать своё компромиссное поведение, подавляя накапливающееся раздражение. В январе 1881 г. А.А. Половцов, будучи в Киеве, по слухам из Петербурга писал, что «Лорис хлопочет о расположении княгини Юрьевской, великие князья Константин Николаевич и Владимир Александрович у неё на побегушках, бедный цесаревич всё более и более одинок. Его нравственное состояние, как честнейшего человека, ужасно, положение его даже опасно. Мы видели много примеров в русской истории тому, как самодержавные государи поступали с наследниками своего престола»<sup>813</sup>. «Носились зловещие слухи, – вспоминал А.Н. Куломзин, – о желании государя короновать княгиню Юрьевскую; мне за верное передавали, что в Министерстве двора отыскивали церемониал коронования Екатерины I; был слух о том, что наследник заявил, что в таком случае он уедет в Данию, что государь ответил на это, что в этом последнем случае он наследником провозгласит Георгия Юрьевского»<sup>814</sup>. Графиня Толстая писала в воспоминаниях: «Не знаю, насколько можно верить Лорису, но он уверял меня, что император грозил удалить от себя наследника с семьёй, и что наследник счёл бы для себя за счастье уехать куда угодно, потому что его терпению приходил конец»<sup>815</sup>. Трудно, однако, сказать, как в этих свидетельствах можно отделить сплетни от действительных фактов и серьёзные намерения от слов, сказанных, возможно, в запальчивости. Случайная фраза Александра Александровича, оброненная в письме к

<sup>810</sup> ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2743. Л. 55 об.

<sup>811</sup> Валув П.А. Указ. соч. С. 133.

<sup>812</sup> 1-го марта 1881 г. (Отрывки из воспоминаний князя Д.Д. Оболенского.) // Возрождение. №1515. 26 июля 1929 г. С. 3. Схожее свидетельство есть и в воспоминаниях графини Толстой. // Толстая А.А. Указ. соч. Октябрь. 1993. №6. С. 141.

<sup>813</sup> ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 18. С. 109.

<sup>814</sup> ОР РГБ. Ф. 178. К. 9803. Д. 5. С. 73.

<sup>815</sup> Толстая А.А. Указ. соч. Октябрь. 1993. №5. С. 132.

Сергею Александровичу, о том, что «иногда так хотелось бы уехать подальше отсюда и видеть тебя и Павла»<sup>816</sup>, конечно, не может служить доказательством желания наследника решить проблему столь радикальным путём.

В связи с возникшими сложностями во взаимоотношениях наследника и императора нельзя упускать из виду роль представителей «верхов» в «деле» княгини Юрьевской. Интересно, как 2 января 1881 г. в письме к Е.Ф. Тютчевой К.П. Победоносцев изложил своеобразную логику отношений Лорис-Меликова к Александру II и цесаревичу. По мнению обер-прокурора граф «удивительно быстро создал себе две опоры – и в Зимнем дворце, и в Аничковом. Для государя он стал необходимостью, ширмой безопасности; наследнику облегчил подступы к государю и представил готовые ответы на всякое недоумение, ариаднину нить из всякого лабиринта. По кончине императрицы он укрепился ещё более, потому что явился развязывателем ещё более путаного узла в запутавшейся семье и добыл ещё, в силу обстоятельств, третью опору – в известной женщине. Но ко всем троим надобно приладиться, всех троих нужно заговорить, и на это он мастер»<sup>817</sup>. В то же время современники писали и о недовольстве цесаревича Лорис-Меликовым за близость к жене императора. «Положение Лорис-Меликова начинает пошатываться, в публике слышится ропот на то, что он фиглярничает, ничего серьёзного не делая, наследник сердит на него за то, что он ухаживает за княгиней Юрьевской»<sup>818</sup>, – отмечал Половцов (правда, опять же по слухам) в дневнике в середине декабря 1880 г. Утверждалось также, что вел. Константин Николаевич «благодаря этим отношениям всемоуш, военный министр Милютин и Лорис-Меликов составляют с ним триумвират и оттирают цесаревича, в котором естественно должны накопиться горечь и злоба»<sup>819</sup>. Государственный секретарь Е.А. Перетц 20 февраля отмечал, что «Лорис, кажется, тоже не чужд подлостности. Говорят, он сильно ухаживает за княгиней Юрьевской»<sup>820</sup>.

То, что в подобных слухах, по меньшей мере, не всё соответствовало действительности, подтверждает, в частности, любопытный фрагмент из письма вел. кн. Константина Николаевича к А.В. Головнину от 3/15 апреля 1882 г. о времени «владычества» Лорис-Меликова. Со слов М.И. Семевского он писал о том, что граф «всегда очень хорошо отзывался обо мне, о том как я его понял, ему сочувствовал, и готов был всегда с моей стороны оказывать всякое содействие, что он это с благодарностью сознаёт и вспоминает, но пользоваться этим не мог и не призывал меня к действительному общему участию в делах, потому что ему важнее всего, и главная забота его было – сохранить хорошие отношения с молодым двором, то есть с Аничковым, чего он

---

<sup>816</sup> Великий князь Сергей Александрович. С. 246.

<sup>817</sup> ОР РГБ. Ф. 230. К. 4410. Д. 1. Л. 1 об.

<sup>818</sup> ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 18. С. 109.

<sup>819</sup> Там же. С. 154.

<sup>820</sup> Дневник Е.А. Перетца (1880 – 1883). М. – Л., 1927. С. 22.

вполне и достиг, потому что по его словам тогдашний наследник был с ним вполне откровенен и ему сочувствовал». «Это что-то несколько странно звучит, – удивлялся Константин Николаевич. – К чему же повели его хорошие отношения к Аничкову? Спасли ли они его положение и дело, которое он так успешно начал, которое он называл делом внутреннего примирения и умиротворения?» Оценивая в ретроспективе внутреннюю политику Лорис-Меликова и полностью разделяя её, великий князь в заключении с немалым сожалением признавал, что «ему важнее всего было сохранить хорошие отношения и с Зимним дворцом и с Аничковым. В этом он был безусловно прав. Он, вероятно, или, лучше сказать, наверное нашёл уже тогда в Аничковом такую закваску ненависти и недоброжелательства ко мне, что он опасался, что, пользуясь моею готовностью ему содействовать, он непременно себе же повредит, если не в Зимнем, то уж наверное в Аничковом, и потому и держал меня, главного своего союзника, в стороне от себя. Я принужден назвать подобный расчёт несколько иезуитским, скажу даже армянским. И чего же он этим достиг? Моего содействия действительного он не хотел, а своего положения и своего дела всё-таки не спас. Как он ни культивировал Аничковского благоволения, покупая его отстранением от меня, яко слишком компрометирующего союзника, а он всё-таки рухнул, и с ним рухнуло и его доброе дело, которое было мне так любо!»<sup>821</sup>

Константин Николаевич не был далёк от истины, предполагая «закваску ненависти и недоброжелательства» к себе со стороны цесаревича. Судя по всему, и без того крайне негативное отношение племянника к дяде в последние месяцы жизни Александра II, особенно после серии столкновений по поводу строительства флота, ещё более усугубилось. Ещё в августе 1880 г. по поводу скандала, связанного с вел. кн. Николаем Николаевичем, наследник писал Лорис-Меликову, что «государь весьма недоволен поведением своего брата, и я могу откровенно Вам признаться, что я *очень рад*, что, наконец, государь энергично начал действовать с семейством, а то они позволяют себе всё и безнаказанно. Теперь бы не мешало и старшему брату государя, при удобном случае, тоже дать хорошего нагоняя!»<sup>822</sup> Доверяя столь откровенное суждение Лорис-Меликову, цесаревич, однако, не слишком афишировался с другими. Е.А. Перетц в конце сентября после разговора с вел. кн. Александром Александровичем о делах Государственного совета отмечал, что «несмотря на то, что нерасположение наследника к дяде, как говорят, достигло высшей степени, – в словах и даже в тоне цесаревича я не мог заметить ничего враждебного к великому князю». Спустя полмесяца Перетц писал, что ненависть цесаревича к великому князю Константину Николаевичу всё усиливается. Главные виновники этого – Победоносцев и Баранов, постоянно чернящие великого князя. Нерасположение наследника распро-

<sup>821</sup> ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1119. Л. 127 – 127 об., 128 об. – 129.

<sup>822</sup> Переписка с Лорис-Меликовым. С. 116.

страняется и на всех окружающих его дядю»<sup>823</sup>. Заискивающие отношения Константина Николаевича к Юрьевской не способствовали улучшению ситуации. Помимо вышеупомянутых сведений Половцова об этом наперебой писали и другие представители высшего общества. Тот же Перетц заметил в конце декабря 1880 г., что великий князь «в очень хороших отношениях с княгиней Юрьевской и, согласно обычаю своему в отношении *ко всем* молодым дамам, целует у неё руку. При дворе говорят, разумеется, что он делает это из угодничества. Цесаревич крайне недоволен такою интимностью»<sup>824</sup>. Граф А.А. Бобринский писал, что «великие князья Николай и Константин раболепствуют у ног madame Екатерины», и Константин Николаевич имеет успех, поскольку «проводит свой день в целовании рук княгини Юрьевской»<sup>825</sup>. Цесаревич очень недоволен великим князем Константином Николаевичем, но молчит, – отмечал 25 февраля 1881 г. Киреев, – цесаревна же громко выражает своё неодобрение»<sup>826</sup>. Ещё ранее Александр Алексеевич сетовал на своего патрона за то, что по приезде наследника из Крыма «великий князь не поехал его встречать! Опять неловкость и всё от непростительного неряшества. Всё это ему припомнится!»<sup>827</sup> О том, что Константин Николаевич «стал определённо ухаживать за Юрьевской, ласкал её детей, целовал её руки и держал себя униженно и вызывательно», писал и С.Д. Шереметев<sup>828</sup>.

Возвращаясь к отношениям Александра Александровича и Лорис-Меликова накануне смерти Александра II, следует сказать о мнении, высказывавшемся в литературе, что с осени 1880 г. в них началось охлаждение. Оно объяснялось как влиянием Победоносцева, так и желанием графа снискать расположение Юрьевской<sup>829</sup>. Действительно, Куломзин утверждал в воспоминаниях, что «Лорис в хлопотах о примирении сына и отца склонил наследника последовать призыву Александра II приехать на осень в Ливадию, причём Лорис удостоверил, будто Юрьевская продолжает как и ранее жить на своей даче между Ливадиёю и Ялтой, а покои покойной императрицы Марии Александровны остаются незанятыми. На деле оказалось обратное, и ложь Лориса обнаружилась»<sup>830</sup>. Граф Шереметев писал, что мнение о Лорис-Меликове «к кануну 1 марта значительно изменилось у цесаревича к худшему» после известного «люторического дела», выяснившего «отношения и взгляды диктатуры Лорис-Меликова»<sup>831</sup>. Однако всё же трудно указать какие-либо определённые факты, свидетельствующие об отдалении вел. кн. Александра Александровича от министра внутренних дел до 1 марта 1881 г. Напротив,

<sup>823</sup> Дневник Перетца. С. 3, 5.

<sup>824</sup> Там же. С. 16.

<sup>825</sup> Воспоминания А.А. Бобринского (1880 – 1881 годы) // Каторга и ссылка. 1931. №3(76). С. 76, 87.

<sup>826</sup> ОР РГБ. Ф. 126. Д. 8. Л. 205.

<sup>827</sup> Там же. Л. 183. Хотя, как уже указывалось, в тот же день великий князь побывал у племянника.

<sup>828</sup> Мемуары графа Шереметева. С. 478.

<sup>829</sup> Зайончковский П.А. Кризис самодержавия. С. 233.

<sup>830</sup> ОР РГБ. Ф. 178 К. 9803. Д. 6. С. 37.

<sup>831</sup> Мемуары графа Шереметева. С. 483. О «люторическом деле» см.: Воспоминания А.А. Бобринского. С. 83 – 84.

стоит вспомнить цитировавшееся выше письмо Победоносцева к Тютчевой начала января 1881 г. Между тем в дневнике и немногих письмах наследника с осени 1880 г. пропадают вообще всякие упоминания о вопросах внутренней политики, поскольку его занимали теперь исключительно семейные дела. К началу 1881 г. он и вовсе прекратил вести дневник. В этой же связи не вполне ясно отношение Александра Александровича к проекту Лорис-Меликова по проведению дальнейших реформ, изложенному во всеподданнейшем докладе от 28 января 1881 г. (то, что потом окрестят «конституцией Лорис-Меликова»). По-видимому, о нём шла речь в последнем перед первоапрельской трагедией письме цесаревича к графу от 21 января, в котором он просил заехать для разговора о «записке», отмечая, что прочёл её «с большим интересом, но необходимо о многом переговорить»<sup>832</sup>.

Насколько искренне наследник, вместе с сановниками, обсуждавшими проект в феврале 1881 г. в Особом совещании у императора и у самого цесаревича в Аничковом дворце, одобрил то, что впоследствии, будучи императором, назвал «фантастическим проектом» и «преступным и спешным шагом к конституции»?<sup>833</sup> По меньшей мере, представляется спорным мнение ряда исследователей о том, что наследник, недоброжелательно настроенный к министру внутренних дел, накануне 1 марта, увидев, что явный перевес в правительстве получила либеральная бюрократия, заявил себя «плюралистом», то есть, хотя и одобрил проект Лорис-Меликова, но не считал вопрос о представительстве разъяснённым и готовился к продолжению борьбы с «конституционными» стремлениями. Лорис-Меликов же со своей стороны якобы как раз и маскировал свои планы чуть ли не с целью усыпить «бдительность» цесаревича и пресечь возражения с его стороны<sup>834</sup>. Действительно, по свидетельству Д.М. Сольского, Лорис-Меликов, готовя свой проект, отверг сделанные ранее предложения вел. кн. Константина Николаевича как раз потому, что «цесаревич, не далее как в прошлом году, был против проекта великого князя. В виду этого он намерен, кажется, не предлагая теперь никакого постоянного учреждения при Государственном совете, просить о созыве депутатов от земств и городов в редакционную комиссию, на которую будет возложено предварительное рассмотрение законодательных предположений, имеющих быть составленными по окончании сенаторских ревизий»<sup>835</sup>. Однако неоднократно подчёркивалось, что предложения Лорис-Меликова носили умеренный характер и во всяком случае не содержали в себе ничего конституционного или похожего на умаление самодержавной власти. Кроме того, Особое совещание не утвердило введение в Государственный

---

<sup>832</sup> Переписка с Лорис-Меликовым. С. 120.

<sup>833</sup> Всеподданнейший доклад министра внутренних дел графа М.Т. Лорис-Меликова от 28 января 1881г. // *Итенберг Б.С., Твардовская В.А.* Указ. соч. С. 542.

<sup>834</sup> Там же. С. 192; *Твардовская В.А.* Указ. соч. С. 230 – 231.

<sup>835</sup> Дневник Перетца. С. 21.

совет представителей от общественных учреждений<sup>836</sup>. Фактов, которые бы чётко говорили об отрицательном отношении Александра Александровича к проекту Лорис-Меликова до 1 марта, нет. Часто приводимую фразу цесаревича, сказанную 28 февраля вел. кн. Константину Николаевичу, опасавшемуся возражений со стороны К.П. Победоносцева в Совете министров<sup>837</sup>, следует рассматривать скорее как признак не вполне ясного понимания проекта, чем неременной готовности выступить против него. Справедливо указывается на то, что Победоносцев не принимал участие в Особом совещании, и цесаревич не обсуждал с обер-прокурором ход дел в нём, а, между тем, всё время перед докладом от 28 января оказывал постоянную поддержку Лорис-Меликову. Более того, во главе предполагаемой Общей комиссии, которая должна была корректировать проекты законов, поступающих в Государственный совет, должен был стать наследник, при фактическом руководстве Лорис-Меликова<sup>838</sup>. Пожалуй, лишь не менее известные в литературе слова Александра II, обращённые к вел. кн. Александру и Владимиру Александровичам 1 марта<sup>839</sup>, могли заронить в наследнике, через несколько часов ставшем царём, предубеждение, что данный проект – «первый шаг к конституции»<sup>840</sup>, но и то оно ещё должно было пройти через смерть отца и известные события последующих дней, когда влияние Победоносцева действительно проявилось в полной мере.

В последние годы царствования Александра II в дневнике и письмах наследника практически всё, так или иначе относящееся к вопросам внутренней политики, исключая армию и флот, было посвящено революционному движению и борьбе с ним. Впрочем, в 1876 – 1878 гг., до резкого обострения ситуации, он не уделял этому слишком много внимания, расценивая революционеров как «недоучек», молодых людей с безумной тягой к разрушению, подкрепляемых агитацией из-за границы. Кроме того, цесаревича отвлекали международные события и участие

---

<sup>836</sup> Зайончковский П.А. Кризис самодержавия. С. 233;

<sup>837</sup> Когда Константину Николаевичу сообщили о намерении императора обсудить вопрос в Совете министров, тот заметил: «Как жаль! Там будет, вероятно, оппозиция со стороны Победоносцева». – «Что ж за беда, – возразил цесаревич, – тем лучше. Разные взгляды могут только способствовать разъяснению вопроса». (Дневник Перетца. С. 23.)

<sup>838</sup> Мамонов А.В. Правящая бюрократия. С. 474, 478 – 479; см. также: Зайончковский П.А. Кризис самодержавия. С. 294 – 295.

<sup>839</sup> В апреле 1881 г. вел. кн. Владимир Александрович рассказал министрам, бывшим в совещании у Лорис-Меликова о том, что «в понятиях молодого императора сильно впечатлелась фраза, вырвавшаяся у покойного государя утром злополучного дня 1-го марта, когда он, дав окончательное разрешение на предположения графа Лорис-Меликова, по выходе этого последнего из кабинета, сказал молодым великим князьям: «Я согласился, хотя не могу скрыть от себя, что мы идём по пути к конституции». Хотя граф Милютин, занесший этот рассказ в дневник, и «затруднялся объяснить», «что именно в предположениях Лорис-Меликова могло показаться царю зародышем конституции», он признавал, что эти «вещные слова должны были глубоко запасть в мысли обоих молодых царевичей и приготовить почву к восприятию ретроградных теорий Победоносцева, Каткова и компании». (Милютин Д.А. Дневник. 1879 – 1881. С. 318. Первая часть цитаты даётся по первоначальной редакции дневника.) Князь Д.Д. Оболенский в эмиграции также вспоминал со слов уже самого Лорис-Меликова, что в роковое утро 1 марта «государь сказал бывшим тут наследнику Александру Александровичу и великому князю Владимиру Александровичу: «Имейте в виду, что это начало конституции, pas d'illusions à se faire là-dessus». [Не надо строить себе иллюзий по этому поводу (*фр.*)] (1-го марта 1881 г. С. 3.)

<sup>840</sup> Замечание Александра III, сделанное в ходе обсуждения плана Лорис-Меликова 8 марта 1881 г. (Дневник Перетца. С. 33.)

в Русско-турецкой войне. Террористическая угроза заставила наследника резко заявить о необходимости карательных мер для борьбы с крамолой. Когда правительство осознало необходимость решительных действий, причём не только карательных, но и преобразовательных, цесаревич отрицательно воспринял попытку реформирования Государственного совета и последовательно высказывался против малейших проявлений «конституционализма». После взрыва в Зимнем дворце наследник, под влиянием окружения, выступил за создание чрезвычайного правительственного органа и координации правительственных сил для ликвидации революционной деятельности и в определённой мере повлиял в этом отношении на императора. Тем не менее, и в это время цесаревич скорее оставался сторонним наблюдателем, только время от времени активно проявляющего свою позицию. Характерно, что Александр Александрович горячо одобрил назначение М.Т. Лорис-Меликова и поддерживал с ним самые тесные деловые и личные контакты. По-видимому, в его деятельности вплоть до 1 марта 1881 г. цесаревич отнюдь не разочаровался, видя в политике графа все признаки решительной деятельности по укреплению власти. И лишь трагическая смерть Александра II и сопротивление консерваторов одобренной им программе Лорис-Меликова серьёзно повлияли на мнение нового императора.

Трудная политическая обстановка сопровождалась семейными неурядицами, основной из которых стала вторая женитьба императора. Переживания, занимавшие цесаревича в этой связи, сильно снижали его внимание к государственным проблемам: редкое единодушие с отцом в отношении мероприятий, предлагаемых графом Лорис-Меликовым, соседствовало с растущим раздражением, вызванным желанием императора упрочить публичное положение нового семейства. Сам наследник престола до поры до времени внешне проявлял максимальную выдержанность, не желая усугублять положение, однако трудно сказать, во что это могло бы вылиться впоследствии. В конце 1880 – начале 1881 г. окончательно испортились отношения Александра Александровича с вел. кн. Константином Николаевичем, что несомненно предопределило судьбу последнего в новое царствование. Вероятно, в меньшей степени, но так же напряжёнными оставались отношения цесаревича и с другим дядей, вел. кн. Николаем Николаевичем.

## **Заключение**

Рассмотрев государственную деятельность цесаревича Александра Александровича, можно утверждать, что будущий монарх, несмотря на изначальную свою неподготовленность к престолу, как моральную, так и образовательную, тем не менее, в 1865 – 1881 гг. прошёл достаточно большую практическую школу политической жизни, так или иначе принёсшую свою пользу. Наследник престола на протяжении многих лет не только принимал участие в повседневной работе императора с министрами, в заседаниях Государственного совета, Комитета и Совета министров, различных комиссий, командовал воинскими подразделениями, но, что более важно, имел свои собственные суждения по отдельным направлениям внутренней и внешней политики и, при тех или иных обстоятельствах, старался непосредственно участвовать в решении государственных дел. Вне зависимости от реальной расстановки политических сил в «верхах» цесаревич полагал, что именно он по своему статусу и положению имеет наибольшее право быть ближайшим помощником и советчиком своего отца, императора Александра II, на службе отечеству. Все практические проявления государственной деятельности вел. кн. Александра Александровича и его оценки правительственных мероприятий в конечном счёте были проникнуты искренним чувством долга по отношению к России и её государю.

Вместе с этим, имелось немало факторов, серьёзно затруднявших как полезную деятельность цесаревича на государственной службе, так и адекватное восприятие им правительственной политики в этот период. Первый из них и, пожалуй, наиболее существенный – сильная зависимость вел. кн. Александра Александровича от своего окружения в течение всего времени,

пока он был наследником. Молодому и неопытному великому князю, неожиданно сделавшемуся цесаревичем, естественно было искать опоры в людях старше него и более знающих, однако и накануне своего вступления на престол Александр Александрович вряд ли в меньшей степени зависел от мнения своих приближённых. При этом большое значение принимал другой фактор, а именно то, что цесаревич, как правило, слишком эмоционально, маловдумчиво, порывисто воспринимал ту или иную точку зрения и столь же страстно начинал её отстаивать перед отцом или представителями правящей бюрократии. Кроме того, в суждениях наследника заметны слабые теоретические знания, часто наивность и идеализм, но не трезвость политического мышления. Значительным фактором становилось личное, психологическое восприятие того или иного лица или явление, причём положительное отношение или неприятие могло быть обусловлено маловразумительной логикой. Отличался вел. кн. Александр Александрович и склонностью неожиданно и резко в противоположную сторону менять свои взгляды и так же рьяно защищать человека, которого до этого всячески ругал и наоборот. Полагая, что те или иные сановники оказывают влияние на императора, отгораживая того стеной от наследника, цесаревич сам не замечал, как оказывался в зависимости от своего окружения, зачастую ставившего его в крайне неловкие для его положения ситуации. Соответственно, и в обществе наследнику престола приписывали вовсе не свойственные ему намерения.

Всё это не способствовало доверию Александра II к начинаниям цесаревича в государственных делах. Искренне любя сына и видя его стремление помогать отцу, не сомневаясь в его личной порядочности и преданности, император понимал зависимое положение наследника от окружения, часто стремящегося использовать его, и не спешил разделять пылкость и нетерпеливость Александра Александровича, когда тот настаивал на своём. Это, а также разность воспитания и характеров государя и наследника приводила к непониманию, недоговорённости между ними, что особенно остро переживалось цесаревичем, страдавшего от недостатка личной близости с отцом и недоразумений в делах. В свою очередь, это вообще охлаждало наследника к государственной деятельности. Вкоренившаяся же с молодых лет любовь к спокойной, частной жизни, не исчезнувшая с годами, лишь способствовала инертности наследника престола. Поэтому зачастую он становился не столько деятельным участником, сколько сторонним наблюдателем происходящего.

## **Источники и литература**

### **Источники.**

#### **Архивные материалы:**

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

Фонды:

- 109 (Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии);
- 543 (Коллекция рукописей Царскосельского дворца);
- 583 (А.А. Половцов);
- 641 (Императрица Мария Александровна);
- 642 (Императрица Мария Фёдоровна);
- 646 (Вел. кн. Николай Николаевич Старший);
- 648 (Вел. кн. Сергей Александрович);
- 652 (Вел. кн. Владимир Александрович);
- 665 (Вел. кн. Николай Александрович);
- 677 (Император Александр III);
- 678 (Император Александр II);
- 681 (Вел. кн. Алексей Александрович);

722 (Вел. кн. Константин Николаевич);  
728 (Рукописное отделение библиотеки Зимнего дворца);  
730 (Граф Н.П. Игнатьев).

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР ОГБ).

Фонды:

126 (А.А. Киреев);  
169 (Граф Д.А. Милютин);  
178 (Музейная коллекция);  
230 (К.П. Победоносцев).

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Фонды:

1287 (Шереметевы).

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).

Фонды:

705 (А.П. Боголюбов).

### **Опубликованные источники:**

«Буду свято исполнять свой долг»: переписка наследника цесаревича Александра Александровича с великим князем Николаем Николаевичем // Источник. 1993, №1.

*Валуев П.А.* Дневник. 1877 — 1884. Пг., 1919.

Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002.

Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2: 1877 — 1880; М., 2007; Кн. 3: 1880 — 1884. М., 2009.

Воспоминания А.А. Бобринского (1880 – 1881 годы) // Каторга и ссылка. 1931, №3(76).

Воспоминания Н.А. Вельяминова об императоре Александре III // Российский архив. Вып. V. М., 1994.

*Газенкамф М.А.* Мой дневник. 1877 – 78 гг. СПб., 1908.

*Головнин А.В.* Записки для немногих. СПб., 2004.

- Дельви́г А.И.* Мои воспоминания. Т. IV. М., 1913.
- Дельви́г А.И.* Полвека русской жизни. Т. II. М. – Л., 1930.
- Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. 1865 – 1876. М., 1961.
- Дневник Е.А. Перетца (1880 – 1883). М. – Л., 1927.
- Дневник наследника цесаревича великого князя Александра Александровича. 1880 г. // Российский архив. Вып. VI. М., 1995.
- Епанчин Н.А.* На службе трёх императоров. Воспоминания. М., 1996.
- Забелин А.Ф.* Воспоминания об императоре Александре III // Военно-исторический вестник. 1958. №11.
- Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005.
- Зотов П.Д.* Дневник // Русско-турската война 1877 – 1878 г. Дневники, спомени, записки, кореспонденция. София, 1998.
- Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1: Рассказы в стенографической записи. Кн. 1. СПб., 2003.
- Из дневника А.А. Половцова (1877 – 1878 гг.) // Красный архив. 1929. Т. 2(33).
- Из переписки Александра Александровича Романова и его супруги Марии Фёдоровны // Вопросы истории. 2000, №4-5.
- Император Александр III и императрица Мария Фёдоровна. Переписка. 1884 – 1894 гг. М., 2001.
- Качалов Н.А.* Записки тайного советника. М., 2012.
- Колокол. №235-236. 1 марта 1867 г.; №237. 15 марта 1867 г.
- «Колокол»: газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Факсимильное издание. Вып. XI: Указатели к I – X выпускам. М., 1962.
- Кривенко В.С.* В Министерстве двора. Воспоминания. СПб., 2006.
- «Критик он блестящий, но не созидатель»: Воспоминания графа С.Д. Шереметева об обер-прокуроре Св. синода К.П. Победоносцеве. Апрель 1891 г. // Отечественные архивы. 2013, №4.
- Куломзин А.Н., Рейтерн-Нолькен В.Г.* М.Х. Рейтерн: Биографический очерк (с приложениями из посмертных записок М.Х. Рейтерна). СПб., 1910.
- «Любящий тебя племянник Саша»: Переписка цесаревича Александра Александровича и великого князя Михаила Николаевича. 1874–1878 гг. // Исторический архив. 2012, №5; 2013, №1.
- Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001.
- Мещерский В.П.* Мои воспоминания. М., 2003.
- Мещерский В.П.* Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863 – 1868. М., 2011.
- Милютин Д.А.* Воспоминания. 1865 — 1867. М., 2005.
- Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868 — 1873. М., 2006.

*Милютин Д.А.* Дневник. 1873 — 1875. М., 2008.

*Милютин Д.А.* Дневник. 1876 — 1878. М., 2009.

*Милютин Д.А.* Дневник. 1879 — 1881. М., 2010.

«Моя преданность Вам имеет одну основу: национальную политику»: Письма князя В.П. Мещерского цесаревичу Александру Александровичу. 1871 г. // Исторический архив. 2000, №3.

1-го марта 1881 г. (Отрывки из воспоминаний князя Д.Д. Оболенского.) // Возрождение. №1515. 26 июля 1929 г.

Переписка И.И. Воронцова-Дашкова и императора Александра III // *Исмаил-Заде Д.И.* Граф И.И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. М., 2005.

Переписка Александра III с графом М.Т. Лорис-Меликовым // Красный архив. 1925. Т. 1(8).

Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1. М., 1925.

«...Пишу я только для Вас...»: Письма К.П. Победоносцева к сёстрам Тютчевым // Новый мир. 1994, №3.

К.П. Победоносцев и его корреспонденты. В 2 т. Мн., 2003.

*Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря. Т. II. М., 2005.

*Толстая А.А.* Печальный эпизод из моей жизни при дворе. Записки фрейлины // Октябрь. 1993, №5, 6.

*Феоктистов Е.М.* За кулисами политики и литературы. 1848 – 1896. Л., 1929.

*Фирсов Н.Н.* Воспоминания о цесаревиче Николае Александровиче и императоре Александре III в юности // Исторический вестник. 1909. Т. 115.

*Чичерин Б.Н.* Воспоминания. Т. II. М., 2010.

*Шестаков И.А.* Полвека обыкновенной жизни. Воспоминания (1838 – 1881 гг.). СПб., 2006.

Briefwechsel des Botschafters General v. Schweinitz. Berlin, 1928.

Denkwürdigkeiten des Botschafters General v. Schweinitz. Bd. II. Berlin, 1927.

Some Russian Imperial Letters to Prince V.P. Meshchersky (1839 – 1914) // Oxford Slavonic Papers. Vol. 10. 1962.

Further Russian Imperial correspondence with Prince V.P. Meshchersky // Oxford Slavonic Papers. Vol. 11. 1964.

### **Литература:**

*Айрапетов О.Р.* Забытая карьера «русского Мольтке»: Николай Николаевич Обручев (1830 – 1904). СПб., 1998.

- Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Александр II и наследник накануне 1 марта 1881 г. // Исторический опыт русского народа и современность. Кн. 2: Дом Романовых в истории России. СПб., 1995.
- Барковец О.И., Крылов-Толстикович А.Н.* Александр III – Царь-Миротворец. СПб., 2007.
- Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX в. М., 1973.
- Боханов А.Н.* Император Александр III. М., 2006.
- Бушинелл Д. Д.* Милютин и Балканская война: испытание военной реформы // Великие реформы в России. 1856 – 1874. М., 1992.
- Воронин В.Е.* Русская самодержавная власть и либеральная правительственная группировка в условиях политического кризиса (конец 70-х – середина 80-х гг. XIX в.). М., 2010.
- Воронин В.Е.* Русские правительственные либералы в борьбе против «аристократической партии» (середина 60-х – середина 70-х гг. XIX в.). М., 2009.
- Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XIX в. М., 1978.*
- Готье Ю.В. К.П. Победоносцев и наследник Александр Александрович, 1865 – 1881 гг. // К.П. Победоносцев: pro et contra. СПб., 1996.*
- Далин В.М.* Последние Романовы и князь Мещерский // Вопросы истории внешней политики СССР и международных отношений. М., 1976.
- Дронов И.Е.* Консервативный проект для России: общественно-политические идеи князя В.П. Мещерского. М., 2009.
- Дронов И.Е.* Кружок князя В.П. Мещерского 1865 – 1871 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8 «История». 2001, №3.
- Дронов И.Е.* Сильный, державный: жизнь и царствование Александра III. М., 2006.
- Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860 – 1870 гг. в России. М., 1952.
- Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х гг. М., 1964.
- Захарова Л.Г.* Александр II и место России в мире // Новая и новейшая история. 2005, №2, 4.
- Золотарёв В.А.* Россия и Турция. Война 1877 – 1878 гг. М., 1983.
- Исмаил-Заде Д.И.* Граф И.И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. М., 2005.
- История внешней политики России. Вторая половина XIX в. М., 1997.*
- Итенберг Б.С., Твардовская В.А.* Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники. М., 2004.
- Каменский Е.* Заботы цесаревича Александра Александровича о перевооружении русской армии и о помощи голодающим в 67-ом году // Русский архив. 1915, № 9-10.
- Каменский Е.С.* Наследник цесаревич Александр Александрович // Исторический вестник. 1917, №1, 2, 3.
- Карцов А.С.* Русский консерватизм второй половины XIX – начала XX в. (князь В.П. Мещерский). СПб., 2004.

- Комзолова А.А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005.
- Куниский С.Д.* Русское общество и Парижская коммуна: отклики в России на Франко-прусскую войну и Парижскую коммуну. М., 1962.
- Кузнецов О.В.* Р.А. Фадеев: генерал и публицист. Волгоград, 1998.
- Мамонов А.В.* Граф М.Т. Лорис-Меликов: к характеристике взглядов и государственной деятельности // Отечественная история. 2001, №5.
- Мамонов А.В.* Правящая бюрократия и формирование внутренней политики самодержавия в конце царствования Александра II. Дисс. ... к.и.н. М., 2002.
- Мамонов А.В.* Самодержавие и «славянское движение» в России в 1875 – 1877 гг. // Отечественная история. 2004, №3.
- Манфред А.З.* Традиции дружбы и сотрудничества. Из истории русско-французских и советско-французских связей. М., 1967.
- Международные отношения на Балканах 1856 – 1878 гг. М., 1986.
- Муханов В.М.* Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М., 2007.
- Нифонтов А.С.* Письма русского посла Н.А. Орлова 1859 – 1865 гг. // Революционеры и либералы России. М., 1990.
- Оболенская С.В.* Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России. М., 1977.
- Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010.
- Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981.
- Русско-турецкая война 1877 – 1878 гг. М., 1977.
- Сенкевич И.Г.* Россия и критское восстание. 1866 – 1869 гг. М., 1970.
- Соловьёва А.М.* Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975.
- Твардовская В.А.* Александр III // Российские самодержцы. М., 1993.
- Толмачёв Е.П.* Александр III и его время. М., 2007.
- Уортман Р.С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. М., 2004.
- Фирсов Н.Н.* Александр III. Личная характеристика частью по его неизданным дневникам // Былое. 1925, № 1(29). С. 85 – 108.
- Хевролина В.М.* Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатьев. М., 2004.
- Христофоров И.А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850-х — середина 1870-х гг.). М., 2002.
- Цимбаев Н.И.* И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978.

*Черникова Н.В.* Князь В.П. Мещерский и его эпистолярное наследие // *Мещерский В.П.* Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863 – 1868. М., 2011.

*Чернуха В.Г.* Александр III // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001.

*Чернуха В.Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978.

*Чернуха В.Г.* Правительственная политика в отношении печати. 60 – 70-е гг. XIX в. Л., 1989.

*Шевырёв А.П.* Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. М., 1990.

*Kipp J.W.* Tsarist politics and the Naval Ministry, 1876 – 81: Balanced fleet or cruiser navy? // *Canadian-American Slavic Studies*. 1983, Vol. 17, No. 2.